

ВОСТОЧНО ЕВРОПЕЙСКИЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

DOI: 10.31618/ESSA.2782-1994.2021.3.67

#3(67), 2021 часть 3

#3(67), 2020 part 3

Восточно Европейский научный журнал
(Санкт-Петербург, Россия)

Журнал зарегистрирован и издается в России
В журнале публикуются статьи по всем
научным направлениям.

Журнал издается на русском, английском и
польском языках.

Eastern European Scientific Journal
(St. Petersburg, Russia)

The journal is registered and published in Russia
The journal publishes articles on all scientific
areas.

The journal is published in Russian, English
and Polish.

Статьи принимаются до 30 числа каждого
месяца.

Периодичность: 12 номеров в год.

Формат - А4, цветная печать

Все статьи рецензируются

Бесплатный доступ к электронной версии
журнала.

Редакционная коллегия

Главный редактор - Адам Барчук

Миколай Вишневецки

Шимон Анджеевский

Доминик Маковски

Павел Левандовски

Ученый совет

Адам Новицки (Варшавский университет)

Михал Адамчик (Институт
международных отношений)

Питер Коэн (Принстонский университет)

Матеуш Яблоньски (Краковский
технологический университет имени
Тадеуша Костюшко)

Петр Михалак (Варшавский университет)

Ежи Чарнецкий (Ягеллонский университет)

Колуб Френнен (Тюбингенский
университет)

Бартош Высоцкий (Институт
международных отношений)

Патрик О'Коннелл (Париж IV Сорбонна)

Мацей Качмарчик (Варшавский
университет)

Articles are accepted till the 30th day of each
month.

Periodicity: 12 issues per year.

Format - A4, color printing

All articles are reviewed

Free access to the electronic version of journal
Editorial

Editor-in-chief - Adam Barczuk

Mikolaj Wisniewski

Szymon Andrzejewski

Dominik Makowski

Pawel Lewandowski

Scientific council

Adam Nowicki (University of Warsaw)

Michal Adamczyk (Institute of International
Relations)

Peter Cohan (Princeton University)

Mateusz Jablonski (Tadeusz Kosciuszko
Cracow University of Technology)

Piotr Michalak (University of Warsaw)

Jerzy Czarnecki (Jagiellonian University)

Kolub Frennen (University of Tübingen)

Bartosz Wysocki (Institute of International
Relations)

Patrick O'Connell (Paris IV Sorbonne)

Maciej Kaczmarczyk (University of Warsaw)

**Давид Ковалик (Краковский
технологический университет им. Тадеуша
Костюшко)**

**Питер Кларквуд (Университетский
колледж Лондона)**

Игорь Дзедзич (Польская академия наук)

**Александр Клиmek (Польская академия
наук)**

**Александр Роговский (Ягеллонский
университет)**

Кехан Шрайнер (Еврейский университет)

**Бартош Мазуркевич (Краковский
технологический университет им. Тадеуша
Костюшко)**

Энтони Маверик (Университет Бар-Илан)

**Миколай Жуковский (Варшавский
университет)**

**Матеуш Маршалек (Ягеллонский
университет)**

**Шимон Матысяк (Польская академия
наук)**

**Михал Невядомский (Институт
международных отношений)**

Главный редактор - Адам Барчук

1000 экземпляров.

Отпечатано в ООО «Логика+»

198320, Санкт-Петербург,

Город Красное Село,

ул. Геологическая,

д. 44, к. 1, литера А

«Восточно Европейский Научный Журнал»

Электронная почта: info@eesa-journal.com,

<https://eesa-journal.com/>

**Dawid Kowalik (Kracow University of
Technology named Tadeusz Kościuszko)**

Peter Clarkwood (University College London)

Igor Dzedzic (Polish Academy of Sciences)

**Alexander Klimek (Polish Academy of
Sciences)**

Alexander Rogowski (Jagiellonian University)

Kehan Schreiner (Hebrew University)

**Bartosz Mazurkiewicz (Tadeusz Kościuszko
Cracow University of Technology)**

Anthony Maverick (Bar-Ilan University)

Mikołaj Żukowski (University of Warsaw)

Mateusz Marszałek (Jagiellonian University)

**Szymon Matysiak (Polish Academy of
Sciences)**

**Michał Niewiadomski (Institute of
International Relations)**

Editor in chief - Adam Barczuk

1000 copies.

Printed by Logika + LLC

198320, Region: St. Petersburg,

Locality: Krasnoe Selo Town,

Geologicheskaya 44 Street,

Building 1, Litera A

"East European Scientific Journal"

Email: info@eesa-journal.com,

<https://eesa-journal.com/>

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Mukhammadiyeva M.D. COVERAGE OF LARGE-SCALE REFORMS CARRIED OUT IN UZBEKISTAN IN THE PRESS OF POLITICAL PARTIES AND EXISTING PROBLEMS IN THIS AREA.....	4
Рашидов Р.Р., Шермухаммедова Д.М. ФОРМИРОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА В РАМКАХ СОДРУЖЕСТВА НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ – КАК ИМПУЛЬС РАЗВИТИЯ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ.....	7
Зарипова З.А. МЕХАНИЗМЫ ПРЕВЕНТИВНОЙ ДИПЛОМАТИИ И РАЗВИТИЕ КУЛЬТУРЫ МИРА В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ	12
Makarenko M.V. PRIORITY DIRECTIONS OF TRANSFORMATION OF PUBLIC GOVERNANCE IN THE FIELD OF HEALTHCARE	18
Nikolina I.I., Ocheretianyi V.V. THE COMMUNICATION DIMENSION OF ACTIVITIES OF PUBLIC INSTITUTIONS IN THE DIGITAL ENVIRONMENT ..	21

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Chernogortseva S.V., Sychev S.V. COMPETENCIES PUSHED ONLINE.....	28
--	----

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Євєнко Т.І. МЕХАНІЗМ КОРОТКОСТРОКОВОГО БАНКІВСЬКОГО КРЕДИТУВАННЯ	39
Копилюк О.І., Музичка О.М., Тимчишин Ю.В. КОНЦЕПТУАЛЬНІ ОСНОВИ ЗАБЕЗПЕЧЕННЯ ІНВЕСТИЦІЙНОЇ БЕЗПЕКИ УКРАЇНИ	44
Побирченко В.В., Шутаева Е.А. ВНЕШНЯЯ ТОРГОВЛЯ РОССИИ ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНОЙ ПРОДУКЦИЕЙ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ДИНАМИКА ОСНОВНЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ	49

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Vogatyrov A.I., Mykhailyk O.H. WORLD PRACTICE OF APPLYING PUNISHMENT IN THE FORM OF LIFE IMPRISONMENT	55
Романова И.В., Лаврик Т.М. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА ОБЩЕМ СОБРАНИИ УЧАСТНИКОВ ОБЩЕСТВА.....	60

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Mukhammadiyeva M.D.

*2st year Master's Degree Student of Journalism and
Mass Communications University of Uzbekistan*

COVERAGE OF LARGE-SCALE REFORMS CARRIED OUT IN UZBEKISTAN IN THE PRESS OF POLITICAL PARTIES AND EXISTING PROBLEMS IN THIS AREA

Abstract. This article outlines the goals of political parties' rapprochement with the press, the types of media, and their classification. Based on theoretical data the coverage of large-scale reforms in Uzbekistan in the press of political parties by comparing the newspapers of the two parties published on a particular date is examined. The content, number and share of articles reporting on changes in political, socio-economic life in the pages of newspapers are analyzed. The existing problems of party publications in the subject matter and the reasons for them are scanned.

Keywords: mediatization, weekly newspapers, content, political article, journalistic inquiry, party propaganda agencies, private media, government media;

Many political parties have their own media to communicate with their members, supporters and the general public. The media of political parties are divided into one of the following "three categories"¹. One of them is "party propaganda agencies", which are mainly distributed to party members, but can also be used to inform the general public. Party propaganda is usually not subject to media regulation. The second type is ordinary private media that belongs to a party, one of its leaders, or prominent members. Private media are often governed by the media and electoral law. Regardless of who owns private media, they must comply with applicable standards or regulations. The third type is government media, in which the party and the government work together. In this case, state-funded media outlets are expected to meet the same standards as any other media outlet. The process of mediation of political parties is based on different interests and needs. The organizational, legal, socio-political aspects of the activities of the press of political parties are analyzed differently according to the above considerations. What are the reasons why political parties have become so close to the media and even adapted to the media? Although there are many questions, to date, mediation remains a concept used for routine research, and mediation processes have not been studied largely. In the course of our scientific research, our goal is to study theoretically the process of mediation in the example of political parties in Western democracies. Although there are many types of political activities, we focus on political parties because they are the most central political subjects of democracies. Because of this key role, political parties have received a great deal of attention in the political science literature. However, there is very little scientific research and conclusions about how

mediation has affected their activities and central state. First, policy mediation is defined as a long-term process that leads to the media becoming increasingly independent of politics and politicians and political institutions becoming increasingly dependent on the media. Accordingly, the power of the press can be seen in the political election process. For example, The Sun, News of the World, The Times, and The Sunday Times, owned by media mogul Rupert Murdoch, called on people to vote for the Labor Party in the 2005 election. According to media producer Tony Schwartz, "political parties used to act as a bridge between a political candidate and an audience. Today, ABC, NBC, and CBS have become political parties"².

When we reflect on the history of the formation and development of the press, we have mentioned that the press has operated at all times, especially under authoritarian pressure. The main assumption in the mediation literature is that the media and politics form two separate systems, albeit interdependent, based on different logics. The media is becoming increasingly independent of politics, and they are increasingly following their own logic. As a result, it encourages political actors to conform to that logic, not to what can be called party logic. According to Schrott, "the core of mediation is the mechanism of institutionalizing media logic in other social subsystems. In these subsystems, the media competes with the guidelines set by logic and influences the actions of individuals."³ Meyer argues that "a similar policy leads to a colonial process that leads to an almost unconditional surrender to the logic of the media system."⁴ "Media is also a broad concept, for example, there are many differences between mobile phones and newspapers. In addition, the theory of policy mediation is generally focused on the media, not all media outlets."⁵ The party faction was also

¹ <https://aceproject.org/ace-en/topics>

² <http://www.museum.tv> "Political processes and television". Lynda Lee Kaid.

³ Schrott A (2009) Dimensions: Catch-all label or technical term. In: Lundby K (ed.) Mediatization:

Concept, Changes, Consequences. New York: Peter Lang, pp. 41–62.

⁴ Meyer T (2002) Media Democracy: How the Media Colonize Politics. Cambridge: Polity.

⁵ Lundby K (2009) Media logic: Looking for social interaction. In: Lundby K (ed.) Mediatization:

interested in establishing cooperation with the media, including the press, in order to further strengthen public relations. Unlike an authoritarian regime, it is undeniable that as the inviolability of freedom of speech has increased, political parties have also begun to approach the media to gain some control over any rumors and critical messages circulating around their activities. Moreover, "political parties and the government are also interested in the media service to widely promote election programs, to reach out to the public and to partially control the dissemination of information about party activities"⁶. Over time, both the political situation and attitudes have changed, and "from the first years of independence of Uzbekistan, the party's monopoly on journalism has ended"⁷. As a result, both the press and television have become more objective. The main purpose of the establishment of the press of political parties is to get closer to the public. It is no exaggeration to say that regular media coverage of the activities of government bodies is a step towards building a democratic state and civil society. Indeed, one of the main features of a democratic state based on the rule of law and civil society is the achievement of transparency in the activities of government agencies. The media is instrumental in ensuring transparency. Parties rely on factions to interact with the public. The law stipulates that deputies meet with voters and report to them. That is the opportunity and, if it is possible, the obligation, of the party members to take full advantage of this opportunity. As a representative elected by the people, the goal and task of political parties is to penetrate into the people, to gain their respect and trust. Only by gaining trust, can one spread one's ideas and goals and inculcate them in the minds of the people. Public relations of party factions in parliament takes place mainly during the advocacy phase of the laws. The campaign consists of three stages, including events such as conferences, seminars, roundtables, and, as a result, media coverage of these events and MPs' meetings with voters. The Voice of Uzbekistan (O'zbekiston ovozi), a spokesperson for the People's Democratic Party (Xalq demokratik partiyasi), is published three times a week in Uzbek. The central publication of the Social Democratic Party "Adolat", the newspaper "Adolat" has been published once a week since February 22, 1995. The newspaper "XXI Century (XXI asr)" has been covering the activities of the Liberal Democratic Party of Uzbekistan (O'zbekiston liberal demokratik partiyasi) since January 1, 2004. The role of the party press is not limited to covering party activities. It also provides clients with information on changes in the country's socio-political and cultural spheres. To find out what the content of these publications is today, you can analyze several of the weekly publications. For example, the publication of the Social Democratic Party "Adolat" in the socio-political newspaper

"Adolat", published on June 19, 2020, under 18 columns, contained articles of various contents. The front pages contain materials covering the party's activities. Members of the working group visited the Republic of Karakalpakstan on June 3 to study the implementation of the tasks set in the video conference on "Poverty Reduction". Details of the visit are described in a political article entitled "Members of the Working Group in Karakalpakstan." Another article was published on the visit of deputies to Samarkand region and a numerical analysis of the situation caused by the COVID-19 pandemic, which is one of the current issues today. This article is published under the headline: "Are disinfection corridors for exhibition?" Details of the meeting of MP Mahfurat Khushvaktova with residents of Chandir Farm of Mirishkor district were published in the article "Issues will be resolved in time". On the third page of the newspaper there are social articles about "Praiseworthy deeds" of the deputy group of the Social Democratic Party "Adolat" in Surkhandarya regional council, "Initiatives of deputies elected to the Jambay district Council of People's Deputies", "Season of renewal in Chirchik". published. On the fourth page of the newspaper, Narimon Umarov, Deputy Speaker of the Legislative Chamber and Chairman of the Political Council of the Social Democratic Party "Adolat" commented on the consequences of "If the guardians of justice are unfair". As part of the donation campaign, "548 volunteers donated 138.3 liters of blood," and in the column "Punishment for the crime is inevitable", "I regret what I did or what most criminals have to say in court". Another article is about Sharofiddin Kurbanov's generosity. The fifth page of the newspaper is called "We and the World". The page contains world news, news about the life of the customs system and an article on the education system in Uzbekistan entitled "Science needs knowledge, not privileges". The "Last Page" contains an article on cultural life entitled "Problem Solving". There were also articles entitled "You have a life without a steering wheel", and "The right to education is guaranteed in a pandemic". Finally, in the "Good to know" section, the content of legal information explains the procedure for issuing student loans. The column of contemplation contains examples from the aphorisms of great personalities.

Large part of the 19th issue of the socio-political newspaper "XXI Century", published on June 28, 2020, covers the activities of the party. From the front pages, party members commented, "Freedom is only when the law takes precedence over passions," "Privileges are created for families with many children", and "If science is supported". In addition, the details of the visit of the Deputy Speaker of the Legislative Chamber of the Oliy Majlis to Bukhara and Khorezm were reported. Under the heading "Reform" there is a social article based on the numbers "The day has come when the sun

Concept, Changes, Consequences. New York: Peter Lang, pp. 101–119.

⁶ Peter Van Aelst. Jesper Strömbäck. Why political parties adapt to the media: Exploring the fourth

dimension of mediatization. International Communication Gazette75(4). June 2013. P342.

⁷ <http://shosh.uz/Toshkent-gazetalari-tarihi/>

will shine on the shoulders of the cocoons as well". There are also articles on party life entitled "It is difficult to get rid of poverty easily", "Let the party work", "Voter, no, if the deputy goes". The "Alarm Bell" page discusses the concept of agricultural development in our country, "The soil needs love, not anger". There was also a journalistic inquiry into why the industrial zone was unpopular with industrialists. The eighth page of the newspaper predicts whether the world oil market will be balanced or not. The XXI Century (XXI Asr) newspaper publishes a weekly column entitled "21st Century Answers" to provide legal advice to those in need. The 19th issue of the newspaper answered the questions of the hostage. The "Activity" page published an invitation to Javlon Hamdamov to participate in the German International Congress, and the article "The Charm of Uzbek Love" criticized the level of advertising published today. A May 14 issue of the newspaper re-examined a journalistic inquiry into the fact that a citizen's father's house had been rented for eight years, even though it was legally his property. The newspaper also quoted aphorisms on the subject in order to teach its customers "Business Secrets". The last page is devoted to the article on the life and work of Haji Abdulaziz Abdurasulov. The analysis shows that most of the content of the socio-political newspapers of the two parties studied above consists of political news about the life of the party. The socio-political newspaper "Adolat" published 14 articles in its June 19 issue. Of these, 10 (71%) are articles on party activities. In addition, articles on social issues related to 1 field of education, 1 traffic on the roads make up 14% of the newspaper's content. There are 2 articles (14%) on topics related to crime and its prevention. Aphorisms, legal information and brief world news are not included in the above. The content of the newspaper "XXI Century" in the June 18, 19 issue contains 16 articles. 10 of them (62%) are political articles covering the activities of the party and reporting on the implementation of decrees. In addition, one (6%) scientific article on the development of the agricultural sector in Uzbekistan, 1 (6%) article criticizing the shortcomings in the field of advertising and marketing, 1 (6%) on cultural and educational issues, devoted to the world economic situation. 1 article (6%) was processed. The remaining two articles (12%) were journalistic inquiries aimed at protecting the rights of

citizens. Except for small advertisements and aphorisms from the pages of newspapers.

The analysis of the large-scale reforms and developments in Uzbekistan in the party's press shows that there are enough gaps in this area. The party's press pages have a single template: "Decisions have been made...", "Enforcement of decisions has been checked", "Money has been allocated", "Working group has been set up". An invisible chain of support for party members' decisions and decrees, and the party's press supporting deputies, is a major problem in this area. "Political parties and relevant public opinion should have less influence on what issues the media and the press choose, as well as their relative position"⁸. Given that "the media plays an important role in influencing the style and process of coverage of political companies"⁹, party members need to make effective use of the press to serve the public. Political parties are interested in the reforms and their promotion in the interests of the people in our country. Accordingly, as an important part of the process of deepening reforms, more attention should be paid to the promotion of political parties through the media. As defenders of the people's interests, it is necessary to ensure that they are aware of the ongoing reforms and create opportunities for them to react.

References:

1. "Adolat". Sharq. T.: 2020.07.19 №18
2. "XXI asr". Sharq. T.: 2020.07.18 №19
3. Peter Van Aelst. Jesper Strömbäck. Why political parties adapt to the media: Exploring the fourth dimension of mediatization. *International Communication Gazette*75(4). June 2013.
4. Phil Harris. Andrew Lock. Do political parties and the press influence the public agenda? *Journal of political marketing*. October 2006.
5. Schrott A (2009) Dimensions: Catch-all label or technical term. In: Lundby K (ed.) *Mediatization: Concept, Changes, Consequences*. New York: Peter Lang, pp. 41–62.
7. Meyer T (2002) *Media Democracy: How the Media Colonize Politics*. Cambridge: Polity.
8. Lundby K (2009) *Media logic: Looking for social interaction*. In: Lundby K (ed.) *Mediatization: Concept, Changes, Consequences*. New York: Peter Lang, pp. 101–119.
10. <http://shosh.uz/Toshkent-gazetalari-tarihi/>
11. <https://aceproject.org/ace-en/topics>

⁸ Phil Harris. Andrew Lock. Do political parties and the press influence the public agenda? *Journal of political marketing*. October 2006. P4.

⁹ Phil Harris. Andrew Lock. Do political parties and the press influence the public agenda? *Journal of political marketing*. October 2006. P4.

ФОРМИРОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА В РАМКАХ СОДРУЖЕСТВА НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ – КАК ИМПУЛЬС РАЗВИТИЯ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

Аннотация. В рамках данной статье анализируется процесс формирования единого информационного пространства стран Содружества Независимых Государств (СНГ) и проблемы его формирования. В статье описана сущность, структура единого информационного пространства, компоненты и характеристики. Процесс трансформации и создания принципиально нового информационного пространства был рассмотрен в качестве интеграционного фактора в пространстве СНГ. Целью статьи является проведение системно-проблемного анализа единого информационного пространства стран СНГ, оценка позиций стран-участниц, описание процессов его формирования и развития.

Ключевые слова: информационное пространство, формирование информационного пространства, Содружества Независимых Государств, концепция, информационная инфраструктура, средства массовой информации.

Информационное пространство – совокупность национальных информационных пространств в рамках одного государства или в рамках нескольких государств, взаимодействующих на основе соответствующих межгосударственных договоров по согласованным сферам деятельности.

Формирование информационного пространства – совокупность согласованных на межгосударственном уровне мероприятий и условий по развитию на взаимовыгодной основе межгосударственных информационных обменов в интересах сотрудничества более двух государств в согласованных сферах деятельности и в соответствии с международными принципами распространения информации в целях обеспечения и удовлетворения информационных потребностей граждан, предприятий, организаций и органов управления нескольких государств.

Межгосударственные обмены информацией в новых политических и экономических условиях трансформировались для государств **Содружества Независимых Государств (СНГ)** в широкомасштабную задачу формирования информационного пространства.

Для решения этой задачи на основе современных информационных технологий требуются выработка и проведение согласованной политики по формированию информационного пространства государств Содружества¹⁰. **Концепция формирования информационного пространства СНГ** является тому подтверждением, которая подготовлена в соответствии с Решением Совета глав правительств от 3 ноября 1995 года и

во исполнение Протокольного решения Совета глав правительств от 12 апреля 1996 года.

Возникновение транснациональных экономических структур, информационных и телекоммуникационных систем свидетельствует о переходе от индустриальной к информационной ориентации развития экономики и общества. Глобальные информационные системы связывают мир в единое целое и делают все государства информационно взаимозависимыми, заставляя проявлять максимум внимания к качеству информационного взаимодействия в различных сферах жизнедеятельности общества.

Формирование информационного пространства СНГ позволит полнее координировать реформы, создавать благоприятные условия для функционирования рынков товаров, услуг, капиталов и рабочей силы, обеспечивать равное право на приобретение в собственность имущества, владение, пользование и распоряжение им на территориях государств-участников СНГ, проводить согласованную политику в различных сферах.

На настоящий момент работа по формированию единого информационного пространства (ЕИП) стран СНГ возложена на Региональное Содружество в области связи (РСС) и, в частности, на Координационный совет государств - участников СНГ по информатизации, деятельность которого регламентируется двумя документами:

1. Регламент Координационного совета государств-участников СНГ по информатизации при Региональном содружестве в области связи;

¹⁰ Концепция формирования информационного пространства Содружества Независимых Государств. Утверждено решением СГП СНГ о Концепции формирования информационного

пространства СНГ от 18 октября 1996 г. <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId>

2. Положение о Комиссии по информационной безопасности при Координационном совете государств-участников СНГ по информатизации при РСС.

Информационная политика в странах, входящих в Содружество Независимых Государств, формируется с учётом международных стандартов и национальной специфики. Как правило, органами власти определены цели и задачи, инструменты осуществления информационной политики, принят ряд правовых актов, выделены финансовые ресурсы для поддержки массмедиа, разъясняющих решения органов власти и освещающих деятельность государства в положительном ключе, реализуются программы информатизации и обеспечения безопасности в сфере распространения разнообразных данных. Государственные органы формируют информационную политику в интересах установления доверительного диалога с населением, эффективного расходования бюджетных средств, координируют усилия при формировании единого информационного пространства стран, составляющих СНГ. Одновременно при почти повсеместном запрете цензуры административные учреждения для обеспечения информационной безопасности вырабатывают формы контроля деятельности массмедиа, интернетсообществ¹¹.

Главной целью работ по формированию информационного пространства государств-участников СНГ является обеспечение взаимодействия национальных информационных пространств государств Содружества на взаимовыгодной основе с учетом национальных и общих интересов в деле развития сотрудничества в согласованных сферах деятельности.

В составе общих интересов государств Содружества могут быть названы:

- сохранение и развитие контактов граждан;
- беспрепятственное и нецензурируемое распространение открытой информации о жизнедеятельности государств-участников СНГ и органов Содружества;
- развитие образования, науки, техники и культуры;
- обеспечение доступа граждан, предприятий и организаций, органов государственного управления к национальным и международным информационным ресурсам по различным сферам согласованной деятельности на основе соответствующих межгосударственных договоров;

¹¹ Калюга А.А. Информационная политика в странах СНГ / Наука о человеке: гуманитарные исследования. Омская гуманитарная Академия. №4, 2016. – С. 91-92. DOI 10.17238/issn1998-5320.2016.26.91

¹² Концепция формирования информационного пространства Содружества Независимых Государств. Утверждено решением СГП СНГ о

• обеспечение информационной безопасности;

• координация действий в борьбе с терроризмом: организованной преступностью и наркобизнесом;

• взаимодействие в области чрезвычайных ситуаций, стихийных бедствий и катастроф, своевременное информирование по этим вопросам и информационное сопровождение при их ликвидации;

• создание условий взаимовыгодного использования информационных ресурсов государств-участников СНГ.

Имеется ряд **важных конкретных задач**, эффективное решение которых возможно только путем совместных усилий государств Содружества.

1. Разработка и принятие межгосударственных документов о трансграничном распространении информационной продукции.

2. Разработка и утверждение механизма доступа к национальным информационным ресурсам.

3. Принятие согласованных мер по оказанию информационно-телекоммуникационных услуг, по сохранению и развитию национального промышленного потенциала производства средств информатизации в государствах Содружества на основе кооперации и международного разделения труда.

4. Осуществление совместных мероприятий по использованию созданного ранее научно-технического потенциала и информационной инфраструктуры в государствах Содружества¹².

Российская Федерация прилагает огромные усилия по формированию информационного пространства государств-участников СНГ. Так, в 2000 году главой государства В. Путиным была одобрена «Доктрина информационной безопасности Российской Федерации»¹³.

Среди основных причин, препятствующих созданию действующего Единого информационного пространства стран СНГ, можно назвать следующие факторы:

1. После развала СССР и в некоторой степени до настоящего времени в политике стран-участниц СНГ центробежные тенденции преобладают над центростремительными. Грузия покинула СНГ в 2008 году, Украина в настоящее время ведет речь об инициировании процесса выхода из СНГ. Сегодня противоречия между Арменией и Азербайджаном, связанные с нагорно-карабахским конфликтом, только нарастают. Нечеткость интеграционной концепции и внутренние

Концепции формирования информационного пространства СНГ от 18 октября 1996 г. <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId>

¹³ Доктрина информационной безопасности Российской Федерации. 2000. URL: www.scrf.gov.ru/documents

конфликты политических элит в странах СНГ провоцируют рост разнонаправленных процессов во взаимоотношениях между бывшими союзными республиками.

2. Возникновение острейших политических противоречий и даже военных конфликтов внутри СНГ, таких как между Арменией и Азербайджаном и др. Открытые враждебные действия некоторых стран СНГ (Украины, Молдовы, ранее Грузии) в отношении России, являющейся центром интеграционного образования. Явная антироссийская информационная политика в странах СНГ, связанная с вышеназванными конфликтами.

3. Отсутствие ярко выраженной интеграционной политики. Политические элиты в странах СНГ не всегда были (и являются таковыми в настоящее время) заинтересованы в создании реальных условий для развития интеграционных процессов. Зачастую для решения узких внутриполитических задач эти элиты прибегают (следует отметить, что не без внешней помощи) к эксплуатации темы национальной исключительности, стимулированию чувства якобы ущемленного национального самолюбия, возрождению старых счетов и обид, а местные средства массовой информации используются для этих целей как пропагандистский инструмент.

4. Нарастающее противодействие Запада любым интеграционным процессам на пространстве бывшего СССР. Может быть, в начале 1990-х годов Запад еще в какой-то степени признавал «особую роль или ответственность России» на территории постсоветского пространства, но с середины 1990-х годов политические подходы к этому вопросу резко изменились. Укрепление позиций России, ее политическое лидерство стало рассматриваться только как проявление неоимперских амбиций. Страны Запада начали настоящую информационную войну против России с целью воспрепятствовать восстановлению политического и информационного единства на пространстве бывшего СССР (следует отметить, что одним из четырех ключевых направлений так называемой «цифровой дипломатии» Госдепартамента США как раз и является ограничение медиа-присутствия России на пространстве бывшего Советского Союза).

5. Усиление региональных центров силы (Турции, Китая, Индии, Ирана) и их информационная экспансия в СНГ с использованием большого потенциала современных средств коммуникаций и передачи

информации для продвижения собственного информационного контента.

6. Протекционистские меры, принятые некоторыми государствами СНГ, направленные на создание и защиту собственного информационного пространства; стремление к проведению независимой национальной информационной политики; формирование приоритета национальных интересов по отношению к интересам интеграции.

7. Преобладание на рынке иностранной телекоммуникационной и вычислительной техники и программно-аппаратных средств. Отставание в развитии национальной индустрии информационно-коммуникационных технологий и не преодоленная до сих пор зависимость от зарубежных поставщиков.

8. Ошибочная политика в области инвестиций в информационно-коммуникационные технологии, нацеленная на внешних поставщиков без анализа возможностей развития производства современных вычислительных средств и информационных технологий на базе уже имеющихся производственных мощностей в государствах Содружества.

9. Отсутствие координации между государственными и коммерческими структурами в создании и развитии национальных и корпоративных информационно-телекоммуникационных систем, что затруднило формирование единого информационного пространства, в том числе и из-за разнотипности эксплуатируемого оборудования¹⁴.

В России в первой половине 2016 года зарегистрировано более 82 000 массмедиа. Информационное пространство, формируемое посредством массмедиа, можно рассматривать как зеркало социально-экономических процессов, оно может отражать лишь те сегменты реального, политического пространства, к которым субъекты политики хотели бы привлечь внимание населения. В информационном пространстве России массмедиа, контролируемые органами государственной и муниципальной власти, освещают деятельность административных учреждений в положительном ключе, сообщают о принятых ими решениях, гораздо реже публикуют критические материалы¹⁵.

Формирование единого информационного пространства в рамках СНГ поддерживают и официальные власти Республики Беларусь. В стране действует значительное количество массмедиа. По данным республиканского министерства информации, в этой стране к 1 мая 2016 года зарегистрированы свыше одной тысячи

¹⁴ Сурма И.В. Единое информационное пространство СНГ: 20 лет спустя // Вопросы безопасности. №5, 2015. – С. 41 - 58. DOI: 10.7256/2409-7543.2015.5.17473 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=17473

¹⁵ Калюга А.А. Информационная политика в странах СНГ / Наука о человеке: гуманитарные исследования. Омская гуманитарная Академия. №4, 2016. – С. 91-92. DOI 10.17238/issn1998-5320.2016.26.91

негосударственных печатных изданий и 83 теле- и радиопрограммы, более 400 государственных печатных изданий и 190 теле- и радиопрограмм¹⁶.

Правовые акты, создающие основу для формирования информационной политики, приняты и в Республике Узбекистан. В конституции страны закреплена свобода массовой информации, каждый гражданин имеет право искать, получать и распространять любую информацию. Эти нормы нашли отражение в законах Узбекистана «О средствах массовой информации», «О гарантиях и свободе доступа к информации», «О принципах и гарантиях свободы информации», «Об информатизации». Негосударственные средства массовой информации составляют около 60 процентов печатных изданий страны, 67 процентов теле- и радиоканалов, 95 процентов интернет-изданий¹⁷.

В настоящее время в Узбекистане проведена огромная работа по обеспечению информационной свободы в сфере СМИ республики, а также формированию так называемой трибуны для свободного выражения отношений, позиций, мыслей и идей народа к происходящим событиям. К тому же прилагаемые усилия являются приоритетными при обеспечении граждан правами и свободой в сфере информации, также, как и правами распространения информации и свободой мысли. Доказательством этому является то, что в прошедшие годы, в особенности в течение последних 10 лет, были реализованы широкомасштабные меры по либерализации СМИ и обеспечению свободы мысли¹⁸.

Заинтересованность в формировании гармоничной инфраструктуры в информационной сфере проявляют и органы власти Республики Казахстан. В стране принята государственная программа «Информационный Казахстан – 2020». В ней определены такие задачи, как обеспечение эффективности государственного управления и доступности информационно-коммуникационной инфраструктуры; создание информационной среды для социально-экономического и культурного развития общества; обогащение отечественного культурного пространства. Предусмотрено к 2020 году обеспечить охват эфирным цифровым телерадиовещанием 95 процентов населения страны, доступность информационно-коммуникационной инфраструктуры для всех домохозяйств республики, увеличить количество пользователей Интернетом до 75 процентов жителей страны. В соответствии с данным

документом доля информационно-коммуникационных технологий в ВВП должна составить четыре процента.

Деятельность, осуществляемую в информационном пространстве, координируют и органы власти Азербайджанской Республики. Главой государства И. Алиевым утверждена «Национальная стратегия по развитию информационного общества в Азербайджанской Республике на 2014–2020 годы». Осуществляются реформы в сфере деятельности электронных средств массовой информации, принят закон «О получении информации», расширяется государственная поддержка массмедиа. В стране функционирует портал «Электронное правительство», между информационными системами государственных органов осуществляется обмен сведениями. Азербайджанская Республика стала инициатором исполнения ряда региональных проектов. Реализация проекта «Трансевразийской суперинформационной магистрали» (TASIM), поддерживаемого Генеральной Ассамблеей ООН, а также использование возможностей «Европейско-ближневосточной информационной сети» (Europe-Persia Express Gateway – EPEG) способствуют укреплению потенциала страны в глобальном пространстве. Возникло значительное количество информационных ресурсов, распространяющих данные об истории, культуре, образовании и других сферах жизни республики¹⁹.

Тем не менее, существует ряд проблем по формированию информационного пространства государств-участников СНГ. Так, необходимо подчеркнуть, что между странами СНГ существуют значительные различия в уровне развития информационно-коммуникативных технологий (ИКТ). Например, в России и на Украине проникновение мобильной связи приближается к 120%, а в Туркменистане этот показатель не превышает 10%. Средние темпы роста по СНГ в период 2002–2007 гг. составили 60%, что значительно выше, чем в других регионах мира. Основные причины высоких темпов роста услуг – недостаточно развитая сеть фиксированной связи и жесткая конкуренция на рынке инфокоммуникаций в регионе²⁰.

В рамках заседания Совета глав правительств СНГ, которое состоялось 28 сентября 2012 г. в Ялте (Украина), подписано решение об утверждении Стратегии сотрудничества государств-участников СНГ в построении и развитии информационного

¹⁶ Министерство информации Республики Беларусь. – Официальный сайт: www.mininform.gov.by

¹⁷ Современная журналистика в Узбекистане. – Режим доступа: journalisten.ru/sovremennaya_zhurnalistika-v-uzbekistane

¹⁸ Хамдамов Ю. Журналистика независимого Узбекистана / Вестник КазНУ. №1, 2012. – С. 25-29. URL: <https://articlekz.com/article/8683>

¹⁹ Национальная стратегия по развитию информационного общества в Азербайджанской Республике на 2014–2020 годы. – Режим доступа: 1news.az/chronicle/2014

²⁰ Абсаметова А. М. Инвестиции, корпоративная интеграция и формирование евразийских ТНК в телекоммуникационном секторе стран СНГ // Евразийская экономическая интеграция. 2010. № 4(9) ноябрь. С. 38–53.

общества и Плана действий по её реализации на период до 2020 года. В различных государствах Содружества сохраняется цифровое неравенство и они нередко значительно отстают от высокотехнологичных стран в вопросах развития информационной инфраструктуры, дифференциации масс-медиа-услуг, использования информационных технологий и предоставления электронных услуг населению.

Не все страны-участницы СНГ готовы способствовать процессу формирования и трансформации единого информационного пространства. При кажущейся политике содействия некоторые государства, напротив, создают препятствия на пути формирования общего информационного пространства. Несмотря на очевидную необходимость дальнейшего изучения единого информационного пространства, на настоящий момент не сформулировано наиболее полное определение понятия «единое информационное пространство», процесс трансформации единого информационного пространства СНГ недостаточно полно описан, не рассмотрены компоненты, функции и границы единого информационного пространства, а также не рассмотрена роль радио в формировании единого информационного пространства²¹.

Среди проблем, которые придется решать государствам-участникам СНГ, чтобы подняться на более высокий уровень, эксперты отмечают следующие:

– ограниченный доступ к сети, который определяется, прежде всего, низким уровнем жизни населения, неразвитостью информационной инфраструктуры, особенно в сельской местности, низким качеством сервиса;

– отставание в ключевых приложениях информационно-коммуникативных технологий – в образовании и экономике (так, в сетевой экономике современные формы электронного бизнеса находятся в зачаточном состоянии);

– слабая подготовленность населения к жизни в информационном обществе²².

Развитие современных информационных технологий, индустрии информации, в том числе индустрии масс-медиа и средств информатизации, телекоммуникации и связи, обеспечение потребностей внутреннего рынка в рамках СНГ ее продукцией и выход этой продукции на мировой рынок, а также обеспечение накопления, сохранности и эффективного использования информационных ресурсов требует осуществлять следующие меры:

- развивать и совершенствовать инфраструктуру единого информационного

пространства СНГ;

- развивать индустрию информационных услуг и повышать эффективность использования государственных информационных ресурсов;

- расширять участие стран-участниц СНГ в международной кооперации производителей конкурентоспособных средств и систем информатизации;

- обеспечить государственную поддержку отечественных фундаментальных и прикладных исследований, разработок в сферах информатизации, телекоммуникации и связи.

В целом, межгосударственное сотрудничество в сфере информации и информатизации в рамках СНГ достаточно динамично. Тенденция такова, что нарабатанный потенциал в принятых ранее договорах в этой сфере именно сейчас начинает работать и служит достаточной нормативно-правовой базой для налаживания сотрудничества и принятия конкретных практических решений в государствах Содружества.

Необходимо устранить проблемы по формированию информационного пространства государств-участников СНГ, такие как разница позиций стран, стандартов и информационной политики.

При формировании единого информационного пространства в рамках СНГ должны превалировать интересы личности и гражданского общества, нежели государства, для которых важны разнообразие мнений, источников информации, гарантии получения достоверных, надёжных сведений. Органам власти стран, входящих в СНГ, предстоит, вероятнее всего, пройти немалый путь для формирования продуманной согласованной информационной политики, которая найдёт отражение не только в документах, но и реальной жизни народов.

Литература:

1. Абсаметова А.М. Инвестиции, корпоративная интеграция и формирование евразийских ТНК в телекоммуникационном секторе стран СНГ // Евразийская экономическая интеграция. №4(9) ноябрь, 2010.

2. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации. 2000. URL: www.scrf.gov.ru/documents

3. Залесский Б. Л. Средства массовой информации и формирование единого информационного пространства Содружества Независимых Государств // Информационное поле современной России: практики и эффекты: материалы VIII Международной научно-практической конференции Казань, 20–22 октября

²¹ Поддубская Т.А. Проблемы формирования единого информационного пространства в странах СНГ / «Грамота» журнал, №8, (50) 2015.

²² Залесский Б. Л. Средства массовой информации и формирование единого информационного пространства Содружества Независимых

Государств // Информационное поле современной России: практики и эффекты: материалы VIII Международной научно-практической конференции Казань, 20–22 октября 2011 г. – Казань: Казан. ун-т, 2011. С. 251–258.

2011 г. – Казань: Казан. ун-т, 2011.

4. Калюга А.А. Информационная политика в странах СНГ / Наука о человеке: гуманитарные исследования. Омская гуманитарная Академия. №4, 2016. – С. 91-92. DOI 10.17238/issn1998-5320.2016.26.91

5. Концепция формирования информационного пространства Содружества Независимых Государств. Утверждено решением СГП СНГ о Концепции формирования информационного пространства СНГ от 18 октября 1996 г. <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId>

6. Национальная стратегия по развитию информационного общества в Азербайджанской Республике на 2014–2020 годы. – Режим доступа: news.az/chronicle/2014

7. Поддубская Т.А. Проблемы формирования единого информационного пространства в странах СНГ / «Грамота» журнал, №8, (50) 2015.

8. Современная журналистика в Узбекистане. – Режим доступа: journalisten.ru/sovremennaya_zhurnalistika-v-uzbekistane

9. Сурма И.В. Единое информационное пространство СНГ: 20 лет спустя // Вопросы безопасности. №5, 2015. – С. 41 - 58. DOI: 10.7256/2409-7543.2015.5.17473 URL:https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=17473

10. Хамдамов Ю. Журналистика независимого Узбекистана / Вестник КазНУ. №1, 2012. – С. 25-29. URL: <https://articlekz.com/article/8683>

Зарипова З.А.

к.п.н., преподаватель кафедры

«Истории, культуры, политики и экономики Японии»

Ташкентского государственного университета востоковедения,

Узбекистан.

МЕХАНИЗМЫ ПРЕВЕНТИВНОЙ ДИПЛОМАТИИ И РАЗВИТИЕ КУЛЬТУРЫ МИРА В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Аннотация. Статья посвящена анализу механизмов превентивной дипломатии в регионе Центральная Азия на современном этапе. Исследуются такие механизмы ООН как программа устойчивого развития, деятельность Регионального центра ООН по превентивной дипломатии для Центральной Азии, а так же усилия и взаимодействие государств региона в поиске компромиссных решений по проблемам безопасности и развитие культуры мира в регионе.

Ключевые слова: превентивная дипломатия, программа устойчивого развития, Центр превентивной дипломатии для ЦА, конфликты, культура мира

Превентивная дипломатия-это дипломатические действия, направленные на предотвращение возникновения разногласий между сторонами, перерастания существующих разногласий в конфликт, а также ограничение распространения уже существующих конфликтов²³. Известно, что термин впервые использовал Генсек ООН Даг Хаммершельд в 1960 г., который обозначил им усилия организации по локализации споров и войн, способных усугубить конфронтацию между двумя противоборствующими сторонами. Впоследствии термин развивал Генсек Бутрос Гали в своей «Повестке дня для мира» в 1992 г., где развивал определение превентивной дипломатии как «действий, направленных на предотвращение возникновения споров между сторонами на разных уровнях и стадиях конфликта от момента возникновения условий, имеющих конфликтный потенциал, до момента собственно конфликтной ситуации, эскалации»²⁴.

Цель превентивной дипломатии ООН - устранить возможность потенциальных конфликтов, в том числе проводя работу с причинами политического, социально-экономического, психологического характера, стимулирующих конфликт. Для этого разрабатываются долгосрочные программы борьбы с бедностью и отсталостью, коррупцией, политической нестабильностью, а также программы по решению экологических проблем, устранению межэтнических и межконфессиональных противоречий. Одновременно проводится мониторинг ситуаций в различных регионах мира для обнаружения резкого возрастания напряженности или перехода конфликта на более опасные стадии развития.

По мнению экспертов, на постсоветском пространстве основным регионом, где реализуется политика ООН по превентивной дипломатии является Центральная Азия (Казахстан,

²³ Хрестоматия по превентивной дипломатии. Академия Превентивной дипломатии ЦПДЦА https://unrcca.unmissions.org/sites/default/files/hrestomatiya_po_prvenetivnoy_diplomatii.pdf

²⁴ Повестка дня для мира. <https://undocs.org/ru/A/47/277>

Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан).

Учитывая геополитические, геоэкономические, цивилизационно- исторические характеристики региона государства координируют усилия по безопасности и сотрудничеству в регионе именно с этой глобальной организацией. Так одним из важных шагов в режиме установления безопасности было объявление ЦА Зонай, свободной от ядерного оружия. Так 8 сентября 2006г. пять государств; Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан в Семипалатинске подписали Договор о создании в Центральной Азии зоны, свободной от ядерного оружия. 6 мая 2014г. в штаб-квартире ООН представители «ядерной пятёрки» США, Великобритания, Франция, Китай, РФ подписали «Протокол о гарантиях безопасности к договору о ЗСЯО в ЦА». Таким образом, ЦА стала пятым регионом в мире, имеющим такой статус²⁵.

²⁵ Событием, которое предвосхитило новые достижения в региональном контроле над вооружениями, явилось подписание в 1967г. Договора о запрещении ядерного оружия в Латинской Америке и Карибском бассейне (Договор Тлателелко), впервые создавшего зону, свободную от ядерного оружия в населенном регионе мира, Безъядерная зона также создана в южной части Тихого Океана (Договор Раротонга, 1985), в Юго- Восточной Азии (Бангкокский договор, 1995г.) и в Африке (Пелинбадский Договор, 1996г.) С помощью этих договоров вся населенная часть Южного полушария имеет статус зоны, свободной от ядерного оружия.

²⁶ Программа Устойчивого развития предусматривает 17 целей:

- 1.Повсеместная ликвидация нищеты во всех её формах
- 2.Ликвидация голода, обеспечение продовольственной безопасности и улучшение питания и содействие устойчивому развитию сельского хозяйства
- 3.Обеспечение здорового образа жизни и содействие благополучию для всех в любом возрасте
- 4.Обеспечение всеохватного и справедливого качественного образования и поощрение возможности обучения на протяжении всей жизни для всех
- 5.Обеспечение гендерного равенства и расширение прав и возможностей всех женщин и девочек
- 6.Обеспечение наличия и рациональное использование водных ресурсов и санитарии для всех
- 7.Обеспечение доступа к недорогим, надежным, устойчивым и современным источникам энергии для всех
- 8.Содействие неуклонному, всеохватному и устойчивому экономическому росту, полной и производительной занятости и достойной работе для всех

Государства региона также координируют свои программы развития с предложениями ООН, заложенными в «Программе устойчивого развития» на глобальном уровне целями, которых государства региона также стремятся достичь до 2030г²⁶.

Согласно докладу ООН о выполнении целей программы по устойчивому развитию в условиях пандемии Covid -19 за 2020 год. из 166 стран, включенных в исследование, Кыргызстан занимает -52 место, Казахстан -65, Узбекистан- 66, Таджикикистан-78, Туркменистан- 114 место. По данному показателю в мире лидируют Швеция, Дания, Финляндия²⁷.

Сокращение бедности и устранение неравенства, как внутри стран, так и между ними, остаются основными целями ООН²⁸.

ООН ежегодно публикует Доклад о человеческом развитии²⁹. Так в Докладе о человеческом развитии 2020г. указывается на

9.Создание прочной инфраструктуры, содействие обеспечению всеохватной и устойчивой индустриализации и внедрению инноваций

10.Снижение уровня неравенства внутри стран и между ними

11.Обеспечение открытости, безопасности, жизнестойкости и устойчивости городов и населенных пунктов

12.Обеспечение рациональных моделей потребления и производства

13.Принятие срочных мер по борьбе с изменением климата и его последствиями

14.Сохранение и рациональное использование океанов, морей и морских ресурсов в интересах устойчивого развития

15.Защита, восстановление экосистем суши и содействие их рациональному использованию, рациональное управление лесами, борьба с опустыниванием, прекращение и обращение вспять процесса деградации земель и прекращение процесса утраты биологического разнообразия

16.Содействие построению миролюбивых и открытых обществ в интересах устойчивого развития, обеспечение доступа к правосудию для всех и создание эффективных, подотчетных и основанных на широком участии учреждений на всех уровнях

17.Укрепление средств достижения устойчивого развития и активизация работы механизмов глобального партнерства в интересах устойчивого развития

²⁷ Sustainable development report 2020. The sustainable development goals and Covid -19. Cambridge University Press. https://s3.amazonaws.com/sustainabledevelopmentreport/2020/2020_sustainable_development_report.pdf

²⁸ www.uneca.org, www.unece.org, www.eclac.org, www.unescap.org

²⁹ Индекс человеческого развития (ИЧР) — интегральный показатель, рассчитываемый ежегодно для меж странового сравнения и

место, которые занимают страны региона по Индексу Человеческого Развития из 187 государств в соответствии в программой устойчивого развития. Казахстан- 51 место (выше предыдущего показателя на 1 позицию), Узбекистан-108 (ниже предыдущего уровня на 3 позиции), Туркменистан-108 (нет данных), Кыргызстан-122 (нет данных) Таджикистан-125 (повысил показатели на 2 позиции)³⁰.

Во всех государствах региона работают офисы Программы Развития ООН (ПРООН), которые представляет политические рекомендации и помогает в создании институционального потенциала, генерирующего экономический рост. Региональные программы ПРООН строятся на основе опыта национальных кадров и осуществляются в основном местными организациями.

Для целей ослабления напряженности в 2007г. в регионе была создана международная структура — Региональный центр ООН по превентивной дипломатии для Центральной Азии (далее в тексте статьи РЦПДЦА), с офисом в Ашхабаде (Туркменистан). Эта страна выступила с инициативой создания такой структуры в 2004г. Созданию центра предшествовали несколько лет, в течение которых проходили консультации между Организацией Объединенных Наций и правительствами стран Центральной Азии. Определяющим фактором в этом процессе стал, по мнению пяти стран Центральной Азии, положительный имидж ООН как беспристрастного органа, способного создать благоприятные условия для переговоров и достижения соглашений, учитывающих интересы всех государств региона. СБ ООН учредил РЦПДЦА резолюцией S/2007/280

измерения уровня

жизни, грамотности, образованности и долголетия как основных характеристик человеческого потенциала исследуемой территории. Он является стандартным инструментом при общем сравнении уровня жизни различных стран и регионов. Индекс был разработан в 1990 году группой экономистов во главе с пакистанцем Махбубом уль-Хаком; его концептуальная структура была создана благодаря работе Амартии Сена. Индекс публикуется в рамках Программы развития ООН в ежегодных отчётах о развитии человеческого потенциала с 1990 года.

³⁰ HUMAN DEVELOPMENT REPORT 2020. The next frontier. Human development and the Anthropogenic.

<http://hdr.undp.org/sites/default/files/hdr2020.pdf>

³¹ Малышев Д. Превентивная дипломатия ООН в ЦА. <https://cyberleninka.ru/article/n/preventivnaya-diplomatiya-oon-v-tsentralnoy-azii/viewer>

³² Первым главой РЦПДЦА был назначен спецпредставитель Генерального Секретаря ООН Мирослав Йенча (Словакия)

от 16 мая 2007г. на основании письма, Генсека ООН Пан Ги Муна (7 мая 2007) на имя Председателя СБ, а также по просьбе 5 центральноазиатских государств^{31,32}.

В ходе подготовки мандата новой структуры эксперты ООН провели анализ различных аспектов политической ситуации в Центральной Азии.

Анализ и последующие консультации с правительствами государств региона позволили определить три групп приоритетных направлений в деятельности РЦПДЦА;

К первой группе были отнесены трансграничные угрозы — терроризм, незаконный оборот наркотиков и организованная преступность.

Вторую группу составили проблемы, связанные с ухудшением экологической обстановки и совместным использованием водных и энергетических ресурсов.

В третью группу была выделена сохраняющаяся нестабильность в Афганистане, остающаяся серьезным источником угрозы безопасности Центральной Азии^{33,34}.

Работа центра предусматривает как направление официальной дипломатии высокого уровня, так и средства публичной дипломатии. Именно такой подход можно считать оптимальным, так как он учитывает и общий цивилизационно- культурный код в развитии государств региона и востребованность решения общих проблем безопасности путем многоканального диалога, который и заложит прочные основы мира в регионе. Превентивная дипломатия, таким образом, помогает развивать культуру мира. Так, руководители центра проводят частые консультации с главами государств ЦА, проводятся встречи на уровне министерств,

33

https://unrcca.unmissions.org/sites/default/files/programme_of_action_2009-2011_ru.pdf

³⁴ Центр принимает программу действий на 3 года. Актуальной на сегодня является Программа действий на 2020-2025 годы

https://unrcca.unmissions.org/sites/default/files/programme_deystviy_rcpdca_na_2021-2025_gg_.pdf

Основные приоритеты программы действий РЦПДЦА на 2021-2025 гг. сосредоточены на пяти ключевых приоритетных направлениях, определённых в мандате Центра, такие как: (I) продвижение превентивной дипломатии в отношениях между правительствами стран Центральной Азии; (II) мониторинг и раннее оповещение с целью предотвращения конфликтов; (III) создание партнёрских отношений для предотвращения конфликтов, в том числе с региональными и суб-региональными организациями; (IV) укрепление превентивной деятельности ООН в регионе; (V) поощрение сотрудничества и взаимодействия между странами Центральной Азии и Афганистаном в тесном контакте с Миссией ООН по содействию Афганистану (МООНСА).

конференции экспертов и семинары на уровне институтов гражданского общества. Деятельность центра так же предусматривает организацию тренингов и семинаров, поддерживается связь с дипломатическими академиями и институтами как внутри, так и вне региона, создаётся возможность для обучения и обмена опытом между молодым поколением Центральной Азии, заинтересованным в изучении основ дипломатии предотвращения конфликтов, налаживаются связи между «мозговыми центрами» внутри региона для совершенствования системы анализа и оценки уязвимости и выработки механизмов сотрудничества³⁵.

Проведенный ивент анализ мероприятий, организованных РЦПДЦА, показывает, что идет работа по выстраиванию диалога, в том числе и по наиболее уязвимым аспектам взаимодействия; в сфере управления водно-энергетическими ресурсами, подходами к решению экологических проблем, межэтнических отношений, пограничных споров. Именно этот продуманный многосторонний диалог поможет в решении трудных проблем. Согласно теории трансформации длительный анализ и обсуждение проблем может привести не только к высокому уровню инновации, но также к удовлетворению сторон участников диалога тем решением, к которому они пришли^{36, 37}. Такая трансформация по сути уже происходит и на высшем уровне, так 15–16 марта 2018г. лидеры пяти центральноазиатских государств – Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана – впервые за почти десять лет провели саммит в столице Казахстана Астане. Узбекистан является инициатором принятия резолюции ООН «Укрепление регионального международного сотрудничества по обеспечению мира, стабильности и устойчивого развития в Центральноазиатском регионе» от 22 июня 2018г. Лидеры стран договорились о поиске взаимопонимания по вопросу о совместном использовании водными ресурсами, развитии региональной торговли, а также о проведении ежегодных центральноазиатских саммитов, что должно стимулировать поиск компромиссных решений.

В организации превентивных мер нуждаются вопросы межэтнических отношений, известны случаи столкновения представителей этнических групп в приграничных территориях. Приведём примеры недавних инцидентов.

1 июня 2020г. произошёл инцидент на узбекско-кыргызской границе. Изучение причин инцидента официальными лицами обеих сторон показало, что в результате спора, возникшего в ходе совместной очистки оттоков воды (арыков) родника «Чашма» произошёл конфликт между отдельными гражданами двух стран.... В результате переговоров руководителей приграничных областей двух стран ситуация была взята под полный контроль. Стороны договорились впредь не проводить очистительные работы без предварительного согласования. Необходимо отметить, что родник «Чашма» обеспечивает питьевой и поливной водой как жителей Республики Узбекистан, так и Кыргызской Республики. С учётом взаимных интересов имеется взаимная договоренность о совместном использовании родника «Чашма»³⁸.

Стороны обсудили социально-экономические проблемы приграничных территорий. Главы правительств договорились в ближайшее время провести заседание Межправительственной комиссии по экономическому сотрудничеству и Совет хокимов приграничных областей Республики Узбекистан и полномочных представителей правительства Кыргызской Республики в приграничных областях. Руководители делегаций двух стран также провели совместную встречу с местным населением³⁹. Нужно отметить, что диалог по спорным участкам границ между Узбекистаном и Кыргызстаном значительно продвинулся. К 2021г. стороны согласовали 85% границ, и работа продолжается. Продвижение культуры мира происходит и сегодня, так Узбекистан и Кыргызстан планируют решить вопрос делимитации оставшихся участков границы в течение трёх месяцев. Об этом заявил президент Узбекистана Шавкат Мирзиёев 11 марта 2021г. по итогам переговоров с президентом Кыргызстана Садыром Жапаровым⁴⁰. Нужно отдельно отметить факт, что стороны намерены постоянно консультироваться с местным населением и подключают к решению проблемы власти на местах, хокимов приграничных территорий.

Еще пример, 8 июня 2020 года отмечались столкновения на кыргызско-таджикской границе, 70% границы уже в течение почти тридцати лет остаются несогласованными. Протяженность таджикско-кыргызской границы составляет 976 километров, из которых делимитированы и демаркированы только 504 километра. Считается,

³⁵ Создан интернет сайт <https://unrcca.unmissions.org/ru> в котором отражается основной контент деятельности центра.

³⁶ Some Guidelines for Developing a Creative Approach to Conflict в книге *Peter T. Coleman, Morton Deutsch The Handbook of Conflict Resolution Theory and Practice Second Edition Copyright © 2006.*

³⁷ Проблематика трансформации конфликтов в центре внимания исследований Дж.Берковича,

Дж.Бертон, И.Галтунга, Р.Вейрейна, Ж.Лидерака и др

³⁸ Пресс-релиз МИД об инциденте на участке «Чашма» узбекско-кыргызской границы <https://yuz.uz/ru/news>

³⁹ Пресс-релиз МИД об инциденте на участке «Чашма» узбекско-кыргызской границы <https://yuz.uz/ru/news>

⁴⁰ <https://www.gazeta.uz/ru/2021/03/11/borders/>

что конфликт произошел из-за претензий крестьян приграничных территорий на землю. В результате конфликта есть пострадавшие как с той, так и с другой стороны⁴¹. Несмотря на переговоры на высшем уровне и готовность двух стран решить проблемы на границе и приостановить конфликты, инциденты, нередко с применением огнестрельного оружия и участием военных, продолжаются⁴². Анализ показывает, что часто столкновения происходят из-за социально-экономических причин⁴³. Именно эти страны Кыргызстан и Таджикистан должны сделать следующий шаг к развитию регионального сотрудничества. Настало время, когда приграничные территории должны рассматриваться не как источник опасностей и риска, напротив, как возможность для развития. «Границы в современном мире перестают рассматриваться как барьеры, что превратило приграничье в контактную зону, в которой активно взаимодействуют нации и народы, их культуры и экономики»⁴⁴.

Развитию культуры мира будет способствовать также открытие 10 февраля 2021 г. в Ферганском государственном университете Центра дружбы, межнационального согласия и толерантности, в рамках проводимого в Узбекистане стране общенационального фестиваля гражданских активистов⁴⁵. Проект нацелен на повышение осведомленности населения региона о причинах межэтнических конфликтов, создание возможностей для местных институтов гражданского общества, в частности, молодежных инициатив, стать участниками трансграничного диалога, направленного на содействие взаимопониманию и углублению отношений между людьми, а также наращивание потенциала местного гражданского общества в приграничных районах трех стран. Центр создаст платформу для обмена мнениями и идеями между молодыми

людьми. Центры толерантности планируется открыть в трех вузах приграничных регионов⁴⁶.

Большинство экспертов отмечают, что возможности диалога стали более результативными после изменения региональной политики Узбекистана. Не является исключением очень важный вопрос о воде, по которому тоже идет поиск компромиссов. Так заместитель министра иностранных дел Республики Узбекистан И. Нейматов отмечает, что «Сегодня благодаря открытой и конструктивной политике Узбекистана мы этот вопрос решили. Если мы долгое время препятствовали, можно сказать, строительству некоторых объектов в соседних странах, например, Рогунской гидроэлектростанции в Таджикистане или гидроэлектростанций Камбарата-1 и Камбарата-2 в Кыргызстане, сегодня этих проблем у нас нет. Благодаря добрососедской политике Узбекистана эти вопросы сняты. Мы даже выразили готовность участия в строительстве Рогунской ГЭС. Мы договорились, чтобы все объекты, которые будут строиться в Центральной Азии, учитывали интересы и соседних стран. С Кыргызстаном тоже у нас имеются договоренности по водопользованию.К примеру, Токтогульская ГЭС — самая большая ГЭС в Кыргызстане. Она накапливает 19 млрд кубометров воды. Мы решаем все вопросы на основе взаимной выгоды и взаимного уважения.»⁴⁷

Компромисс в том, что стороны намерены внедрить экономические механизмы водопользования, чтобы у стран верховья были возможности и стимулы накапливать водные ресурсы для потребностей орошения стран низовья в вегетационный период. Так президент Кыргызстана С.Жапаров во время визита в Ташкент сказал: «В связи с наступлением маловодного цикла приточности вод в бассейн реки Нарын существуют риски по недостаточному накоплению водных ресурсов в Токтокульском водохранилище.

⁴¹ 20.06.2020 Почему в Центральной Азии «наши» стреляют друг в друга. **Ирина Джорбенадзе** <https://www.rosbalt.ru/world/2020/06/08/1847693.html>

⁴² https://24.kg/vlast/187823_tadjikistan_neschitaet_voruh_raspolojenyiy_vbatkenskoy_oblasti_anklavom/

⁴³ За последние 10 лет на границах Кыргызстана и Таджикистана произошли более 150 конфликтов с пострадавшими и жертвами с двух сторон, и каждый год не обходится без стычек на пограничных территориях. Н.Авазбеков Кыргызско-таджикские пограничные споры: причины и пути решения <https://cabar.asia/ru/kyrgyzsko-tadzhikskie-pogranichnye-spory-prichiny-i-puti-resheniya>

⁴⁴ Хрестоматия по превентивной дипломатии Академии превентивной дипломатии ЦПДЦА https://unrcca.unmissions.org/sites/default/files/hrestomatija_po_prvenetivnoy_diplomatii.pdf

⁴⁵ Центр создан по проекту «Трансграничный многосторонний диалог во имя толерантности и

мира в Центральной Азии», финансируемому Европейским союзом. Он реализуется консорциумом под руководством Фонда имени Конрада Аденауэра совместно с национальными партнерами — Общенациональным движением «Юксалиш» (Узбекистан), Экологическим движением «БИОМ» (Кыргызстан), общественной организацией «Гендер и развитие» (Таджикистан). Ожидается, что по итогам будут созданы устойчивые форматы для эффективной борьбы со стереотипами и создания альтернативных нарративов для поощрения терпимости и взаимопонимания.

https://yumh.uz/ru/news_detail/289

⁴⁶ <https://yumh.uz/ru/news>

⁴⁷ Интервью И.Нейматова «Главной причиной разногласий в Центральной Азии было отсутствие компромисса»

<https://www.gazeta.uz/ru/2020/07/14/central-asia/>

В целях накопления воды первостепенной важностью для Кыргызстана на данном этапе является осуществление импорта электроэнергии. Надеюсь, что договоренности между нашими энергетиками обеспечат бесперебойную работу Токтогульского водохранилища и пропуск воды в Узбекистан в вегетационный период»⁴⁸.

Приведённые выше примеры доказывают, что совместные усилия превентивных программ ООН и политические решения лидеров региона могут производить реальный результат. Нужно отметить, что эти меры должны быть своевременными и согласованными и работать на опережение, как известно, многие проблемы не решались годами, из-за несогласованности интересов государств региона.

На период 2020-2025г.г. РЦПДЦА определяет новые возможности для поддержки усилий по предотвращению конфликтов таким как управление природными ресурсами и изменение климата, борьба с терроризмом и региональный диалог между правительствами и молодежью, поддержка женщин⁴⁹. Решение этих задач требует проактивной политики, так как позволит региону вовремя выполнить основные задачи программы устойчивого развития. В 2019 году РЦПДЦА ООН запустил инициативу «Академия превентивной дипломатии РЦПДЦА» для молодежи Центральной Азии и Афганистана, чтобы помочь раскрыть огромный потенциал молодых людей в поддержании мира и безопасности и в продвижении повестки дня «Молодежь, мир и безопасность» в регионе⁵⁰.

Развитие культуры мира⁵¹, предполагающей развитие образования в области мира, развитие экономики, уважение прав человека, равенство между мужчинами и женщинами, развитие демократии участия, толерантность, разоружение и свободный обмен информацией, поощрением мирного урегулирования конфликтов, взаимного уважения, понимания и международного сотрудничества. Этот подход будет основой для будущего, так как предполагает воспитание молодежи, образовательной системы и программ, которые станут фундаментом мира.

Таким образом, превентивная дипломатия должна иметь долгосрочный эффект, ее успех зависит от распознавания факторов риска и неопределенности в будущем, и если политика будет успешной, реальность рисков развития конфликтов снизится. Именно потребность действовать против факторов неопределенности делает превентивную дипломатию уникальной. Она остается значимой из-за транснационального характера современных угроз и зависит от эффективного партнерства стран региона. Развитие эффективных механизмов превентивной дипломатии зависит прежде всего от усилий самих сторон и их открытости к сотрудничеству и поиску компромиссов.

Литература:

1. Интервью И.Неъматова «Главной причиной разногласий в Центральной Азии было отсутствие компромисса»
<https://www.gazeta.uz/ru/2020/07/14/central-asia/>.
2. Малышев Д. Превентивная дипломатия ООН в ЦА. <https://cyberleninka.ru/article/n/preventivnaya-diplomatiya-oon-v-tsentralnoy-azii/viewer>.
3. Первым главой РЦПДЦА был назначен спецпредставитель Генерального Секретаря ООН Мирослав Йенча (Словакия).
4. Пресс-релиз МИД об инциденте на участке «Чашма» узбекско-кыргызской границы
<https://yuz.uz/ru/news>.
5. Повестка дня для мира.
<https://undocs.org/ru/A/47/277>
6. Хрестоматия по превентивной дипломатии Академии превентивной дипломатии ЦПДЦА
https://unrcca.unmissions.org/sites/default/files/hrestomatiya_po_prvenitivnoy_diplomatii.pdf.
7. Some Guidelines for Developing a Creative Approach to Conflict в книге Peter T. Coleman, Morton Deutsch The Handbook of Conflict Resolution Theory and Practice Second Edition Copyright © 2006.
8. HUMAN DEVELOPMENT REPORT 2020. The next frontier. Human development and the Anthropogenic.
<https://hdr.undp.org/sites/default/files/hdr2020.pdf>.

⁴⁸ <https://www.gazeta.uz/ru/2021/03/11/uz-kg/>

⁴⁹

https://unrcca.unmissions.org/sites/default/files/programma_deystviy_rcpdca_na_2021-2025_gg_.pdf

⁵⁰ Хрестоматия по превентивной дипломатии Академии превентивной дипломатии ЦПДЦА

https://unrcca.unmissions.org/sites/default/files/hrestomatiya_po_prvenitivnoy_diplomatii.pdf

⁵¹ Декларация и программа действий в области культуры мира. Резолюция 53/243 ГА от 13.09.1999.

https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/culture_of_peace.shtml

Makarenko M.V.

*Candidate of Medical Sciences,
Director of MM-Dental Clinic,
candidate for the degree of Doctor of Science,
Taras Shevchenko National University of Kyiv
ORCID: 0000-0001-8677-8670*

PRIORITY DIRECTIONS OF TRANSFORMATION OF PUBLIC GOVERNANCE IN THE FIELD OF HEALTHCARE

Abstract. The article examines the transformation processes in the global medical industry as a result of the development of new technologies that open up new opportunities in the provision of medical care and health care. It is substantiated that in Ukraine digital transformations are one of the priority directions of healthcare reform; A prerequisite for achieving this goal is the creation of a national Electronic Health Record system, which will make structural changes in the health care system, meet the needs of the population in new medical services and their availability.

Keywords: health care, public administration, medical services, transformation of public health care

Formulation of the problem. The importance of digitalization of the medical industry of Ukraine is beyond doubt. Transformational processes in the world medical industry testify to the development of new technologies, including in the field of health care, which open opportunities for radical improvement of work to identify individual risk factors for diseases, their early diagnosis, reduction of inpatient care through the development of minimally invasive, outpatient surgery, telemedicine, remote monitoring of the patient's condition, etc.

Analysis of recent research and publications. Problems of digitalization of public administration were studied by: O. Karpenko, P. Klimushin, V. Namestnik, D. Spasibov and others. D. Borkovsky, V. Zhuravel, T. Tkachuk and T. Hryadil studied the use of digital technologies in the field of healthcare. However, despite the large number of scientific publications, further research is needed on the priorities for the transformation of public health management.

The main material. The European Union's "European Health Strategy 2020" program calls for the development and implementation in Ukraine of the National "Health 2020: Ukraine Dimension program", which aims to address pressing health issues.

The EU's "Health" Program aims to build a strategy for ensuring and caring for good health. This Program is part of the overall "Europe 2020" strategy and aims to transform the territory of the European Union into a developed smart, sustainable and inclusive economy, which contributes to the health of all its citizens and is one of the necessary conditions for its development. The program focuses on key priorities such as:

- increase in the number of jobs, investments (public health and medical services as a productive factor in economic growth and job creation);
- development of the market of pharmaceuticals, medical devices, cross-border health care and assessment of technologies for health care;
- digital single market (including digitalisation of health care);
- justice and fundamental rights (combating health inequalities);

- migration policy;
- safety (readiness for serious cross-border threats to health and management) [1].

Digital medicine should provide online interaction between patients, health care workers and institutions using digital technology. In Ukraine, digital transformation is one of the priority areas of health care reform.

The creation of a national Electronic Health Record (EHR) system is a prerequisite for achieving this goal. EHR is an up-to-date database of systematized patient health data that enables the exchange of information between stakeholders of health care providers and consumers. The EHR system stores information on all medical diseases, and is stored by a specially authorized center (Health Authority). Medical records are official data and can be made available to other authorized centers and similar medical services, as well as laboratories, government agencies, etc. to improve the quality of health care [2].

The creation of a national Electronic Health Record (EHR) system involves the implementation of a number of measures:

1. development and approval of national standards of digital medicine;
2. implementation of services:
 - Computerized Medical Record (CMR) provides for digitization of medical records, introduction of archival and backup functions;
 - Electronic Medical Record (EMR) assumes that digitized patient medical records are correlated with archived medical records. The EMR stores information about a specific medical field (for example dentistry), the custodian is a clinic or practitioner. This is usually an electronic version of the patient's medical history in a particular institution.
 - Electronic Patient Record (EPR) provides that patient data from different medical institutions are formally stored in a single database, as a result each doctor, having an electronic office and appropriate access, can enter data.
 - Personal Health Record (PHR) - stores certain medical information by the custodian; responsible for the completeness and quality of information is the

patient himself (or his representative, for example, a family member).

– Electronic Identifiers (EI) - identification of eHealth users [3].

Additional functions of the national Electronic Health Record system:

– epSOS (smart open service for European patients) - the minimum set of data (extract) from the EHR required to provide medical services to EU citizens;

– CDSS (clinical decision support system) - decision support system for doctors;

– implementation of ePrescription (electronic prescription) will be based on 3 procedures:

a) eCapture - creation of an electronic prescription by a doctor of a medical institution;

b) eTransfer - confidential transfer of an electronic prescription to the selected pharmacy;

c) eDispensation - data transfer from the pharmacy back to the medical institution, confirmation.

– Patient ID and employee ID (doctor, etc.). The social insurance card and the citizen's card can be used as a patient's identity card;

– introduction of TeleHealth: “digital” technologies to provide remote medical care and support the work of doctors;

– introduction of eMedical Claim Forms: a package of electronic documents provided to social insurance bodies or medical institutions for reimbursement [4].

The public health system is one of the areas of activity where a lot of data provides the potential of the Internet of Things in clinical diagnosis, optimization of professional processes, network visualization, telemedicine, management, drug use, patient monitoring and more to save lives, prevention of diseases, monitoring and analysis, creation of new ways and methods of treatment, etc. Therefore, the Internet of Things or the Internet of Medical Resources as a new vector of development [5, p. 12] for this field of professional activity is not an utopia or modern pleasure, but one of the most promising technologies that is gaining popularity in the world and will affect its development in Ukraine.

Currently, the main goal of the Ukrainian government is to move to the “Digital State”, where 100% of public services will be received via the Internet. Thus, the main priority of the Government of Ukraine in the field of health care is the introduction of the “E-Health” system. The E-Health ecosystem will allow patients to conveniently and efficiently receive medical services, provide physicians with the necessary access to patient medical data, and hospital managers with maximum analytical information for administrative decisions [6].

Medical databases started working more than a year ago. In September 2018, a database of medical preventive professional examinations was maintained [7].

Citizens were offered a service to verify the legality of certificates and obtain a duplicate. As a

result, citizens' confidence in the state's provision of quality services has increased.

Until 2020, the main provider of management services in Ukraine was the “Single State Portal of Administrative Services”. It contained a very primitive list of services provided online. Healthcare services were generally limited to the certification of doctors and cosmetics. Gradually, this was replaced by a new reformed portal with the maximum list of services available online.

So far, in order to further develop e-government, a number of interesting reform projects have already been launched, including the “DIA” portal. The portal is still under development, but information about it is already available. On the “DIA” portal, the user can get acquainted with the services by sections. As for medical services, they are in the “Health” section and provide electronic medical certificates or services related to your electronic medical card.

Another interesting project, the implementation of which is currently underway, is the project “E-baby”. This is a convenient way for parents to get services.

Among the available electronic services are: registration of the birth of a child; issuance of a child's birth certificate; registration of the newborn's place of residence; entering data about the newborn in the register of patients; registration in the register of taxpayers; appointment of state assistance at the birth of a child; application for one-time assistance (baby box); issuance of certificates to parents of large families; assignment of financial assistance to children born in large families [8].

All these services can be obtained after filling out only one electronic questionnaire.

Global Market Insights experts estimate that the global digital healthcare market will exceed \$ 106 billion in 2019. The average annual growth in digital healthcare investment will increase by 28.5%.

Thus, the main directions of development of the digital health care system for the next 5 years are:

1. *Mobile applications and fitness gadgets (mHealth)*

Fitness gadgets are becoming increasingly popular with consumers due to their dependence on smartphones, tablets and mobile platforms in general. According to Statista, by the end of 2019, the volume of the global mHealth market exceeded \$ 52.6 billion.

2. *Telemedicine*

Rapid diagnosis, discussion of rare diseases, selection of pharmaceuticals, development and search for molecules using digital libraries - just a few areas with the use of telemedicine. Along with innovations, telemedicine also allows for remote examination of the patient, history taking and counseling.

3. *Remote monitoring of the patient's condition*

Remote monitoring tools include mobile devices and their applications that analyze the patient's condition and allow you to monitor the condition of patients with chronic diseases outside the hospital.

4. *Point treatment of oncological diseases*

Medical innovations are related to developments in biotechnology and cover a wide range of areas, from

biopharmaceuticals, artificial insemination and gene editing to protein design and drug development.

5. *Resources for improving medical literacy for non-professionals*

The World Health Organization notes a direct relationship between critical health indicators (such as high mortality rates) and public health incompetence. That is why medical literacy is a popular direction of development over the next 5 years [9].

Telemedicine, or remote health monitoring, is one of the most obvious and popular applications of Internet of Things technologies in medical practice. In some cases, patients do not need to see an emergency department or see their family doctor. Devices, along with various applications, replace the activities of medical personnel and perform everything themselves. Physicians, on the other hand, only use remote monitoring to draw more sound conclusions about patients' health. With the help of telemedicine, the patient's costs for visiting medical institutions, institutions or governing bodies are reduced.

The most common meaning of the Internet of Things, IoT, is a concept that allows physical objects ("resource objects") to interact with each other or with the external environment, in part or in whole without human intervention. All you need to do is use the appropriate network connections of such devices. In fact, this means that everyday things that surround us, from the simplest, such as TV, to the car, can transmit the necessary data, providing maximum comfort without interference and control.

Thus, with the help of artificial intelligence you can collect a complete medical history, data on tests for the period of treatment, the state of the body during a certain period. The data downloaded to the database is quickly processed by a computer. This saves doctors time, helps to establish an accurate diagnosis and allows you to timely prescribe the necessary treatment.

In China, the Xiaoyi robot (Xiao Yi) with artificial intelligence has successfully passed medical exams taken by doctors to obtain a license. According to Interesting Engineering, the robot scored 456 points out of 600 possible, which is 96 points more than required for a satisfactory result. Medical textbooks were loaded into the "consciousness" of the work. During the exam, the robot could not search for information on the Internet and gave answers based on the "studied" theory from textbooks [10].

Xiao Yi's robot was developed by the Chinese company iFlytek as a useful assistant for doctors who can receive information from patients and analyze it. The developers believe that such work can increase the effectiveness of medical care to patients. In addition, iFlytek plans to use artificial intelligence technology to find ways to treat cancer [11, p. 7].

Conclusions. Thus, the introduction of new technologies as one of the main directions of transformation of public administration in the field of health care will allow to make structural changes in the system of medical care, will meet the needs of the population in new medical services and their

accessibility. The only way to solve systemic problems in the field of health care is to develop a strategically oriented public policy, the main task of which is to define human health as one of the main priorities of the state, create, develop and ensure the functioning of the new national health care system.

References:

1. EU Health Programme. URL : https://ec.europa.eu/health/funding/programme_en#:~:text=The%20EU%20Health%20Pr ogramme%20outlines,for%20which%20is%20good%20health.
2. Korobchanskyi P. O., Zavhorodnii I. V. Sanitarno-hihienichni aspekty vprovadzhennia suchasnykh tsyfrovnykh tekhnolohii v medychnu ta osvitu haluzi Ukrainy. URL : <http://repo.knmu.edu.ua/bitstream/123456789/26396/1/.pdf>
3. Tsyfrova adzhenda Ukrainy – 2020. URL : <https://ucci.org.ua/uploads/files/58e78ee3c3922.pdf>
4. Clinical Decision Support Systems: How They Improve Care and Cut Costs. URL : <https://www.altexsoft.com/blog/clinical-decision-support-systems/>
5. Hriadil T.I. Internet rechei yak novyi vektor rozvytku suchasnoi medytsyny. Medytsyna KhKhI stolittia: perspektyvni ta priorytetni napriamy naukovykh doslidzhen: Zb. materialiv mizhnar. nauk.-prakt. konf.(m. Dnipro, 22–23 lypnia 2016 r.). Dnipro: Orhanizatsiia naukovykh medychnykh doslidzhen «Salutem», 2016. C. 11–14.
6. Pro chvalennia Kontseptsii pozvytku tsyfrovoy ekonomiky ta cucpilctva Ukpainy na 2018–2020 roky ta zatvepdzhennia planu zaxodiv shchodo yii realizatsii: Pozpopiadzhennia KMU vid 17 cichnia 2018 p.№67-p.
7. Pro zakhody shchodo stvorennia yedynoi derzhavnoi bazy danykh medychnykh ohliadiv pevnykh katehorii osib v systemi okhorony zdorovia : nakaz MOZ vid 10 sichnia 2017 roku N 18. URL : http://search.ligazakon.ua/l_doc2.nsf/link1/MOZ26926.html
8. Liha. Novyny. E-maliuk. URL : <https://ua-news.liga.net/society/news/e-malyuk-z-1-sichnya-mojna-budeotrimati-10-elektronnih-poslug>
9. Top 5 napriamkiv rozvytku eHealth u naiblyzhchykh 5 rokiv. URL: <https://ehealth.gov.ua/2020/10/20/top-5-napriamkiv-rozvytku-ehealth-na-najblyzhchyh-5-rokiv/>
10. Robot Makes History by Passing Medical Licensing Exam URL: <https://interestingengineering.com/robotmakes-history-by-passing-medical-licensing-exam>
11. V. I. Zhuravel, T. Yu. Tkachuk, D. S. Borkovskiyi. Internet rechei u systemi medychnoi dopomohy: mozhlyvosti ta bezpeka. Aktualni problemy klinichnoi ta profilaktychnoi medytsyny. 2019. T. 3, № 1-2. C. 5-12. URL : http://nbuv.gov.ua/UJRN/akprk1_2019_3_1-2_3.

Nikolina I.I.

*PhD, Associate Professor,
Department of Management and Administration
Vinnytsia Institute of Trade and Economics of
Kyiv National University of Trade and Economics
Soborna st., 87, UA-21050 Vinnytsia, Ukraine*

Ocheretianyi V.V.

*PhD, Associate Professor,
Department of Legal sciences and Humanities
Vinnytsia Education and Research Institute of
Economics West Ukrainian National University,
Honty st., 37, UA- 21017 Vinnytsia, Ukraine*

THE COMMUNICATION DIMENSION OF ACTIVITIES OF PUBLIC INSTITUTIONS IN THE DIGITAL ENVIRONMENT

Николина Ирина Ивановна

*кандидат наук по государственному управлению,
доцент кафедры менеджмента и администрирования
Винницкий торгово-экономический институт
Киевского национального торгово-экономического университета
ул. Соборная, 87, Винница, 21050, Украина*

Очеретяный Владимир Васильевич

*кандидат исторических наук, доцент,
кафедра правоведения и гуманитарных дисциплин
Винницкий учебно-научный институт экономики
Тернопольского национального экономического университета,
ул. Гонты, 37, Винница, 21017, Украина*

КОММУНИКАТИВНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПУБЛИЧНЫХ ИНСТИТУТОВ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ

Summary. The analysis and assessment of the current state of implementation of public communicative interaction in the digital environment in Vinnytsia region is carried out. The ways of improving public digital communicative practices are substantiated. In particular, it is proved that the changes caused by digitalization significantly affect the communication process in public management. Communication practices in the modern world depend almost entirely on the digital component, which makes it necessary for the state and public authorities to implement digital tools. The communication dimension of the activity of public institutions of Vinnytsia region in the digital environment is carried out. The necessity for improvement of digital communicative interaction by public authorities of Vinnytsia region is proved. The aspects of modernization of communication activities in the digital environment of Vinnytsia regional community are substantiated with the indication of concrete advantages of using the newest technologies of digital communications.

Аннотация. В работе проведены анализ и оценка современного состояния реализации публичной коммуникативного взаимодействия в цифровой среде в Винницком регионе. Проведено обоснование путей совершенствования публичных цифровых коммуникативных практик. В частности, доказано, что изменения, вызванные цифровизацией, существенно влияют и на коммуникативный процесс в публичном управлении. Коммуникативные практики в современном мире почти полностью зависят от цифровой составляющей, которая требует внедрения государством и органами публичной власти цифровых инструментов. Осуществлено коммуникативное измерение деятельности публичных институтов Винницкого региона в цифровой среде. Доказана необходимость совершенствования цифровой коммуникативного взаимодействия органами публичной власти Винницкой области. Обоснованы направления модернизации коммуникативной деятельности в цифровой среде Винницкой региональной общины с указания конкретные преимуществ использования новейших технологий цифровых коммуникаций.

Key words: *communication, digital communicative interaction, digital transformation, digitalization, digital technologies, digital communications, regional level, local level, digital environment, public communicative practices, improvement.*

Ключевые слова: *глобализация, цифровая трансформация, цифровизация, цифровая экономика, цифровые технологии, киберпреступность, кибербезопасность, моделирование.*

Introduction. The relevance of the research is determined by the modern era of mass communications and digital technologies which has for ever changed the vector of civilizational development of mankind, its scientific and technological progress, culture of communicative interaction. Today, political and sectoral discourses are specified by digital communications: from the simple statement of fact by tools of digital technologies to digital globalization in communicative interaction.

Digital technologies and numerous media communications they produce have formed a new generation of mass information – digital communications. Digital communications not only perform informational and communicative functions, but also have led to the emergence of new practices, spheres of activity, professions and cultural phenomena. Therefore, the development and implementation of digital communications to ensure effective interaction of all segments and structures of society, including public ones, is an urgent task of sustainable socio-economic growth.

Literature review. Theoretical framework of public communicative interaction in the aspect of digitalization and formation of digital governance are developed and outlined in scientific works of O.Bukhtaty [1], Zh.Denyshuk [5], O.Karpenko [5], V.Kuibida [7, 5], I.Nikolina [9], Sarah Maria Lysdal Krøtel [10], N.Frolova [3] and others.

However, we believe that the issue of measuring communicative interaction in the digital environment needs further research.

Purpose. The aim of the study is to determine the peculiarities of public communicative interaction in the digital environment in Vinnytsia region and to substantiate the ways to improve it.

The aim presupposes the completion of a number of certain tasks, namely:

- 1) to determine the theoretical and legal fundamentals of the implementation of communicative activities in the digital environment;
- 2) to carry out the communication dimension of activities of public institutions of Vinnytsia region in the digital environment;
- 3) to suggest ways to improve public communicative practices of the digital environment at the regional and local levels.

Results. More and more spheres of human existence are being rapidly transformed and transferred into the communicative space of the World Wide Web. Communication processes in the modern world almost entirely depend on the digital component, which makes it necessary for the state and public authorities to implement digital tools of communication and interaction. These tools will stimulate the development of information openness of public authorities and society as one of the key factors of democracy development in Ukraine, as well as the direct growth of life quality of every citizen.

The latest communications are significantly changing social relations – digital society, dependent on digital technologies, is being formed: a transition

from systems and processes of postindustrial economy and information society to digital economy and digital society is taking place.

The concept of “digital economy” is a relatively new and extremely important phenomenon. Digital economy is based on digital technologies where digital data and network transactions are key factors and means of production. S.Kolyadenko notes that it already influences traditional economy transforming it from one that consumes resources to one that creates resources [6].

The process of transforming economy into digital one is called digitalization. Digitalization is a process of implementing modern digital technologies in various spheres of life and production which, in fact, makes integral interaction of virtual and physical spaces possible [5].

In his monograph “Digital Modernization of the Ukrainian Economy as an Opportunity for Breakthrough Development” V.Lyashenko substantiated that with a system state approach the implementation of digital technologies will stimulate the development of an open information society as one of the key factors of democracy development in Ukraine, economic growth, improvement of productivity, as well as life quality of the citizens [8].

All over the world, the concept of “new public management” has been replaced by the era of digital governance which implies more modern management with an emphasis on client-orientation and digitalization [9].

It should be noted that conditions for digitalization at the state level are being created in Ukraine: government institutions are being created, laws, regulations and orders are being adopted to improve this process. One of the main regulatory documents is the order of the Cabinet of Ministers of Ukraine «On approval of the Concept of development of digital economy and society of Ukraine for 2018-2020» [2].

We share the point of view of scientists from the National Academy for Public Administration under the President of Ukraine who note that digitalization of public governance is a process of introducing digital transformations in the public field, and emphasize that it will lead to an abrupt transition through the use of digital technologies [7].

These technologies and consequential changes will significantly influence the communication process in public management.

Communication activities in public management consist in the implementation of information exchanges aimed at performing the functions of public management. The essential communication subsystem of public management includes the subjects of interaction, information connections and management relations, processes of interaction of management entities between each other and with other public institutions. It also includes the infrastructure that provides the creation, transmission, search and retrieval of management information, i.e. information that is provided in this system and used to implement management interactions and influences.

Thus, public management cannot exist without communication as a form of interaction between various subjects and objects of management because the democratic regime requires the coordination of positions in a constant dialogue between authorities and society. Due to the communication process the state body establishes close ties with citizens bringing them closer to the process of making state decisions and initiating a dialogue that makes it possible to understand the citizens' needs and requests [1].

Although Ukraine uses digital technologies in public management, it is necessary to implement digital communications more actively in order to obtain the status of open public authority.

Digital communicative interaction is an electronic transmission of text data, images, video, voice and other information including messages or publications that are transmitted in the digital space via electronic mail, videos, live video broadcasts, digital events, podcasts, blog posts, mobile apps, announcements, forums, web pages, as well as any social networks or messaging platforms, such as Facebook, YouTube, Instagram, Twitter, WeChat, Line, LinkedIn, WhatsApp or Snapchat. Digital technologies include both the ways of posting information – sites, blogging platforms, social network services, groups in messengers, channels in programs for corporate communication and the ways of their further distribution – cloud services, aggregators, and analytical programs using artificial intellect.

In the EU countries, according to the EPACE project study (Exchanging good practices for the promotion of an active citizenship in the EU), electronic consultations, electronic discussions and webcasts of debates and meetings of collegial bodies, etc. are most often used in the communication process.

Sarah Maria Lysdal Krøtel, a researcher of digital communication in the field of public management, notes its positive as well as negative sides. She substantiates, based on the empiric research, that information received digitally is less important for citizens than information obtained the traditional way [10].

Communication activities in public management in Ukraine are regulated by a large array of legislative and regulatory acts. It is expedient to single out the laws regulating the implementation of communication activities with the use of digital technologies: “On electronic documents and electronic document management” and “On electronic trust services”.

Legal regulation of communicative activities in the digital environment in public management is reflected in a number of regulatory acts of the Cabinet of Ministers of Ukraine: orders “Some issues of public administration reform of Ukraine” dated June, 24, 2016 №474-p, “On approval of the Concept of development of electronic services system of Ukraine” dated November, 16, 2016 №918-p, “On approval of the Concept of e-government development in Ukraine” dated September 20, 2017 № 649-p, “On approval of the action plan for the implementation of the Concept of electronic system development in Ukraine for 2017-

2018” dated June 14, 2017 №394-p and “On approval of the Concept of development of the digital economy and society of Ukraine for 2018-2020 and approval of the action plan for its implementation” dated January 17, 2018 № 67-p; resolutions “On approval of the Regulation on data sets to be released in the form of open data” dated October 21, 2015 № 835, “Some issues of electronic interaction of state electronic information resources” dated September 8, 2016 № 606. The resolution of the Cabinet of Ministers of Ukraine “Some issues of digital development” dated January 30, 2019 № 56 made an important step towards the adaptation of Ukrainian legislation to digitalization processes: it provides for the implementation of the principle of “Digital by Default”. Currently, only a small percentage of all regulatory acts in the country contain the norm according to which the process described in the document can be implemented digitally.

The communication dimension of activities of public institutions of Vinnytsia region in the digital environment is carried out on the basis of the analysis of digital communication resources of Vinnytsia Regional State Administration (VRSA) and Vinnytsia City Amalgamated Territorial Community (VCATC).

Vinnytsia local government bodies are increasing the use of digital technologies for an effective communication process and remain the standard of digital governance for the rest of territorial communities of Vinnytsia region.

The official website of Vinnytsia City Council (<http://www.vin.gov.ua>) performs the function of informing (online access to City Council documents: decisions, orders and, importantly, draft decisions). It also has elements of feedback – it's possible to make an appointment to heads of departments and services of Vinnytsia City Council via “My Account” on the site and to leave an electronic appeal to them (<https://www.vmr.gov.ua/Lists/Officials/Default.aspx>)

The e-petition service (<https://petition.e-dem.ua/vinnytsia>) is an effective communication tool in Vinnytsia. On November 9, 2020, a resident of Vinnytsia used it offering to join the Waze for Cities navigation service which makes it possible to report problems on the roads and make the users' lives more convenient. Accordingly, the city can also inform about road works, street closures and other issues. On receiving the required number of votes, the petition was supported by the local authorities, and already in December the City Council informed that the application for joining this service was submitted and organizational and technical work on its implementation began.

Also, on the site of the city administration citizens have access to the “Budget of Public Initiatives” which gives everybody an opportunity to put forward a socially useful idea and a chance to receive a grant for its implementation. Voting in electronic form takes place through the “Public Budget” service with the use of identification via BankID or a qualified electronic signature. In particular, due to the project “Budget for School Projects” Vinnytsia took first place in the world

having won the international prize “Child Friendly Cities Inspire Awards” and having become one of the most child friendly cities in the world according to UNICEF. This project of school participation budget brought Vinnytsia its victory and became the world's best example of engaging children in urban governance.

Online surveys of residents (<http://www.vmr.gov.ua/default.aspx>) concerning topical issues of entrepreneurship, branding, transport, participation budget etc. are conducted on the website of Vinnytsia City Council.

Specialists of the operational response unit “Round-the-Clock Guard” (“Tsilodobova Varta”) (<http://1560.vmr.gov.ua/default.aspx>), which was created in Vinnytsia, accept citizens' appeals on all issues of municipal services, health care, education and transport via telephone connection and online chat. In 2019, more than 4,000 online consultations were provided. “Round-the-Clock Guard” also processes information from the Internet resource “Map of Appeals of Vinnytsia Citizens” (<https://map.vmr.gov.ua>).

A convenient digital tool that ensures the effective implementation of communicative interaction is the “Informer for Citizens” service (<https://play.google.com/store/apps/details?id=com.vinnitsya.informer>; [https://t.me / VinInformerBot](https://t.me/VinInformerBot)), realized in a mobile application on the iOS and Android platforms, in messengers. The mobile application “Informer for Citizens” is a service that informs about future events on selected topics, interesting events, planned and emergency shutdowns, provides opportunities for communication with “Round-the-Clock Guard” and appeals through the “Map of Appeals of Vinnytsia Citizens”. Vinnytsia City Council organizes events to promote and improve it within the “Informer for citizens” project.

In order to establish an effective communication process and develop digital democracy, the Concept of Digital Participation of Vinnytsia City Amalgamated Territorial Community for 2019-2025 was developed which aims to create a model for attracting citizens to decision-making processes with the help of digital opportunities through a common problem search, informing, identifying solutions and their further implementation. The main idea of the Concept of Digital Participation is as follows: “smart city with smart citizens” where residents form a vision of their city future through e-tools [11]. The implementation of the Concept is aimed at the implementation of digital services for interaction with various stakeholders (creation of new useful resources, tools and opportunities, the latest services and programs for need satisfaction and interaction with citizens, taking into account the principles of inclusiveness). It is also about the use of elements of artificial intelligence and open data in e-participation tools, modernization and development of existing instruments of socio-political inclusion.

The results of recent research which also evaluates the aspects of communication activities in the digital

environment [12] show as well that this community can be considered exemplary not only in Vinnytsia region, but throughout Ukraine.

The tools of digital communicative interaction used by VRSA include: its official website, public pages on Facebook and Twitter social networks, channel on YouTube video hosting, groups in messengers, channels in programs for corporate communication and web conferencing. Here is the detailed description of each of them.

One of the most important digital communication tools of VRSA is the official website (<http://www.vin.gov.ua/>) which serves as a source of information. It is the website that creates the basis for open, transparent and reliable informing of citizens on the authority's activities. The homepage presents integrated information and provides basic guidance both in the system of information resources of the administration and in connections and links (links to other resources) to domestic resources. It contains a site map and a list of main homepages, information about the regional state administration, its staff and official address, the structure of RSA, staff changes, regulatory documents governing the regional state administration in its activities, announcements, news, information about the region's economy development, financial state, socio-humanitarian sphere, population, society, service catalogue and more.

Some elements of interactivity are also available on the site (for example, the option of asking questions and receiving answers via e-mail or getting samples of some certificates and forms). An important communication element of the site is the system of electronic appeals, citizens can submit electronic appeals using the Internet and means of electronic communication after registration on the site, the answer is sent by e-mail and posted on the site in the section “My Appeals”. The target audience of the site is an active part of the community, namely: politicians, activists, journalists and managers. It is these categories of people who will use the information from the site the most.

The next digital communication tools of VRSA are its Facebook (<https://goo.su/3Bt1>) and Twitter (<https://goo.su/3bT2>) pages and YouTube channel (<https://goo.su/3BT2>).

The use of social networks is aimed at solving several tasks: creation of a positive image of the public authority; publicity, transparency and openness of its work; establishing of direct and operational communication with citizens; dissemination of information about the activities of the public authority, clarification of the implemented policy.

After a detailed analysis of the VRSA page on Facebook, we can conclude that the page is mostly used to inform the audience, not all opportunities of encouraging feedback are realised (surveys, voting), responses to comments and personal messages are missing. The main advantages of social networks as a means of communication between the government and citizens, such as the opportunity to track the community's reaction to the actions of public

authorities concerning the comments under publications, to conduct surveys on important socio-political and other relevant topics, to collect statistics, are not used. Users' activity rates are quite low – 14,291 network users follow the page, while the number of "likes" or reposts of publications does not exceed 30, the percentage of active users is 0.21%.

The YouTube channel is used to publish video files of meetings, briefings, videos with socio-cultural content. This tool is also used exclusively to inform the audience about the activities of the authority and is characterized by low user activity - the channel was created on April 6, 2015, has 102 subscribers, 72 videos are published there, the total number of views on the channel as of 20.12.2020 is 27,434.

"Messengers" are an equally important tool for digital communication with the public. They are becoming more and more widespread due to their advantages: unobtrusiveness, asynchrony, confidentiality, cheapness, and the option of attaching photos or videos. Messengers are the fastest way to inform residents. Vinnytsia Regional State Administration actively uses the channel in Telegram Messenger (<https://t.me/VinnytsiaODA>) to promptly send information about the work of the authority, about current events taking place in the region, Ukraine and the world. On September 2, 2020 Vinnytsia Regional State Administration launched a Telegram bot (https://t.me/vin_oda_bot) to promptly answer questions addressed to the regional authorities. The program has the functions of prompts and search, redirects the user to appropriate departments, which makes information more accessible to people, as well as considerably simplifies the system of citizens' appeals. In summary, we can say that the Telegram channel and Telegram bot are a very effective way of communication with citizens.

The analysis of the use of digital technologies of communicative interaction by public authorities at the regional and local levels encourages the identification of specific aspects of modernization of communication practices of the digital environment.

Problematic issues of the digital communication process include lack of coordination in the work of public relations services with the public of the regional territorial community; also the feedback from the audience is not always effective, i.e. it is not flexible and efficient enough. VRSA as a state institution does not always make good use of available communication resources and loses the opportunity of effective communication with its target audience on the Internet.

Therefore, first of all, the "information" paradigm which is now the basis of "communication" between the government and the regional community should be changed to "communicative" as an inevitable result of participatory democracy. One of the main directions of improving communication activities in the World Wide Web should be active introduction and use of digital participation technologies by regional authorities [4].

VRSA uses the website and social networks not efficiently enough, in particular, the functioning of feedback forms on the website of the authority needs to

be improved, the existing system of electronic appeals on the site works in test mode, there are significant problems with access to public information in the form of open data. Although the number and variety of information messages of the authority are significant in volume, they are not always complete, consistent, timely and adapted to the needs of consumers of information services.

Here are some possible lines of further development of the use of these ways of communicative interaction by regional authorities which will be of benefit at the local level as well.

First, analytical materials concerning the functioning of Vinnytsia region will be perceived better if presented in the form of graphs, infographics and diagrams, they will also facilitate the ability of content users to easily compare the dynamics. Using bright and concise infographics that can be disseminated on social networks, public authorities of Vinnytsia region will be able to convey important analytical information about their work without mass media being involved.

Second, it is urgent to improve the system of electronic appeals on the VRSA website, surveys popularization, responses to comments and personal messages of users on the public authority's Facebook page. It would be appropriate to create a regional automated system for monitoring digital communications in all communities of the region, for instance, such programs as "Recording of decisions and orders of the regional community", "Recording of appeals of citizens of the regional community."

Third, due to peculiarities of the visual perception of information, it is theoretically possible to launch short informational and educational videos for citizens on acute issues concerning the life in Vinnytsia region. Public authorities can also perform educational functions through social networks. Visualized materials and video content will be in great demand among the target audience.

Another way to improve the communication process in the digital environment is to create integrated communication platforms of public authorities. It is necessary to create a single communication platform of Vinnytsia region which would simultaneously realize the opportunities of citizens of each community to both receive and participate in the creation of public information.

Mobile communication interaction is one of the aspects of developing communication with the public which has a significant potential in the context of increasing the efficiency of service delivery and is most dynamically developing. However, "mobile government" technologies are not widely used by public authorities of Vinnytsia region. Monitoring of most official websites of executive and local governments showed that there is no mobile version of their websites.

We offer several possible ways to improve digital public communication for VCATC and other communities of Vinnytsia region:

- popularization of digital democracy tools and creation of conditions for cooperation in the format “community – authorities – business – mass media”;

- implementation of experience of the best national and foreign practices for increasing the level of conscious and responsible participation of residents in the digital ecosystem of the community;

- participation in thematic international and national grant programs and competitions together with civil society institutions in order to develop and implement innovative technologies of digital participation;

- formation of digital participation skills, digital competencies for the use of digital communication tools by the community’s residents, including children;

- integration of adjacent territorial communities into the digital communications system;

- holding hackathons and technology days in order to determine the demand and generate ideas for products and systems of digital participation of residents in making management decisions;

- research of current trends and formation of demand for digital communication practices;

- use of elements of artificial intelligence and open data in digital communications;

- implementation of principles of inclusivity in the communication process on the Web;

- monitoring and assessment of the effectiveness of using digital communications.

All the considered tools and ways of modernization of communication activities of public administration bodies at the regional and local levels are connected with the formation and development of digital governance, conditioned by the development of digital society and future-oriented.

Conclusions. The theoretical and legal bases of communicative activities of public authorities in the digital environment are investigated.

The influence of digitalization on public management and its transformation into digital governance by means of the latest digital technologies is considered. It is proved that the changes caused by digitalization significantly affect the communication process in public management. Communication processes in the modern world almost entirely depend on the digital component, which makes it necessary for digital tools of communication and interaction to be implemented by the state and public authorities.

The communication measuring of activities of public institutions of Vinnytsia region in the digital environment is carried out on the basis of the analysis of digital communications of VRSA and VCATC.

On the basis of the analysis it is noted that Vinnytsia City Amalgamated Territorial Community is a model not only in Vinnytsia region, but also throughout Ukraine in terms of various practices of communication activities in the digital environment.

It is substantiated why it is necessary to improve the communication process by public authorities of Vinnytsia region with modern tools of digital communications for increasing the effectiveness of informing the society about the activities of public

authorities, for policy clarification, for providing citizens with access to public information and for establishing effective feedback.

It is proposed to change the “information” paradigm which is now the basis of “communication” between some government institutions and regional community for the “communicative” one as a result of the formation of participatory democracy.

The aspects of modernization of communication activities in the digital environment of Vinnytsia regional community are substantiated with the indication of concrete advantages of using the latest technologies of digital communications.

References:

1. Bukhtaty O. Ye. (2016). Public communications and e-democracy in Ukraine: challenges and prospects. Retrieved from: http://www.irbis-nbuv.gov.ua/cgi-bin/irbis_nbuv/cgiirbis_64.exe?I21DBN=LINK&P21DBN=UJRN&Z21ID=&S21REF=10&S21CNR=20&S21STN=1&S21FMT=ASP_meta&C21COM=S&2_S21P03=FILA=&2_S21STR=haksk_2016_48_12.
2. Cabinet of Ministers of Ukraine (2018). On Approval of the Concept for the Development of the Digital Economy and Society of Ukraine for 2018-2020 and approval of the plan of measures for its implementation. Order. Retrieved from: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/67-2018-%D1%80#Text>.
3. Frolova N. V. (2019). Features of social networks using in public authorities Retrieved from: [http://www.dridu.dp.ua/zbirnik/2019-01\(21\)/12.pdf](http://www.dridu.dp.ua/zbirnik/2019-01(21)/12.pdf).
4. Ingrams Alex, Manoharan Aroon, Schmidhuber Lisa & Holzer Marc. Stages and Determinants of E-Government Development: A Twelve-Year Longitudinal Study of Global Cities. *International Journal of Public Administration*. Retrieved from: <https://doi.org/10.1080/19331681.2016.1261264>.
5. Karpenko, O. (2017). Digital Governance: implementation imperatives in Ukraine. *Current problems of public administration*, 3(71), 57-61.
6. Koliadenko S. Annotation digital economy: conditions and stages of formation in Ukraine and in the world. Retrieved from: http://www.irbis-nbuv.gov.ua/cgi-bin/irbis_nbuv/cgiirbis_64.exe?I21DBN=LINK&P21DBN=UJRN&Z21ID=&S21REF=10&S21CNR=20&S21STN=1&S21FMT=ASP_meta&C21COM=S&2_S21P03=FILA=&2_S21STR=efmapnp_2016_6_11.
7. Kuybida. V. S., Karpenko O. V., Namestnik V. V. Digital governance in Ukraine: basic definitions of the conceptual categorial apparatus (2018). Retrieved from: http://www.irbis-nbuv.gov.ua/cgi-bin/irbis_nbuv/cgiirbis_64.exe?I21DBN=LINK&P21DBN=UJRN&Z21ID=&S21REF=10&S21CNR=20&S21STN=1&S21FMT=ASP_meta&C21COM=S&2_S21P03=FILA=&2_S21STR=vnaddy_2018_1_3.
8. Lyashenko V.I., Vyshnevsky O.S. (2018). Digital modernization of Ukraine's economy as an opportunity for breakthrough development. Retrieved

from: <https://iee.org.ua/monografiyi/tsifrova-modernizatsiya-ekonomiki-ukrayini-yak-mozhlyvist-prorivnogo-rozvitku-v-i-lyashenko-o-s-vishnevskiy-2018-r/>.

9. Nikolina I.I., Hulivata I.O., Husak L.P., Radzihovska L.M., Nikolina I.I. (2020) Assessment of digitalization of public management and administration at the level of territorial communities. *Naukovyi visnyk Natsionalnoho Hirnychoho Universytetu*, , №5, P.150-156.

10. Sarah Maria Lysdal Krøtel. Digital Communication of Public Service Information and its Effect on Citizens' Perception of Received Information/ *International Journal of Public*

Administration. Retrieved from: <https://doi.org/10.1080/01900692.2019.1672182>.

11. Vinnytsia City Amalgamated Territorial Community (2019). Concept of Digital Participation of Vinnytsia City Amalgamated Territorial Community for 2019-2025. Order. Retrieved from: <https://www.vmr.gov.ua/Docs/CityCouncilDecisions/2019/%E2%84%961730%2026-04-2019.pdf>.

12. Yaskevych, A. I. (2018). Monitoring of implementation of e-governance tools in local government of the largest cities of Ukraine. Vinnytsia: HO "Podilska ahentsiia rehionalnoho ro-zvytku". Retrieved from: http://e-demlab.org/assets/files/monitoring_2018_100-cities.pdf

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Chernogortseva S.V.

Deputy First Vice Rector

HSE University

Sychev S.V.

Leading Expert

Centre of Statistics and Monitoring of

S&T and Innovation of HSE

COMPETENCIES PUSHED ONLINE

Черногорцева Софья Вячеславовна

Заместитель первого проректора НИУ ВШЭ

Сычев Сергей Владимирович

Ведущий эксперт

Центра статистики и мониторинга

науки и инноваций НИУ ВШЭ

КОМПЕТЕНЦИИ. ВЫТЕСНЕННЫЕ ОНЛАЙН

Summary. The COVID-19 pandemic has been a catalyst for multiple changes in real business, both in terms of the organization of work processes and in terms of financial flows, labor relations, technological modernization, and the transition to new forms of employment. Changes in the principles organizing the work process, such as timekeeping and binding to the workplace, which showed their formality in the period of self-isolation, will lead to a change in the list of psychological and social competencies of the employee fundamental for the employer. One of the study tasks, according to ISSEK experts, is to identify in-demand and prospective competencies, taking into account the pro et contra of remote work.

Аннотация. Пандемия COVID-19 стала катализатором множественных изменений в сфере реального бизнеса как с точки зрения организации рабочих процессов, так и с точки зрения финансовых потоков, трудовых отношений, технологической модернизации, перехода на новые формы занятости. Изменение организующих рабочий процесс принципов, таких как учет рабочего времени и привязка к рабочему месту, показавших свою формальность в период самоизоляции, приведет к изменению перечня принципиальных для работодателя психологических и социальных компетенций работника. Одной задачей исследования эксперты ИСИЭЗ видят определение востребованных и перспективных компетенций с учетом pro et contra удаленной работы.

JEL Classification: J24, O15, Y10

Keywords: key competencies, creativity

Introduction

The epidemic of the new coronavirus infection COVID-19, which has been sweeping the world since late 2019, has become a force majeure that has had a negative impact on all spheres of social and labor relations. If we look at the regime of self-isolation, which has now reached a planetary scale, from scientists' point of view, it should be recognized that a large part of the working-age population in economically developed countries has been involved in a global social and psychological experiment. Hundreds of millions of people went into quarantine, accepting as inevitable the complete restructuring of the work regime, all business processes total digitalization, and as a consequence the blending of personal and public space and time.

Using the unique opportunity to remain simultaneously participants of this experiment and independent researchers, the authors studied the dynamics of changes in professional and personal competencies of an individual in the conditions of remote work both in the period of temporary isolation

and in the perspective of 5 years. We recognize that the nature of change depends largely on the industry itself. For example, professions in the global media and entertainment industries have already undergone significant changes over the past five years, so production processes in these industries have undergone the least restructuring. At the same time, the financial services and investment sectors are just on the verge of radical change. And those who work in sales and manufacturing will definitely need new skills, such as digital literacy, working under uncertainty, self-organization, and rejection of non-verbal communication channels, to compete in the labor market. There has been a psychological shift in minds of workers and employers during the quarantine, leading to the understanding that working from home is full-fledged work. The fact that remote work can be as effective as traditional forms of employment has not yet become a new social trend, but it has undoubtedly led to many business processes reformatting despite they were previously considered impossible without the employee's physical presence at the workplace. The

growing popularity of remote work in the future is capable of significantly changing the labor market and demand for competences. In many ways, this new form of collaboration is made possible by digital solutions permeating the social and business space, but it is also true that the ability to work fully from home will drive an even greater immersion of the world into digital reality.

Changing the principles organizing the work process, such as timekeeping and workplace attachment, which proved formal during the period of self-isolation, will lead to a change in the list of employee's psychological and social competencies that are fundamental for employers. Self-discipline and consistency will probably supersede such qualities as emotional intelligence and empathy, and also tactical, "skill" competence, such as keeping business correspondence will become much more in demand than confidence in public speaking. The approach to the choice between job applicants' combinations of competences will also be subject to revision. For example, the balance in the psychological profile of an employee between autonomy and solidarity, specialization and versatility, leadership qualities and cooperation, and creativity and sustainability will have to be reconsidered.

On the one hand, more opportunities for hiring new employees remotely will be a factor making human labor cheaper, which will lead to the accelerated displacement of workers with low and medium professional qualifications by AI algorithms. On the other hand, due to business processes increased automation and the attraction of more qualified personnel with competencies that best match the vacancies, labor efficiency will increase, which will lead to a reduction in employment at work. And the increase in free time will either become a process of self-development and personal growth trigger, or will lead to an increase in the level of happiness and life satisfaction in society, the result of any of these scenarios will be even greater efficiency.

It should also be taken into account that the difficulties of workplace technical organization over time will be shifted by employers to employees. The social consequences of this shift in roles have not yet been studied and will require a separate study. But already now we can predict an increase in requests for co-working services.

The labor market in the context of the forced transition to remote work challenges potential job seekers to learn to think and act in a more integrated way, taking into account the variety of social skills and professional knowledge that will need to be demonstrated in the absence of direct eye control from management, the need to self-organize daily and to be motivated without a manager.

One of the study tasks, according to ISSEK experts, is to determine the boundaries of which competencies will become more in demand. The analysis of skills will highlight the most promising competencies.

Among competencies, the most interesting to study is "innovativeness and creativity". The authors suggest that it is "creativity" that will undergo the greatest revision during the active transition to remote work.

Traditionally personal competences are divided into reactive and proactive. Reactive competencies are effective when a person has to respond to multiple signals from the environment, and proactive competencies are effective when a person is required to anticipate scenarios and prevent signals from the outside circle. "Creativity" and partly "autonomy" refer to proactive. At the same time critical thinking, interaction and cooperation with others, ethics and social responsibility are reactive competencies. However, at a time when business processes are changing, reactive competencies become more important. They are usually indispensable to quickly solve current problems in the organization. This is exactly what is happening now in remote work, the most useful and in-demand reactive competences are such as awareness and self-control, attentiveness, punctuality, digital advancement and self-organization, while courage, readiness for creative experimentation and making mistakes recede into the background.

Researchers predict that for some time creativity and social skills will leave the list of the most in-demand competencies. The reason for that will be employers' demand for competencies that allow to build automation of business processes for which creativity may be unnecessary. Accordingly, when the issue of automation is resolved, the demand for creativity will arise again. This will be actively promoted by the final formation of a mixed work environment with free working hours, adjusted to biological rhythms, which is only possible in a remote work environment.

Self-isolation is firmly associated with the stimulation of creativity. That is why it is creativity, its stimulation, pumping up or even awakening, that becomes the main subject of research.

Literature Review

There is still no established definition for the content of the concept "competence" or "key competence". Nor is there a single, universally accepted classification of competences. Nevertheless, most authors associate competence with the effective performance of an activity or action.

According to the definition given in D.N. Ushakov's explanatory dictionary, competence is a range of powers, an area subject to one's competence. Thus, professional competence (belonging to the law) - the range of issues, the solution of which is the responsibility of employees.

In S. I. Ozhegov's explanatory dictionary of the Russian language, competence is a range of issues, phenomena, in which a person has authority, knowledge, experience.

A. K. Markova proposed to consider competence as an individual characteristic of the degree of compliance with the profession [1, c.24].

According to N. G. Milovanova, V. N. Prudayev, competence is the ability to carry out practical activities that require a conceptual system and understanding, an appropriate type of thinking that allows you to promptly solve emerging problems and tasks [2, c.25].

C. Shishov, A. Agapov gave the following definition: competence is the ability and readiness of a person to activity based on knowledge and experience, which are acquired through learning, focused on the independent participation of a person in the learning and cognitive process, aimed at its successful inclusion in the work activity [3, c. 3].

Panfilova A.P. proposed to consider competence in a broad (as a degree of social maturity and education of all people) and narrow (as knowledge and skills) sense of the word [4, c. 20-23]. In the broad sense, competence can be viewed from three sides: 1) as a methodological principle; 2) as a form of conscious social activity; 3) as an element of a social role.

A.A. Cheremisina defines competence as a steady ability of a person to activity with knowledge, which is formed by a deep understanding of the essence of tasks and problems to be solved, good knowledge of experience available in this area, active mastering of its best achievements, the ability to choose means and ways of action, adequate to the specific circumstances of place and time, a sense of responsibility for the results achieved [5].

Competence is one of the properties, manifestation of personality and consists of solving problems effectiveness encountered in the sphere of human activity and carried out in the interests of this organization [6, c.284].

Social and psychological competence of employees is considered as a certain level of development of their communicative qualities, ability to adequate interpersonal perception and interaction, ability to prevent and resolve conflicts [7, c. 288].

The socio-psychological competence of employees, which is implemented in a specific professional activity, correlates with the degree of development of the service team and is characterized by a certain level of adaptation of employees to a given social role (level of social competence) [8, c.104].

The term "key competencies" was first introduced by G. Hamel and C.K. Prahalad defining them as "the skills and abilities that allow a company to provide fundamental benefits to consumers".

According to I.I. Gancherenok, critical thinking, creativity, initiative, ability to solve problems, make decisions and assess possible risks as well as constructive management are central in key competences.

In the scientific literature creativity is understood as an employee's ability to generate significant new forms in any form, which should be easily disseminated and widely used. Consequently, the new type of human resources formation is based on the ability to create and widely apply original ideas, elements, models, the ability to compose existing technologies in a new way, etc.

In this approach, not the possession of knowledge, but the ability to create it, in other words, not just "knowledgeable" specialists are needed, but those possessing certain key competencies. Thus, one of the most important tasks of any organization in terms of intensive internal development, achievement of competitive advantages is the formation of its own intellectual and creative resources (Gorelov article Creative Management).

The National Advisory Committee on Creative and Cultural Education of Great Britain (NACCCE) has identified 4 main characteristics of creativity:

1. Creativity involves imagination - the process of generating something original;
2. creativity is "purposeful"; it is imagination in action that has a moment of completion;
3. creativity produces something original in relation to the previous work or output of a person or group of people;
4. creativity has value in relation to the purpose it pursues.

Thus, according to British specialists, creativity is associated with the generation of ideas, their evaluation and the identification among them of the most important.

Methodology

The study was based on a set of quantitative and qualitative methods. Theoretical materials for the article were the publications of scientific literature related to the topic under consideration. The informational and empirical basis of the work consisted of domestic and foreign studies results, expert assessments, Russian and foreign media thematic publications.

In order to achieve the objectives, a sample online survey was conducted. A questionnaire was developed as a tool for collecting quantitative data. The questions for the questionnaire were formulated in accordance with the main objectives of the research. The answers to the questions helped to see and explore the nature of creativity, determine its place in the list of key competences and suggest tools for its measurement in a context where all the usual communicative competences have gone digital.

After developing the questionnaire, a survey was conducted: respondents were invited to answer questions and give their comments and observations. In addition, several short face-to-face interviews were conducted to determine if any questions remained that were important to the study. These procedures can be seen as a guarantee of the developed instrument's high validity.

Respondents are represented by the following specialists: heads of organizations, projects; marketing directors, directors of external relations; HR managers, communication managers; HR-transformation experts.

After the sample was formed, respondents were sent an official invitation to participate in the survey. The survey was conducted in May 2020. Data analysis was conducted on the responses of 13 respondents.

Results

According to the VTsIOM survey conducted in May, the number of citizens working remotely in self-isolation has increased eightfold. Before the coronavirus pandemic, only 2 percent of respondents worked remotely; today, 16 percent have moved to remote work (fully or partially).

Sociologists note that the eightfold increase in the proportion of people working remotely was almost painless. People's existing digital skills were sufficient, and the missing ones were mastered fairly quickly. Digital literacy, as noted by sociologists, "is gradually and steadily growing" [9].

The Association of Electronic Communications (RAEC) in cooperation with the National Research University Higher School of Economics (NRU HSE) and Microsoft in Russia conducted research on the impact of spring 2020 events - the COVID-19 pandemic and its consequences, such as mass self-isolation, changing formats of interaction and consumption patterns - on Russian business.

47% of respondents believe that remote working will become one of the generally accepted formats of employment. There will be the following changes in internal business processes and the organization of external interaction [10]:

- redistribution of external interaction in favor of digital channels;
- increase in the dynamics of business processes and acceleration of digitalization;
- personalization of relationships with clients;
- growth of cooperation.

According to VTsIOM research, 61% of employees who switched to remote working mode have a negative attitude to this transition, while 36% have a positive attitude. Participants in the survey, who do not like the remote mode, identified the following reasons: the work requires direct contact with people, at home it is difficult for them to focus, the increased volume of work, it is difficult to combine work and private space.

Microsoft researched the changes in the users emotional state over six months of remote work. The study found that in the six months since going to work remotely, people were having significantly more meetings, making calls, and chatting than before the pandemic. The percentage of Microsoft Teams users sending chat messages after office hours more than doubled. This means that many of the employees who previously didn't work after office hours are now doing so [11].

Accelerating digitalization, the introduction of new digital tools, and changing work formats require employees to develop skills that will allow them to remain relevant in the post-coronavirus reality. According to 16% of survey participants, a lack of competencies among employees is a major barrier to the digital tools use. The speed and depth of current changes emphasize the need to develop appropriate skills - both the use of digital tools and technologies, and the ability to self-organize, the ability to adapt quickly to changing conditions, and the ability to build effective communication.

Analysts at the World Economic Forum in Davos believe that the following skills will be important in 2020: complex problem solving, critical thinking, creativity, managing people, coordinating with others, emotional intelligence, judgment and decision making, service orientation, collaboration and negotiation, and cognitive flexibility.

LinkedIn experts published a list of skills that will be most in demand in the job market in 2020. The ranking was topped by experience and knowledge in using blockchain, as well as creativity. According to them, the top 5 top soft skills of 2020 include: creativity, persuasiveness, collaboration, adaptability, and emotional intelligence [12].

In the materials of this article the authors shared their views on the key competences that will be in maximum demand in the near future. The level of their development will determine a person's competitiveness in the labor market, and for a company it will mean the most effective management of the available human capital.

Digital Literacy

Digital literacy is the set of knowledge and skills you need to use digital technology and Internet resources safely and effectively. It includes digital consumption (knowledge and use of Internet services for work and life), digital competencies (skills to use technology effectively) and digital security (basic safety online) [13].

Digital literacy skills include the knowledge to use technology to produce, distribute, and consume information digitally. Understanding the structure, processes, and approach to problem solving through automation is becoming a necessary element in many professions. This is especially true in companies where one of the key products or business lines is a digital product, as employees have to interact with the programmers who implement it.

Digital literacy is important during the workflow: finding the information they need, checking the sources they use to get it, and using cloud and other digital services to interact within the organization. This became especially relevant during the pandemic, when companies were forced to move to remote work.

Communication within and between departments is already moving into digital channels: messengers, online conversations, digital project tracking boards. If an employee does not have the skill to interact, find new digital products and abandon old ones, he or she can fall out of the work process, which reduces the efficiency of both the department and possibly the entire company, and in the future may cause this employee to lose his or her position [14].

To improve the mass literacy of Russian residents, a publicly available online service цифроваяграмотность.рф (digital literacy.rf) was launched on December 25, 2019. The resource is created and will be developed as a showcase for educational platforms and solutions of project partners. The portal hosts the first training videos and courses for the development of basic digital skills - the key

competencies of the digital economy and digital literacy.

Collaboration

Our world has become too big and fast for humans to know, know how, and do everything alone-sometimes even within a specific task. High-performing teams can accomplish more than anyone else, and companies know it. One employee's strengths can complement those of others to best achieve overall goals. Social skills will be important in the future: adapt to new acquaintances, negotiate, collaborate, and don't shift responsibility.

Comprehensive problem solving

In the future, the most in-demand professionals will be those who possess a systematic, holistic approach to solving any problems. It is necessary to develop this quality beginning with the outlook and finishing with the exact understanding of laws of systems functioning. Ability to see different sides of a task and find balance, i.e. to distribute time and forces so that to execute every stage of work and as a result to solve a task completely. A specialist with this ability can predict what potential trouble awaits the project and prevent it.

Emotional Intelligence

Emotional intelligence is the ability to recognize and manage your own and others' emotions, intentions, motivations, and desires [15]. The need for emotional intelligence emphasizes the importance of responding effectively and interacting with peers. The skill helps to solve practical problems and achieve goals in life and at work. People with developed emotional intelligence are able to negotiate with others, make decisions, and respond appropriately to negative situations.

Rob Cross, Professor of Global Leadership at Babson College School of Management in Massachusetts: "It usually takes three to five years for people to transform into a high-performing employee. But if you know how to blend in quickly, ask the right questions, and raise your own status, it can be as short as nine months."

Your level of emotional intelligence determines how well you can hear and understand others and empathize with others' experiences. This skill is critical for leadership positions. Managerial candidates must be empathic, empathizing with employees, understanding their emotional state, and showing their humanity toward them.

Creativity

Creativity is still the most in-demand agile skill in 2020. Creativity will be a sought-after skill in many industries, from media to transportation, experts say. Organizations need people who can creatively solve problems and tasks in all business spheres, from software development to personnel management, do not limit their knowledge and skills to one profession, can and like to invent, look for new approaches and think outside the box. CNN Digital Director for Europe, Middle East and Africa Blatnad Healy confirms that employers "are always looking for people who think deep, see big and don't shy away from discussion " [16].

People who can think creatively in their subject area are able to find non-trivial solutions and create new opportunities. They are able to act differently in critical situations, offering innovative solutions to complex problems. Creativity is always valued, but especially important in times of economic uncertainty; the ability to be creative helps organizations stay afloat even in these difficult times. Amanda van Nuys notes on LinkedIn that creativity is valued in any profession "regardless of the country or industry in which you do business" [17].

To explore the nature of creativity and determine its place in the list of core competencies, a questionnaire survey was conducted.

The first question of the questionnaire asked respondents to rate the priority of competencies (High/Middle/Low) in normal conditions and in remote working conditions. The answers are presented in Figures 1 and 2.

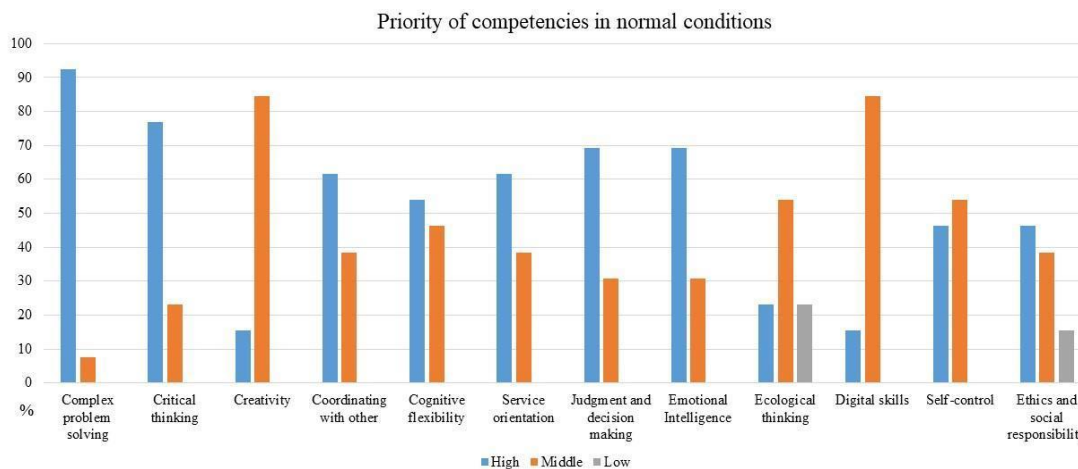

Fig. 1 Priority of competencies in normal conditions.

The highest level of priority was given by the experts to the following competencies: comprehensive problem solving, critical thinking, decision making, and emotional intelligence.

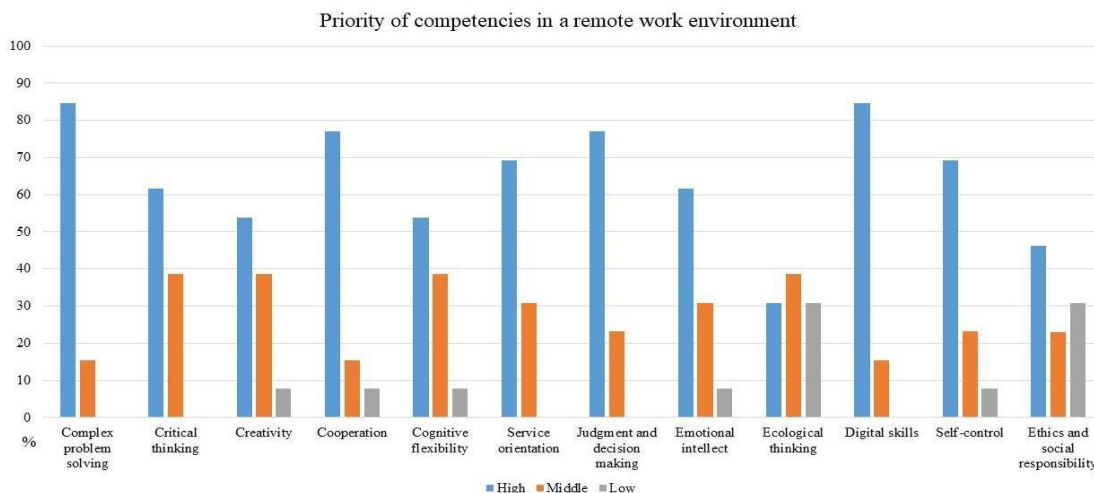

Fig. 2 Priority of competencies in a remote work environment.

The highest level of priority was given by the experts to the following competencies: comprehensive problem solving, digital skills, collaboration, and decision making.

Question 2: Is the list of business and psychological qualities combined in the competence cluster "innovativeness and creativity" correct (Yes/No). The distribution of responses is presented in Figure 3.

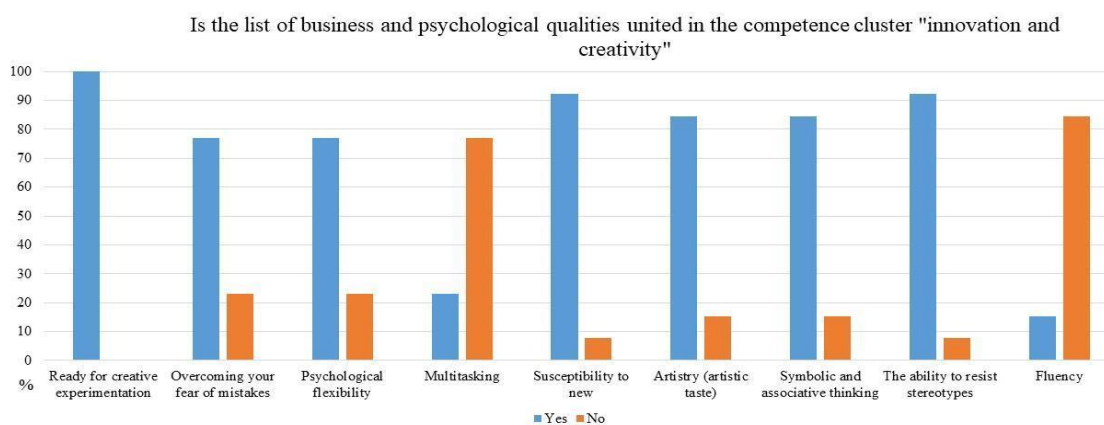

Fig.3 Priority of qualities combined in the competence cluster "innovativeness and creativity".

Most respondents believe that multitasking and fluency skills are not related to the competencies of innovativeness and creativity.

Question 3: Which competencies are opposite or antagonistic to creativity? The answers are presented in Figure 4.

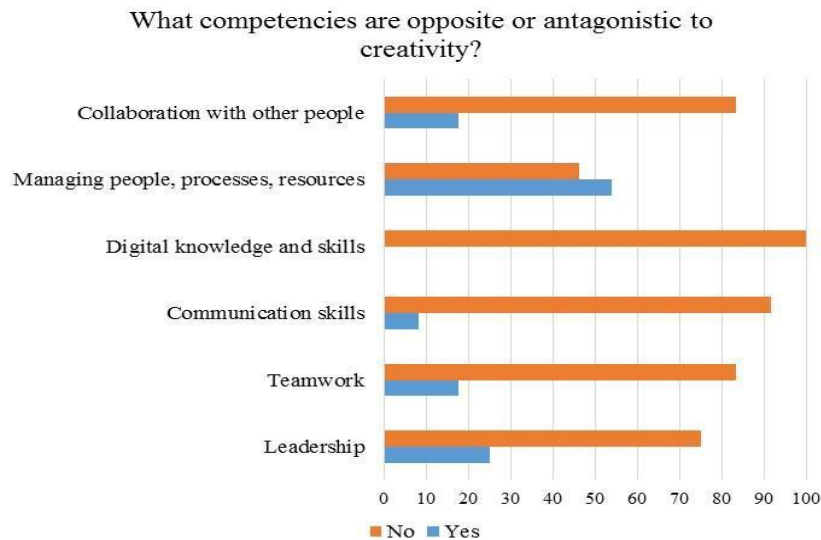

Fig. 4 Competencies are opposite or antagonistic to creativity.

In answer to question 4: Do you think it is possible to measure the level of creativity? If yes, what degrees would you note? What scales do you think are correct for this kind of measurement? Several experts do not think it is possible to measure creativity. But for the most part, experts think it's possible, and have suggested the following tools for measurement:

- Binary scale;
- Basic scale: weak, medium, strong;
- Unique/non-unique; for teamwork, productive/non-productive;
- Thinking type tests, projective techniques;
- Scales: speed of proposing a solution, novelty of the solution, variability (number of options offered);
- Degrees - basic, "like everyone else", "on-trend", "ahead of its time".

A number of experts noted that assessment tools need to be tied to team roles. Also, creativity can be assessed through the bottom line.

When asked what practices and tools can develop or pump up creativity competence, the experts suggested the following options:

- Trainings;
- Designing user experience;
- Travel, new cultural contexts;
- Doing creative assignments, "blank pages," a game model of idea generation;
- A set of physical exercises to develop creativity;
- Rethinking experiences;
- Through professional tryouts of tasks that have never been done and are therefore non-typical;
- Exercises "non-typical function of the subject", "consideration of the problem from different positions", synthesis: search of new qualities through crossing of subjects/formats;
- Creativity;
- Comparative analysis of products of any thought activity.

Question 6: After how long will the request for creativity be in maximum demand? The distribution of answers is shown in Figure 5.

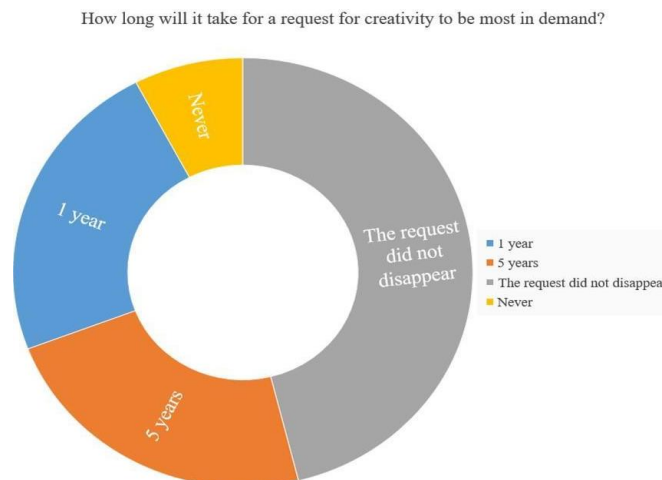

Fig. 5 Term of the creativity request

Question 7: How much more important is personal creativity than professional creativity in the struggle to survive in a company? The answers are presented in Figure 6.

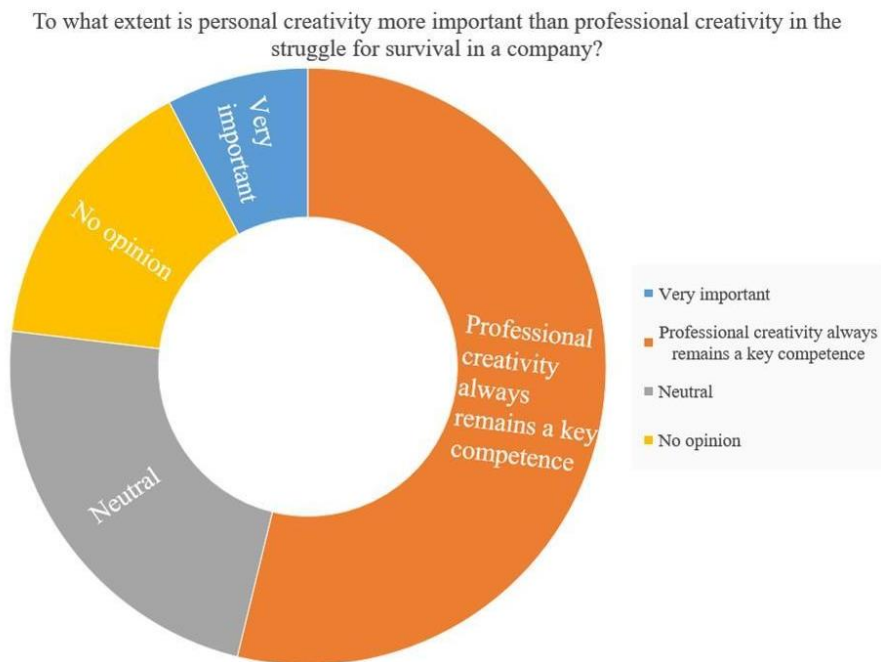

Fig. 6 How much more important is personal creativity than professional creativity in the struggle for company survival?

Question 8: How sensitive is creativity to team atmosphere? Answers are presented in Figure 7.

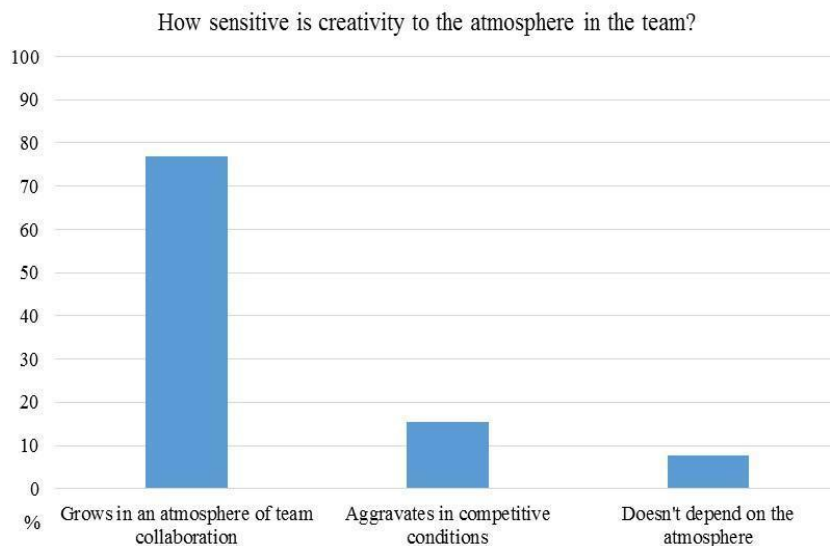

Fig. 7 How sensitive is creativity to the atmosphere in the team?

Question 9: Which positions in the company are most in demand for creativity competence? The answers are presented in Figure 8.

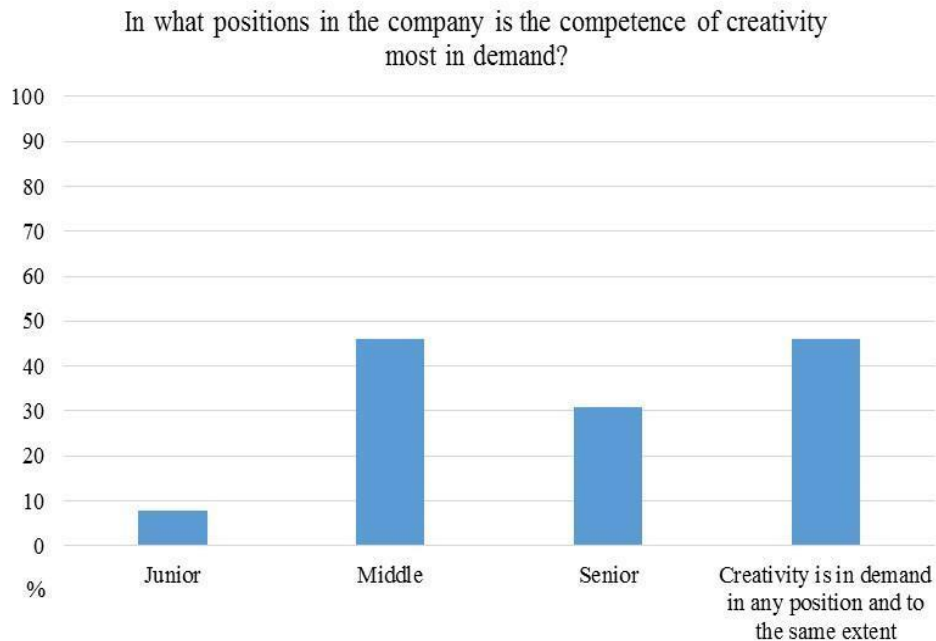

Fig. 8 How sensitive is creativity to team atmosphere?

Specialists were asked how justified the stereotype that reactive knowledge and competences are inherent to more mature employees, and proactive ones to younger employees? Experts' opinions were divided. Some believe that it is justified because:

- experience often interferes with the perception and implementation of new things;
- there is no tradition of updating one's stock of knowledge and skills throughout life;
- mature workers often stop developing, and become "experts";
- for mature workers, error experience is often an emotional barrier to developing a non-standard solution.

Some professionals have the opposite point of view, and believe that it is not justified because:

- individual: young professionals are mostly trained in the conservative education system;
- depends on a person's personality, his motivation and readiness to develop;
- depends on the personal and professional qualities of the person;
- If a person is ready to develop, a mature specialist can be more proactive, because he/she sees prospects and possesses knowledge, while a young specialist can be just afraid of "stepping on mistakes";
- there is a notion of trainability which is not connected to age;
- it may depend on the culture in the organization;
- creativity depends not on experience of the person, but on ability of the person to be "well-watched" .

Also, the opinions of experts were divided on the question of the propensity to cooperate generation Y. Professionals were asked the question: Do you agree with the opinion that Generation Y is most likely to be

collaborative and team-oriented, despite a reputation as a generation of bright individualists who ignore the interests of the firms they work for? A number of experts agree with this view, provided there is a great deal of meaning in this collaborative activity. What matters is the comfortable environment in which professionals find themselves. This is achieved through effective and pleasant interaction with colleagues. Also one of the experts notes that game distributed teams have created the "habit" of individualists to work in teams. At the same time, experts note that when generations lose interest, they lose the ability to strongly collaborate and quickly give up.

A number of specialists do not believe in generational theories. They believe that everything depends on personal qualities of a person, on corporate culture and company values.

Discussion

Remote work in the future has the potential to significantly change the labor market. In many ways, the new form of collaboration will be a driving factor for an even greater immersion of the world in digital reality. In this regard, a personal brand online and social capital will be important factors for successful interaction in the social and business space.

Personal brand can show belonging to a certain company, possession of skills and abilities, strong personal qualities, but the basis is reputation. In today's world all processes are changing rapidly, including personal brand building. The competition between professionals is getting tougher and thus it is necessary to make more efforts to be successful. People with more connections not only find it easier to find a new place, but also simply work more effectively. According to a study by American psychologist Julianne Holt-Lunstad [18], the main conclusion is that communication is not only important for our psyche, it is a biological need.

Lack of communication is a health risk comparable to a sedentary lifestyle, smoking 15 cigarettes a day or living in environmentally unfriendly areas [19].

The development of a personal brand when online and social capital is the field for the next study.

Conclusion

Today, knowledge and even skills (as individual elements) are becoming obsolete rather quickly, so the competency-based approach is the most promising. It allows to see the picture strategically, as well as to provide high flexibility.

Having analyzed prospective competences, we conclude that not only digital competences are in demand, but also soft skills. Accordingly, empathy and other communication competences will come to the fore.

Soft skills in 2020 will be more valued by employers, experts say. People with expertise in these skills, capable of empathy, will be in high demand - this, in particular, opens up a new wide front of work for coaches and mentors who specialize in the development of emotional intelligence within teams.

In 2020, creativity continues to be the most in-demand flexible skill.

References

1. Маркова А.К. Психология профессионализма. М.; 1999. [Markova A.K. Psihologiya professionalizma. M.; 1999. (In Russ).]
2. Милованова Н.Г., Прудаева В.Н. Модернизация российского образования в вопросах и ответах. Тюмень: Вектор-бук; 2002. [Milovanova N. G., Prudaeva V. N. Modernizatsiya rossiyskogo obrazovaniya v voprosakh i otvetakh. Tyumen: Vektor- book; 2002. (In Russ).]
3. Шишов С.Е., Агапов И.И. Компетентный подход к образованию как необходимость//Мир образования - образование в мире. 2005. № 4 . С. 41 - 43. [Shishov S. E., Agarov I., I. Kompetentnostnyu podkhod k obrazovaniyu kak neobhodimost. Mir obrazovaniya - obrazovaniye v mire. 2005. (4): 41 - 43. (In Russ).]
4. Панфилова А.П. Деловая коммуникация в профессиональной деятельности. Санкт-Петербург; 2001. Panfilova A. P. (2001). [Delovaya kommunikatsiya v professionalnoy deyatelnosti. St. Petersburg; 2001. (In Russ).]
5. Черемисина А.А. Формирование правовой компетенции старших школьников. Оренбург; 2001. [Cheremisina A.A. Formirovaniye pravovoy kompetentnosti starshih shkolnikov. Orenburg; 2001.(In Russ).]
6. Шадриков В.Д. Ментальное развитие человека. Аспект Пресс; 2007. [Shadrikov V. D. Mentalnoye razvitiye cheloveka. Aspect Press. 2007. (In Russ).]
7. Петровская Л.А. Компетентность в общении. М.; 1989. [Petrovskaya L. A. Kompetentnost v obshenii. M.; 1989. (In Russ).]
8. Жуков Ю.М., Петровская Л.А. Диагностика и развитие компетентности в общении. М.; 1990. [Zhukov YU. M., Petrovskaya L.

А.. Diagnostika i razvitiye kompetentnosti v obshenii. M.; 1990. (In Russ).]

9. Емельяненко В. Проект Вызов года 2020 / Официальный сайт RG.RU. [Emelyanenko V. Vyzov goda 2020 / RG.RU official web-site]. URL: <https://rg.ru/2020/05/15/vciom-v-8-raz-vyroslo-chislo-rabotaiushchih-udaleno.html>.

10. Новые акценты цифровой трансформации: как весна 2020 повлияет на российский бизнес / РАЕК [novye akcenty cifrovoj transformacii: kak vesna 2020 vliyaet na rossijskij biznes / RAEK]. URL: <https://raec.ru/live/raec-news/11841>.

11. Microsoft. Work Trend Index / Microsoft. URL: <https://news.microsoft.com/ru-ru/work-trend-index-ignite-2020>.

12. Бородина В. Убеждать, творить, понимать: как развить карьерные навыки 2020 года / сайт РБК. [Borodina V. Ubezhdad, tvorit, ponimat: kak razvit karyerneye naviki 2020 goda] URL: <https://style.rbc.ru/health/5e4abafc9a7947141a3b050b>

13. Проект Региональной общественной организации «Центр Интернет-технологий» / Цифровая грамотность. URL: <https://xn--d1achkm1a.xn--80aaefw2ahcfbneslds6a8jyb.xn--p1ai>.

14. Три категории навыков для работы в будущей индустрии финансовых услуг / PLUS.S. URL: <https://plusworld.ru/journal/2020/plus-7-2020/tri-kategorii-navykov-dlya-raboty-v-budushhej-industrii-finansovyh-uslug>.

15. Шиманская В. Эмоциональный интеллект: как научиться понимать свои и чужие эмоции. [Shimanskaya V. Kak nauchitsya ponimat svoi i chuzhije emocii]. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/education/5ed67acf9a79470d60d8af28>.

16. 5 главных навыков для карьерного успеха в 2020-х / Forbes. URL: <https://www.forbes.ru/karera-i-svoy-biznes/390745-5-glavnyh-navykov-dlya-karernogo-uspeha-v-2020-h>.

17. Самые востребованные профессиональные и личностные навыки в 2020 году / CRN. URL: <https://www.crn.ru/news/detail.php?ID=145312>.

18. The Potential Public Health Relevance of Social Isolation and Loneliness: Prevalence, Epidemiology, and Risk Factors, 2017 / Oxford University Press. URL: <https://academic.oup.com/ppar/article/27/4/127/4782506>.

19. Как удаленная работа лишает нас социального капитала и что с этим делать / Reminder. URL: <https://reminder.media/post/sotsialnyy-kapital>

20. Thompson D. The Four Rules of Pandemic Economics / The Atlantic. URL: <https://www.theatlantic.com/ideas/archive/2020/04/new-laws-pandemic-economics/609265>.

21. Verlinden N. All You Need to Know about Employee Relations / AIHR Academy. URL: <https://www.digitalhrtech.com/employee-relations>.

22. Johnson S. Measuring Engagement is Not the Same as Listening / HR Technologist. URL: <https://www.hrtechnologist.com/articles/employee->

engagement/what-matters-most-to-continuous-listening.

23. van Vulpen E. Absenteeism in the Workplace: A Full Guide / AIHR Academy. URL: <https://www.digitalhrtech.com/absenteeism>.

24. van Vulpen E. The Optimal HR to Employee Ratio / AIHR Academy. URL: <https://www.analyticsinhr.com/blog/hr-to-employee-ratio>.

25. Gerdeman D. Kids of Working Moms Grow into Happy Adults / Harvard Business School Working Knowledge Baker Library. URL: <https://hbswk.hbs.edu/item/kids-of-working-moms-grow-into-happy-adults>.

26. Candelon F., Reichert T., Duranton S., et.al. The Rise of the AI-Powered Company in the Postcrisis World / BCG Henderson Institute. URL: <https://www.bcg.com/publications/2020/business-applications-artificial-intelligence-post-covid.aspx>.

27. Dooley R. How To Merge Customer And Employee Experience / Forbes. URL: <https://www.forbes.com/sites/rogerdooley/2020/04/01/merge-cx-ex/653e3bf628e6>.

28. Zhao D. Work From Home: Has The Future of Work Arrived? / Glassdoor. URL: <https://www.glassdoor.com/research/working-from-home>.

29. Analytical Center for the Government of the Russian Federation /Официальный сайт правительства РФ. URL: <https://ac.gov.ru/news/page/eksperty-obsudili-trendy-v-razviti-i-celoveceskogo-kapitala-v-rossii-22461>.

30. Chelovecheskiy kapital – bazovaya tsennost dlya Rossii/Официальный сайт СМИ “Вести”. URL: <https://www.vesti.ru/doc.html?id=3230100>.

31. Nikonorov S. How leaders work: 5 top marketing and HR trends in 2020 / Business world. URL: <https://delovoy-mir.biz/kak-rabotayut-lidery-5-glavnyh-trendov-v-marketinge-i-rabote-s-personalom-v-2020-godu.html>.

32. The power to perform: Human capital 2020 and beyond/ PwC. URL: <https://www.pwc.com/gx/en/industries/financial-services/publications/hc-2020.html>.

33. The Future of HR 2020: Which path are you taking?/ KPMG International Cooperative. URL:

<https://assets.kpmg/content/dam/kpmg/xx/pdf/2019/11/future-of-hr-2020.pdf>.

34. Chakraborty A. Predicted Future of Human Resource Management in 2020 (Changes, Challenges & Trends) / WP ERP. URL: <https://wperp.com/61429/future-of-human-resource-management-challenges-trends>.

35. Haak T. 12 HR Trends for 2020. / HR Trend Institute. URL: <https://hrtrendinstitute.com/2019/11/26/12-hr-trends-for-2020>.

36. Chalk S. Human Resources Trends for 2020/ 401kTV. URL: <https://401ktv.com/human-resources-trends-2020>.

37. Moody K. 5 talent trends to watch in 2020 / HR Dive. URL: <https://www.hrdiver.com/news/5-talent-trends-to-watch-in-2020/570026>.

38. Danziger C. Top 8 Workplace Technology Trends for 2020 / CareerMetis. URL: <https://www.careermetis.com/workplace-technology-trends-2020>.

39. 20 HR Trends 2020 United States / Klein HR Solutions. URL: <https://kleinhrsolutions.com/20-hr-trends-2020-united-states>.

40. Wong K. 5 HR Tech Trends to Look Out for in 2020 and Beyond / Achievers Solutions Inc. URL: <https://www.achievers.com/blog/5-hr-tech-trends-to-look-out-for-in-2020-and-beyond>.

41. Newbery C. Seven key HR trends for 2020 / CIPHR Limited. URL: <https://www.ciphr.com/features/seven-key-hr-trends-for-2020>.

42. Munavar R. 6 Workplace Trends For 2020 / Thrive Global. URL: <https://thriveglobal.com/stories/6-workplace-trends-for-2020/> (Accessed 17 April 2020)

43. Martinez R. 7 Inspiring HR trends for 2020 / Atrivity. URL: <https://blog.atrivity.com/human-resource-trends-2020>.

44. 5 HR trends to watch in 2020, and 4 things you can do about them / Inpute Technologies. URL: <https://inpute.com/5-hr-trends>.

45. Stoop M. Global HR Trends 2020. Discover the 7 largest emerging HR trends for 2020 / Human In Progress. URL: <https://hrm-netherlands.com/hr-trends-2020>.

ЕКОНОМІЧЕСКІЕ НАУКИ

УДК 336.717.061:338.432

*Свенко Тетяна Іванівна**кандидат економічних наук, старший викладач кафедри фінансів,
Національний університет біоресурсів і природокористування України*

МЕХАНІЗМ КОРОТКОСТРОКОВОГО БАНКІВСЬКОГО КРЕДИТУВАННЯ

*Yevenko T.I.,**candidate of economic sciences, senior teacher of department of finances,
National university of Life and Environmental sciences of Ukraine
<https://orcid.org/0000-0002-7440-3473>*

SHORT-TERM BANK LENDING MECHANISM

Анотація. Стаття присвячена дослідженню особливостей банківського кредитування вітчизняних підприємств на сучасному етапі. В статті здійснено критичний аналіз банківського кредитування підприємств України. Розглянуто механізм банківського кредитування, як поетапність процесу надання кредитів. Виокремлено етапи кредитного процесу банку щодо надання позикових коштів підприємствам.

Abstract. The article is devoted to the study of the peculiarities of bank lending to domestic enterprises at the present stage. The article provides a critical analysis of bank lending to Ukrainian enterprises. The mechanism of bank lending is explained as a phased process of lending. The stages of the bank's credit process for providing loans to enterprises are highlighted.

Ключові слова: банківське кредитування, банки, фінансове забезпечення, кредитний ризик, кредитор, кредитні кошти.

Key words: bank lending, banks, financial security, credit risk, lender, credit funds.

Постановка проблеми у загальному вигляді і її зв'язок з важливими науковими та практичними завданнями. Розвиток банківського кредитування в сучасних умовах є необхідною умовою стабільного функціонування всієї економічної системи та забезпечення економічного зростання. Зважаючи на стан економіки України та високий рівень кредитного ризику потенційних та реальних позичальників, найбільш розвиненим видом банківського кредитування в поточний момент є кредитування на короткі строки.

Короткострокове кредитування фізичних осіб є одним з основних видів діяльності банків, що забезпечує їх стабільну прибутковість. Розвиток даного виду кредитування є важливою умовою забезпечення стійкого зростання не тільки банківської системи, а й економіки в цілому, оскільки від нього залежить платоспроможний попит населення на товари тривалого користування та високовартісні послуги, а, отже, розвиток багатьох галузей виробництва та реалізація їх кінцевої продукції. Разом з тим це загострює проблему збалансованості товарних ринків, оскільки попит формується не тільки за рахунок поточних доходів, а й заощаджень населення.

Аналіз останніх досліджень, у яких започатковано вирішення проблеми. Проблемам банківського кредитування присвятили увагу багато вітчизняних науковців, зокрема: О.В. Васюренко, О.В. Дзюблюк, В.І. Міщенко, А.М. Мороз, О.В. Пернарівський, М.І. Савлук, Н.Ф. Єфремова, О.В. Золотарьова, В.С. Окрема, О.О. Дутченко та інші. Втім, питанню

короткострокового банківського кредитування в українській економічній літературі приділяється мало уваги.

Цілі статті. Дослідити особливості банківського кредитування вітчизняних підприємств на сучасному етапі. В статті здійснено критичний аналіз банківського кредитування підприємств України. Розглянути механізм короткострокового банківського кредитування, як поетапність процесу надання кредитів. Виокремити етапи кредитного процесу банку щодо надання позикових коштів підприємствам.

Виклад основного матеріалу дослідження з повним обґрунтуванням отриманих наукових результатів. Для забезпечення конкурентоспроможності банку на ринку кредитних послуг та мінімізації втрат за короткостроковими банківськими кредитами необхідним є формування ефективного механізму короткострокового банківського кредитування [7].

За результатами проведеного дослідження визначено, що науковці в якості пріоритетного використовують процесний підхід до його формування, тобто визначають його як послідовність дій, процесів або етапів, кожен з яких забезпечує вирішення локального завдання, а разом досягається головна мета кредитних операцій – їх надійність і прибутковість для банку (рис. 2.1).

Умовно можна виділити три етапи банківського кредитування, кожен з яких має певні складові: попередній; поточний; підсумковий.

На попередньому етапі клієнт подає звернення за кредитом у вигляді листа, клопотання, заявки (у

загальному вигляді – кредитна заявка). Заявка на кредит – це стандартна анкета, зміст і ступінь деталізації якої відповідають вимогам банку тієї чи іншої країни. Звичайно, всі заяви складаються із кількох змістовних частин і спеціальної графі, яка заповнюється банком. Призначенням заявки є те, що вона виступає офіційним запитом клієнта на надання кредиту; включає в себе дані про

конкретний кредит; отримання інформації про клієнта у відповідності з його анкетними даними.

Разом із заявкою на отримання кредиту позичальник надає пакет документів, визначений банком залежно від суб'єкту кредитування (фізична чи юридична особа), цілі кредиту тощо (рис 1).

Рисунок 1 - Загальний механізм банківського короткострокового кредитування

При зверненні за кредитом з позичальником проводиться попередня бесіда, під час якої виявляють сутність заходу, що кредитується, та порівнюють отримані вихідні дані з кредитною політикою банку. У разі невідповідності потенційного позичальника кредитній політиці банку компетентні особи можуть відмовити у наданні кредиту без розгляду питання на Кредитному комітеті. У разі відповідності потенційного позичальника кредитній політиці банку визначається структурний підрозділ банку, який буде проводити подальшу роботу з позичальником [2].

Наступною дією є визначення кредитоспроможності позичальника, під якою розуміється його здатність у повному обсязі і у визначений кредитною угодою термін розрахуватися за своїми борговими зобов'язаннями.

Починаючи з 2013 року, вступило в силу Положення «Про порядок формування та використання банками України резервів на відшкодування можливих втрат за активними банківськими операціями», яким сформовано методичне забезпечення оцінки

кредитоспроможності позичальників банків України.

На першому етапі здійснюється вибір моделі інтегральної оцінки фінансового стану позичальника за результатами з'ясування категорії підприємств, до якої належить позичальник: суб'єкт малого підприємництва чи середнє (велике) підприємство; з'ясування виду економічної діяльності позичальника за КВЕД.

Другий етап передбачає розрахунок фінансових коефіцієнтів, які передбачені моделлю, та визначення інтегрального показника фінансового стану позичальника за формулою (2.1):

$$Z = a_1K_1 + a_2K_2 + a_3K_3 + a_4K_4 + a_5K_5 + a_nK_n - a \quad (1)$$

де Z - інтегральний показник;

$K_1, K_2 \dots K_n$ - фінансові коефіцієнти, що визначаються на підставі даних фінансової звітності боржника-юридичної особи для великого або середнього підприємства. Для малого підприємства замість зазначених коефіцієнтів застосовуються коефіцієнти $MK_1, MK_2 \dots MK_n$;

$a_1, a_2 \dots a_n$ - параметри, що визначаються з урахуванням вагомості та розрядності фінансових коефіцієнтів і щорічно актуалізуються НБУ на підставі даних фінансової звітності боржників-юридичних осіб;

a_0 - вільний член дискримінантної моделі, значення якого щорічно актуалізуються НБУ.

На третьому етапі здійснюється розрахунок коефіцієнта покриття боргу, на основі якого визначається спроможність позичальника обслуговувати отримані кредити [5].

Четвертий етап передбачає визначення класу боржника відповідно до рівня його фінансового стану та спроможності обслуговувати борг. За результатами цього відбувається присвоєння категорії якості кредитної заборгованості відповідно до класу позичальника та стану обслуговування боргу.

На шостому етапі проводиться додатковий аналіз відповідно до внутрішнього положення банку, в якому банки мають враховувати: якість менеджменту боржника; ринки збуту продукції та вплив факторів виробництва; додаткові галузеві ризики суб'єкта господарювання; якість систем контролінгу та корпоративного управління; висновки аудиторів щодо достовірності звітності боржника (за наявності); рейтинги боржника, встановлені міжнародними рейтинговими агентствами; динаміку інтегрального показника фінансового стану щонайменше за три останні роки; показники консолідованої звітності; іншу об'єктивну інформацію щодо подій та обставин, які можуть вплинути на своєчасність і повноту погашення боргу.

На заключному етапі визначається показник ризику кредиту в межах встановленого для відповідної категорії якості діапазону (табл.1).

Таблиця 1.

Визначення показника ризику кредиту, наданого боржнику-юридичній особі

Категорія якості за кредитом	Значення показника ризику кредиту
I - найвища	0,01 - 0,06
II	0,07 - 0,20
III	0,21 - 0,50
IV	0,51 - 0,99
V - найнижча	1,0

Розглянемо визначення рівня кредитоспроможності позичальника-фізичної особи.

На першому етапі здійснюється оцінка фінансового стану фізичної особи, якій надано кредит, у тому числі тієї, яка є суб'єктом господарювання, на підставі таких кількісних та якісних показників [9].

Кількісними показниками є сукупний чистий дохід; накопичення на рахунках у банку (інформація надається за бажанням боржника - фізичної особи); коефіцієнти, що характеризують поточну платоспроможність і його фінансові можливості виконати зобов'язання за кредитом

(співвідношення сукупних доходів і витрат/зобов'язань; співвідношення обсягу боргу за кредитом до вартості об'єкта кредитування/застави; співвідношення щомісячних витрат боржника на обслуговування боргу до обсягу його щомісячних доходів тощо). Оптимальні значення цих коефіцієнтів банк установлює самостійно з урахуванням видів кредитів і залежно від форми їх надання, цільового призначення, строку користування, наявності забезпечення, способу сплати тощо. Питома вага кількісних показників у загальній оцінці фінансового стану фізичної особи має становити не менше ніж 70 %.

Якісні показники включають загальний матеріальний стан клієнта (наявність у власності майна, крім майна, переданого в заставу); соціальну стабільність клієнта (тобто наявність постійної роботи, ділова репутація, сімейний стан тощо); вік клієнта.

Оцінка фінансового стану боржника-фізичної особи, який є суб'єктом господарювання, має здійснюватися банком також з урахуванням аналізу фінансової звітності, що подається ним як

суб'єктом господарювання за встановленими законодавством України формами [6].

На другому етапі здійснюється визначення класу боржника-фізичної особи на підставі результатів оцінки його фінансового стану відповідно до наведених характеристик.

Третій етап передбачає оцінку стану обслуговування боргу боржником - фізичною особою на підставі кількості календарних днів прострочення погашення боргу за станом на перше число місяця, наступного за звітним (табл. 2).

Таблиця 2.

Визначення стану обслуговування боргу боржником - фізичною особою

Кількість календарних днів прострочення	Стан обслуговування боргу
від 0 до 7	“високий”
від 8 до 30	“добрий”
від 31 до 90	“задовільний”
від 91 до 180	“слабкий”
понад 180	“незадовільний”

Четвертий етап передбачає визначення класу боржника відповідно до рівня його фінансового стану та спроможності обслуговувати борг. За результатами цього відбувається присвоєння

категорії якості кредитної заборгованості відповідно до класу позичальника та стану обслуговування боргу [1].

Таблиця 3.

Визначення показника ризику кредиту, наданого боржнику-фізичній особі

Категорія якості кредиту	Значення показника ризику кредиту
I - найвища	0,01 - 0,06
II	0,07 - 0,20
III	0,21 - 0,50
IV	0,51 - 0,99
V - найнижча	1,0

На заключному етапі визначається показник ризику кредиту в межах встановленого для відповідної категорії якості діапазону (табл.3).

Структурування кредиту – це підготовка до укладання кредитної угоди. На цьому етапі банк визначає:

- вид кредиту та строк кредитування;
- суму кредиту, яка відіграє значну роль, оскільки недостатня сума не дасть можливості завершити захід, що кредитується, а надмірна сума може бути не погашена;
- способи видачі та погашення кредиту та процентів за користування ним. Це дає реальну можливість ефективно витратити кошти, а також правильно встановити графік повернення кредиту;
- розмір процентної ставки встановлюється банком залежно від кредитного ризику та факторів, що впливають на плату за ресурси.

Попередній етап кредитування закінчується прийняттям кредитним працівником рішення про можливість надання кредиту і подачею документів до кредитного комітету банку. Рішення Кредитного комітету оформлюється протоколом Кредитного комітету і приймається простою більшістю голосів. Кредитні рішення за споживчими та масовими кредитами можуть прийматись уповноваженими співробітниками кредитних відділів у межах наданих їм лімітів.

На поточному етапі процесу кредитування здійснюється документальне оформлення кредитної угоди та надання кредиту [8].

Кредитні угоди укладаються між кредитором і позичальником тільки в письмовій формі і визначають взаємні зобов'язання та відповідальність сторін і не можуть змінюватися в односторонньому порядку без згоди обох сторін.

Основними умовами кредитного договору є форма кредиту; сума кредиту; строк кредиту; спосіб погашення основної суми та порядок нарахування і сплати процентів; забезпечення кредиту (за виключенням бланкових); ставка за користування кредитними ресурсами; відповідальність за порушення зобов'язань за кредитною угодою; найменування, юридичні адреси сторін, підписи уповноважених посадових осіб банку та позичальника.

На даному етапі також вирішуються питання, пов'язані з забезпеченням по кредиту. Основним є обґрунтований вибір об'єкта забезпечення. Цей вибір повинен обов'язково створювати такі умови, за яких, у разі невиконання позичальником своїх зобов'язань за кредитом, забезпечення дозволило б банку покрити всі збитки, що виникли в наслідок неплатоспроможності позичальника. Після цього складається та підписується відповідний договір.

Банк на основі кредитного договору здійснює процедуру надання кредиту. Конкретний спосіб надання кредиту, а також вид кредитного рахунку визначається особливостями цієї кредитної операції. Процедура надання кредиту повинна бути зручною, оперативною і взаємовигідною для банку і позичальника [4].

Заключним етапом кредитного процесу є кредитний моніторинг, на якому здійснюється контроль за виконанням позичальником умов кредитного договору, цільовим використанням кредитних коштів, своєчасним та повним погашенням кредиту та процентів. При цьому економіст протягом всього строку дії кредитного договору постійно підтримує контакти з позичальником, проводить перевірки його фінансового стану, цільового використання кредитних коштів, стану забезпечення.

Залежно від необхідності здійснюються такі види перевірок: оцінка фінансового стану; перевірка цільового використання кредиту; перевірка стану збереження заставленого майна; комплексна перевірка (включає в себе всі вищевказані види перевірок).

Після проведення перевірок визначається обсяг коштів, необхідних для поповнення резерву (залежно від визначеної групи позичальника), а також оцінка якості кредитного портфеля банку.

Завершенням кредитного процесу є повернення кредиту з процентами та завершення кредитної операції. Погашення заборгованості за кредитом та процентів за його користування здійснюється у черговості, що встановлюється сторонами при укладанні кредитного договору [3].

Погашення кредиту та процентів можливе: позичальником з його поточного рахунку на підставі платіжного доручення; у разі визнання позичальником пред'явленої банком претензії – з поточного рахунку позичальника на підставі платіжної вимоги-доручення, яке виставлене від імені банку; за рахунок реалізації заставного майна; за рахунок іншого майна позичальника, не оформленого як забезпечення; за рахунок резерву

під нестандартну заборгованість банк; за рахунок резервного фонду банку.

Після повного погашення заборгованості за кредитом та процентами та закінчення роботи з позичальником кредитна справа, на підставі проведеного опису, здається в архів банку.

Висновки. Механізм короткострокового банківського кредитування передбачає послідовну реалізацію наступних етапів: попереднього (подача клієнтом кредитної заявки та пакету документів; попередня співбесіда кредитного менеджера з потенційним позичальником; визначення кредитоспроможності позичальника та оцінювання кредитного ризику; структурування кредиту; підготовка кредитного договору; рішення кредитного комітету); поточного (укладання кредитного договору та надання кредиту); підсумкового (моніторинг та контроль виконання умов кредитного договору; виконання зобов'язань за кредитним договором).

Таким чином проводиться робота з клієнтами в банку стосовно кредитування. Весь процес потребує багато часу та уваги працівника відділу, злагодженої взаємодії декількох служб та відділів банку.

Список бібліографічного опису

1. Бондар, О.П.. Кредитування населення на споживчі потреби: автореф. дис. ... канд. економ. наук : спец. 08.04.01-фінанси, грошовий обіг і кредит/ О. П. Бондар; Київський національний економічний університет. - К.: [Б. В.], 2012.

2. Жукова Н.К. Банківський кредит у забезпеченні економічного розвитку держави / Н.К. Жукова // Формування ринкових відносин в Україні.- 2013.- № 1.- С.25-28

3. Інструкція з бухгалтерського обліку кредитних, вкладних (деPOSITних) операцій та формування і використання резервів під кредитні ризики в банках України від 15.09.2004 № 435 [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://zakon.nau.ua/>

4. Мирославський, С. В. Щодо перспектив розширення сфери використання векселів в Україні/ С. В. Мирославський //Правовий вісник Української академії банківської справи. - 2012. - N 1. - С. 114-117.

5. Мирославський, С. В.. Окремі питання авалювання векселів у сучасній банківській практиці в контексті розвитку банківської системи України/ С. В. Мирославський //Проблеми і перспективи розвитку банківської системи України: збірник тез доповідей XIV Всеукраїнської науково-практичної конференції (27-28 жовтня 2011 р.): в 2 т./ голов. ред. А. О. Єпіфанов. - Суми: ДВНЗ "УАБС НБУ", 2011. - Т. 2. - С. 53-55

6. Оцінка кредитоспроможності та інвестиційної привабливості суб'єктів господарювання : монографія / [А.О. Єпіфанов, Н.А. Дехтяр, Т.М. Мельник, І.О. Школьник та ін.] ; за ред. д-ра екон. наук А.О. Єпіфанова. – Суми : УАБС НБУ, 2013. – 286 с.

7. Статистичні випуски [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://www.bank.gov.ua/Statist/index.htm>.

8. Цимбал М.А. Аналіз фінансового стану позичальника як необхідна умова організації банківського кредитування // Вісник Української академії банківської справи.- 2000.- № 1.- С.53-55

9. Щодо організації та функціонування систем ризик-менеджменту в банках України [Електронний ресурс] : методичні рекомендації, схвалені Постановою Правління НБУ від 02 серпня 2004 № 361. – Режим доступу : <http://zakon.nau.ua/doc/?uid>.

References

1. Bondar, O.P. Kredytuvannya nacelennja na spozhyvchi potreby: avtoref. dys. ... kand. ekonom. nauk : спец. 08.04.01-financy, ghroshovyj obigh i kredyt/ O. P. Bondar; Kyjivcjkij nacionalnij ekonomichnyj univercytet. - K.: [B. V.], 2012.

2. Zhukova N.K. Bankivcjkij kredyt u zabezpechenni ekonomichnogho rozvytku derzhavy / N.K. Zhukova // Formuvannya rynkovyx vidnosyn v Ukraini.- 2013.- # 1.- C.25-28

3. Instrukcija z buxghaltercjkogho obliku kredytnyx, vkladnyx (depozytnyx) operacij ta formuvannya i vykoryctannja rezerviv pid kredytni ryzyky v bankax Ukrainy vid 15.09.2004 # 435 [Elektronnyj recurc]. – Rezhym doctupu : <http://zakon.nau.ua/>

4. Myroclavcjkij, C. V. Shhodo perspektyv rozshyrennja cfery vykoryctannja vekceliv v Ukraini/

C. V. Myroclavcjkij //Pravovyj vicnyk Ukraincjkoi akademiji bankivcjkoi cpravu. - 2012. - N 1. - C. 114-117.

5. Myroclavcjkij, C. V.. Okremi pytannja avaljuvannya vekceliv u cuchacnij bankivcjkij praktyci v konteksti rozvytku bankivcjkoi cystemy Ukrainy/ C. V. Myroclavcjkij //Problemy i perspektyvy rozvytku bankivcjkoi cystemy Ukrainy: zbirnyk tez dopovidej XIV Vceukrajincjkoi naukovy-praktychnoji konferenciji (27-28 zhovtnja 2011 r.) : v 2 t./ gholov. red. A. O. Jepifanov. - Cumy: DVNZ "UABC NBU", 2011. - T. 2. - C. 53-55

6. Ocinka kredytopromozhnosti ta investycijnoji pryvablyvosti cub'ektiv ghocpodarjuvannya : monohrafija / [A.O. Jepifanov, N.A. Dextjar, T.M. Meljnyk, I.O. Shkoljnyk ta in.]; za red. d-ra ekon. nauk A.O. Jepifanova. – Cumy : UABC NBU, 2013. – 286 c.

7. Ctatyctychni vypucky [Elektronnyj recurc]. – Rezhym doctupu: <http://www.bank.gov.ua/Statist/index.htm>.

8. Cymbal M.A. Analiz financovogho stanu pozycchaljnyka jak neobxidna umova orghanizaciji bankivcjkogho kredytuvannya // Vicnyk Ukraincjkoi akademiji bankivcjkoi cpravu.- 2000.- # 1.- C.53-55

9. Shhodo orghanizaciji ta funkcionuvannya cystem ryzyk-menedzhmentu v bankax Ukrainy [Elektronnyj recurc] : metodychni rekomendaciji, cxvaleni Poctanovoju Pravlinnja NBU vid 02 cernpja 2004 # 361. – Rezhym doctupu : <http://zakon.nau.ua/doc/?uid>.

Копылюк О.

Doctor of Science in Economics, Professor,

Chair of Department of Financial and Economic Security and Banking Business

Lviv University of Trade and Economics

Muzychka O.

Ph.D. in Economics, Associate Professor

Associate Professor of Department of Financial

and Economic Security and Banking Business

Lviv University of Trade and Economics

Тимчишин Ю.

Ph.D. in Economics, Doctoral, associate Professor

Department of regional economy policy,

Institute of Regional Research named after M.I. Dolishniy of the NAS of Ukraine

CONCEPTUAL FUNDAMENTALS OF INVESTMENT SECURITY OF UKRAINE

Копилюк Оксана Іванівна

д.е.н., професор, завідувач кафедри

фінансово-економічної безпеки та банківського бізнесу

Львівського торговельно-економічного університету

Музичка Олександра Миронівна

к.е.н., доцент, доцент кафедри

фінансово-економічної безпеки та банківського бізнесу

Львівського торговельно-економічного університету

Тимчишин Юлія Василівна

к.е.н., доцент, докторант відділ регіональної економічної політики

ДУ "Інститут регіональних досліджень імені М. І. Долишнього НАН України"

КОНЦЕПТУАЛЬНІ ОСНОВИ ЗАБЕЗПЕЧЕННЯ ІНВЕСТИЦІЙНОЇ БЕЗПЕКИ УКРАЇНИ

Abstract. The article proposes a conceptual model of investment security of Ukraine, which aims to ensure the security of investment and intensification of investment processes to ensure sustainable economic growth, improve living standards and competitiveness of the national economy. Its main elements, which are in a close relationship and dynamic state, are singled out. It is noted that the improvement of investment security at the macro level should be based on strategic guidelines and an effective concept based on modeling. It is emphasized that the developed model of investment security is dynamic, formed taking into account the stimulating and disincentive impact of risks, threats and dangers. Its application is to prove the complexity, polystructural construction of the model, the relationship and interdependence of its elements, which reflect the dynamism and confirm the need to determine indicators to justify the level of investment security and the formation of priority investment goals on a secure basis in the strategic dimension.

Анотація. У статті запропоновано концептуальну модель інвестиційної безпеки України, яка спрямована на забезпечення безпеки інвестиційних вкладень та активізацію інвестиційних процесів для забезпечення сталих темпів економічного зростання, покращення рівня життя населення та конкурентоспроможності національної економіки. Виокремлено її основні елементи, які перебувають у тісному взаємозв'язку та динамічному стані. Відзначено, що удосконалення напрямів забезпечення інвестиційної безпеки на макrorівні повинно ґрунтуватись на стратегічних орієнтирах та дієвій концепції, яка базується на моделюванні. Акцентовано, що розроблена модель інвестиційної безпеки є динамічною, формується з урахуванням стимулюючого та дестимулюючого впливу ризиків, загроз та небезпек. Її прикладне значення полягає у доведенні складності, поліструктурності побудови моделі, взаємозв'язку і взаємозалежності виокремлених її елементів, які відображають динамічність та підтверджують необхідність визначення показників-індикаторів для обґрунтування рівня інвестиційної безпеки і формування пріоритетних цілей інвестування на безпекоорієнтованих засадах у стратегічному вимірі.

Key words: investment security, risks, threats, model, investment attractiveness, activity of investment processes.

Ключові слова: інвестиційна безпека, ризики, загрози, модель, інвестиційна привабливість, активність інвестиційних процесів

Постановка проблеми. В умовах глобальних викликів та загроз реалізації національних інтересів держави провідна роль належить інвестиційній складовій економічної безпеки. Це обумовлено тим, що сучасні процеси економічного розвитку України супроводжуються погіршенням інвестиційного клімату, зниженням інвестиційної привабливості, відтоком іноземних інвестицій, гальмуванням інноваційних процесів та їх деструктивним впливом на глобальну конкурентоспроможність та економічну безпеку національної економіки. В системі базових пріоритетів для інвесторів первинною є безпека їх ресурсів, роль і значення якої постійно посилюється в зв'язку з розширенням пріоритетних сфер інвестування, ускладненням структури економіки та виникненням на цій основі нових загроз економічній безпеці держави. Сучасні умови, які характеризуються інтеграцією у економічній, фінансовій, соціальній та інших сферах життєдіяльності суспільства супроводжуються інвестиційним рухом капіталів і зумовлюють необхідність розробки концептуальних напрямів інвестиційної безпеки на загальнодержавному рівні.

Аналіз останніх досліджень і публікацій. Проблематика забезпечення інвестиційної безпеки на транснаціональному, макро- та мікроекономічному рівнях розкрита у наукових дослідженнях вітчизняних та зарубіжних учених О. Барановського, Т. Бондарук, М. Власова, Р. Волощука, К. Глухова, І. Калашнікова, С. Караніна, В. Кожевнікова, О. Копилук, Р. Любачівської, В. Мартинюка, М. Мороз, О. Музички, Е. Петушенко, Е. Рогатинюка, С. Ткаленко, Е. Сіка та багатьох

інших. Їх дослідження розкривають суть, складові інвестиційної безпеки країни, ризики, загрози, небезпеки, які супроводжують процес інвестування та методичний інструментарій оцінювання її рівня.

Виділення невирішених раніше частин загальної проблеми. Поряд з тим, незважаючи на постійний дослідницький інтерес впродовж тривалого часу до проблем безпекознавства та вагому кількості напрацювань, присвячених аналізу та оцінці складових економічної безпеки країни, існує потреба визначення сучасного стану інвестиційної безпеки, а також існуючих та потенційних загроз і способів їх мінімізації.

Метою статті є розробка концептуальних засад забезпечення інвестиційної безпеки України та розробка рекомендацій щодо підвищення її рівня.

Виклад основного матеріалу. Міністерство розвитку економіки, торгівлі та сільського господарства України представило пріоритетні напрями інвестування під назвою "Економічна Стратегія: зростання через інвестиції", яка є перспективним документом розвитку інвестиційного процесу до 2024р. на загальнодержавному рівні з концентруванням у 3-х напрямках [1]:

1) створення ефективних ринків. Як факторів виробництва (землі, капіталу, праці), так і кінцевої продукції, у тому числі на тих ринках, де сьогодні держава є монополістом. Запропоновано створення конкурентних ринків вітчизняних університетів та медичних закладів, а в перспективі - ринків вантажних і пасажирських залізничних перевезень та енергетики;

2) формування інвестиційних ініціатив. По-перше, мова йде про державні інвестиції в

інфраструктуру. Ефективність вітчизняного бізнесу дуже сильно страждає від “вузьких місць” у транспортній сфері. У цьому напрямку серед пріоритетів – дороги, розширення доступу залізної дороги до портів, електрифікація залізної дороги, розвиток річкового транспорту, зокрема, модернізація Дніпровського каскаду.

Водночас, неможливо побудувати інфраструктуру лише державними коштами. Відтак, напрямком інвестиційних ініціатив – залучення приватних інвесторів у фінансування інфраструктурних об’єктів через механізм державно-приватного партнерства, і зокрема концесій. Уряд уже провів успішні концесійні конкурси у двох чорноморських портах – Ольвії і Херсоні. На черзі – інші порти, пілотні проекти ДПП у аеропортах, дослідження залізничних станцій для старту пілотів по їх концесіям.

Наступний напрямок залучення приватних інвестицій – це приватизація державних підприємств і банків. Вже протягом цього року Уряд планує через Фонд державного майна продати більше 300 об’єктів малої приватизації та 5 великих підприємств. Для останніх інвесторам пропонуються додаткові стимули - “податкові канікули”: звільнення від податку на прибуток на 5 років при інвестиціях від 10 млн дол США. Водночас, інвестор має виконати інвестиційні умови: зберегти профіль підприємств, включених у ланцюги високотехнологічної доданої вартості.

Також для великих інвестиційних проектів (понад 100 млн дол США) Уряд планує запровадити спеціальну програму з координації, супроводу та підтримки інвесторів. У відповідних інвестиційних договорах стратегічних інвесторів з Урядом та місцевими органами влади можуть бути передбачені відповідні інвестиційні стимули, такі як виділення земельних ділянок і забезпечення доступу до інфраструктури, податкові пільги тощо.

Крім того, для забезпечення необхідної інфраструктури і належних умов Уряд докладатиме зусиль для подальшого розвитку індустріальних парків. Наразі маємо 43 парки, з яких 7 було створено за останній рік. Впродовж наступних 5 років плануємо повне облаштування усіх парків (наразі 12) і залучення керуючих компаній і учасників. Амбітна ціль – тільки на основі цих парків залучити 5 млрд дол США інвестицій, що забезпечать створення 50-100 тис робочих місць.

3) стимулювання банківського кредитування та страхування. Зокрема, це й підтримка мікро та малого бізнесу через програму Доступні кредити 5-7-9%, система страхування експортної діяльності і програми запуску іпотечного кредитування.

В сучасних умовах потрібно прискорити створення сприятливого середовища для ведення бізнесу. Ключова увага приділятиметься посиленню верховенства права, зокрема, через налагодження механізмів верифікації через реєстри, створення системи комерційного арбітражу, зміцнення виконавської дисципліни за рішеннями суддів тощо. Також активно

впроваджуються ефективні інструменти системи управління державними фінансами, такі як нова митниця і податкова, фінансовий моніторинг і фінансовий контроль.

Варто відзначити, що у даній Стратегії відсутній напрям забезпечення інвестиційної безпеки як основи залучення фінансових ресурсів, так і джерела розміщення коштів у визначені сфери та проекти розвитку.

Забезпечення інвестиційної безпеки на засадах системного підходу розкрив у своїх публікаціях І. Б. Калашніков, який до елементів інвестиційної системи відніс суб’єктів (інвесторів та підприємців), об’єкти відносин між ними, механізм їх функціонування (ринок інвестиційних ресурсів) і довів, що інвестиційна система є одним із важливих структурних елементів системи відтворення в цілому [2, с. 100].

Вітчизняні учені Ж. В. Дерій та С. І. Ткаленко розробили модель інвестиційної безпеки України і представили її у математичному вигляді через функцію оптимізації на основі показників-індикаторів [3]. Автори вважають, що “модель інвестиційної безпеки країни та основи її формування стратегії розглядається через фактори сприяння та гарантії інвесторам. Такий підхід базується на моніторингу індикаторів інвестиційної безпеки, визначенні її рівня та ідентифікації ризиків і загроз, що забезпечать збільшення надходжень іноземних інвестицій й прийнятний рівень інтегрального показника інвестиційної безпеки [3].

Т. Г. Бондарук та О. С. Бондарук обґрунтували структуру механізму забезпечення інвестиційної безпеки і виділили об’єкт та суб’єкт управління, сукупність економічних інтересів суб’єктів, функції, принципи та методи управління, інструментарій управління (організаційне та кадрове забезпечення, фінансове забезпечення, інформаційно-аналітичне забезпечення); критерії та індикатори оцінки рівня інвестиційної безпеки; техніку і технологію управління [4, с. 86]. Кожна складова механізму впливає на виробничі та організаційно-економічні процеси, а усі складові систематизовані як організаційні, правові, економічні та інституційні із спрямованістю на виявлення і ліквідацію загроз інвестиційної діяльності в країні. Учені обґрунтували, що особливе значення у функціонування механізму інвестиційної безпеки має формування концепції національної безпеки і конкретнішого її прояву – стратегії.

Модель інвестиційної безпеки економіки України в євроінтеграційному векторі розвитку розробили Е. Сіка, С. Ткаленко та Р. Любачівська і представили її як поліструктурну, складну та обумовлену багатофакторністю процесів і взаємозв’язком елементів. Автори виділили такі елементи моделі як рівень безпечності, забезпечення правового регулювання в інвестиційній сфері, сприятливий інвестиційний клімат та інвестиційна інфраструктура, надання

гарантій іноземним інвесторам, визначення пріоритетних галузей інвестування, стимулюючі заходи із залучення іноземних інвестицій, державний моніторинг і регулювання інвестиційного процесу, позитивний імідж держави, активність держави у сфері інвестиційної діяльності щодо залучення іноземних інвестицій [5, с. 106].

Узагальнення напрацювань з теорії та практики побудови моделі інвестиційної безпеки в Україні дозволило представити свій підхід до даної розробки (рис. 1) і виділити її основні елементи, які перебувають у тісному взаємозв'язку та

динамічному стані.

Дана модель відноситься до класу активних систем, які характеризуються дисгармонійним станом. Вона базується на системі показників-індикаторів оцінювання рівня інвестиційної безпеки з позицій здатності до відтворення, джерел інвестування та економічного зростання. На основі індикаторного підходу нами запропоновано визначати рівень інвестиційної безпеки, який може бути високим, середнім та низьким. Стан інвестиційної безпеки формується під впливом ризиків та загроз, які є складовими елементами моделі і справляють вплив на усю систему.

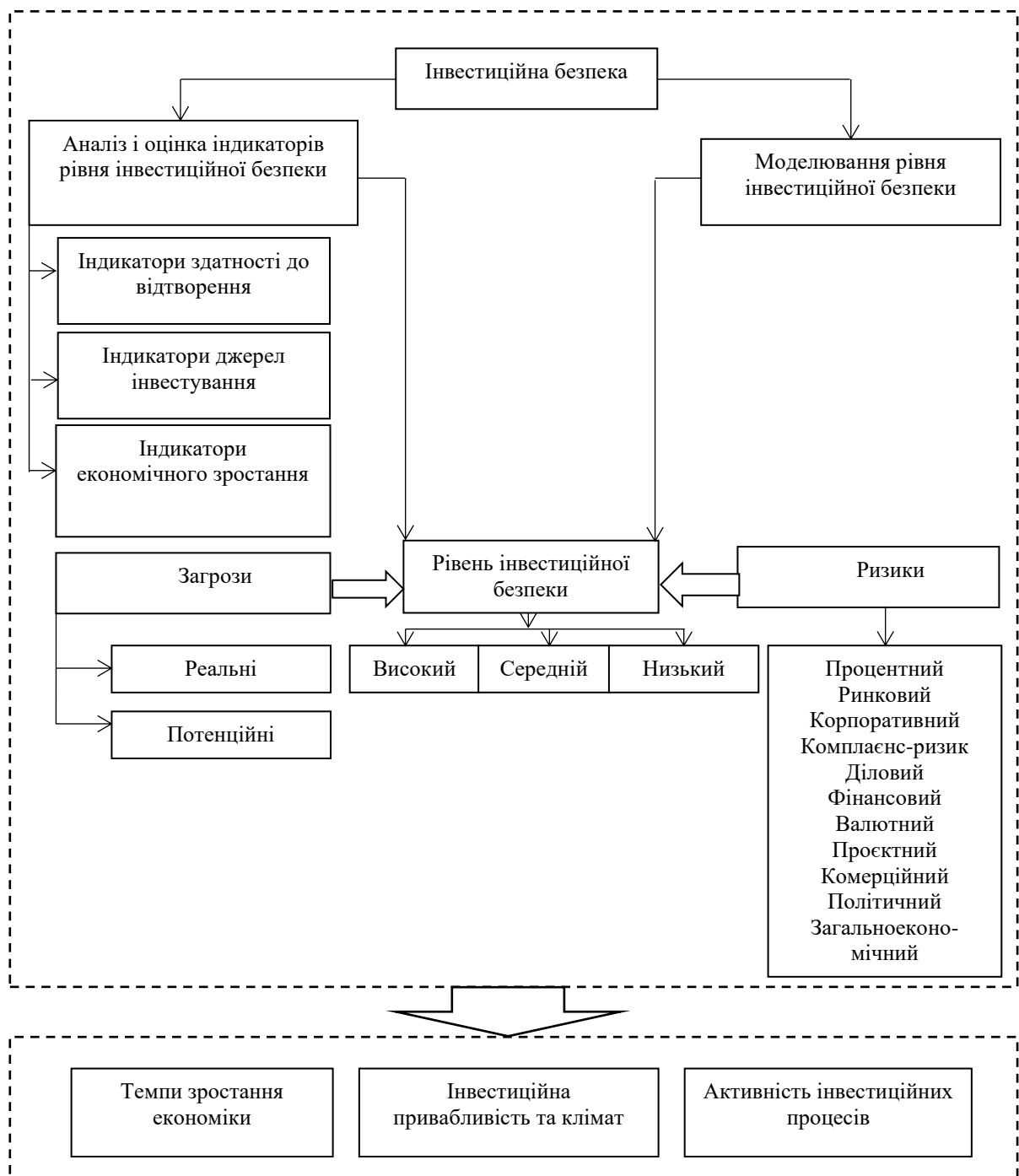

Рис. 1. Концептуальна модель інвестиційної безпеки України

Джерело: розроблено авторами

Підтримуємо твердження, що активність моделі інвестиційної безпеки має прояв у послідовному переході з одного гармонійного стану в інший через певні проміжки часу, які характеризуються дисгармонійним станом [5, с. 106].

Важливими елементами моделі є її функціональна спрямованість на забезпечення стабільних темпів зростання економіки, інвестиційної привабливості та клімату, активності інвестиційних процесів.

Отже, запропонована концептуальна модель інвестиційної безпеки України повинна формувати пріоритетну довгострокову ціль – забезпечення безпеки інвестиційних вкладень та активізацію інвестиційних процесів для забезпечення сталих темпів економічного зростання, покращення рівня життя населення та конкурентоспроможності національної економіки. Дана мета конкретизується в розрізі завдань реалізації завдань інвестиційної безпеки України, а саме: реалізація основних стратегічних напрямів розвитку інвестиційної привабливості на безпекоорієнтованих засадах в умовах мінімізації впливу ризиків та загроз. Важливе місце посідають принципи формування концептуальних засад, суб'єкти та об'єкти, джерела інвестування та формування сталого рівня інвестиційної безпеки у динамічному вимірі.

В умовах децентралізації державного управління вітчизняні учені виокремили ключові засади та принципи активізації інвестиційної діяльності, які полягають у такому:

- послідовність політичного курсу та його відповідність стратегії;
- стратегія розвитку економіки на інноваційно-інвестиційній основі;
- відповідність податкової політики й чинних законодавчих актів цільовій стратегії;
- інвестиційна політика та її відповідність стратегії розвитку економіки територіальної громади [6, с. 145].

На думку М. О. Мороза, принципами формування й функціонування системи забезпечення інвестиційної безпеки держави, поряд з вищезазначеними, мають бути:

- неперервність (постійна увага до її формування й функціонування);
- динамічність (постійний поступальний розвиток – підвищення рівня інвестиційної безпеки);
- адаптивність (оперативне внесення необхідних коректив відповідно до сучасних вимог);
- інноваційність (впровадження новітніх способів і методів забезпечення інвестиційної безпеки);
- урегульованість (необхідність визначення відповідальних за забезпечення інвестиційної безпеки та чітка координація їх дій);
- ієрархічність (визначення і дотримання ієрархії складових системи);

– оберненість зв'язків елементів системи (необхідність досягнення безумовного взаємозв'язку і взаємозумовленості вжитих заходів);

– державно-приватного партнерства (найефективнішою є інтегрована система, що об'єднує різні форми господарювання);

– глокалізація (діалектична взаємодія між створенням стійкої структури, зумовленої глобалізацією, і посиленням специфічності прояву національної інвестиційної сфери та посилення їх взаємного доповнення);

– прогнозованість (передбачуваність майбутніх станів системи) [7, с. 43].

Такі принципи доцільно доповнити принципами ефективності та субсидіарності, які є важливими для формування інвестиційної безпеки.

Важливими вимогами до моделі формування інвестиційної безпеки можуть бути також: її індикативність, тобто базування на визначених та обґрунтованих показниках, оцінювання ризиків та загроз, потенційних реактивних процесів, які мінімізують їх вплив.

Вважаємо, що дана модель може ефективно функціонувати в умовах вдалого поєднання державного регулювання інвестиційних процесів й розвитку державно-приватного партнерства, створення механізмів інтеграції інтересів та засад фінансування пріоритетних, загальнодержавних сфер економіки (будівництво доріг, облаштування кордонів, військово-промислових об'єктів тощо).

Узагальнюючи існуючі напрацювання та розробки вітчизняних та зарубіжних учених вважаємо, що розвиток державного регулювання інвестиційної діяльності повинен охоплювати ряд ключових сфер: 1) нормативно-правове регулювання інвестиційного процесу шляхом удосконалення податкової, митної, грошово-кредитної політики, ліцензування, дотування, субсидювання тощо); 2) формування інвестиційних пріоритетів й стимулювання інвестиційного процесу в чітко регламентовані галузі економіки та сфери діяльності; 3) удосконалення механізму державного інвестування та підтримки розвитку інвестиційних пріоритетів; 4) забезпечення безпеки в інвестуванні прямих та портфельних іноземних інвестицій; 5) інвестування у розвиток транскордонного співробітництва на засадах співфінансування; 6) забезпечення безпеки кордонів та подальше формування цільових інвестиційних вкладень у припинення війни на Сході України.

Отже, удосконалення напрямів забезпечення інвестиційної безпеки на макrorівні повинно базуватися на стратегічних орієнтирах та дієвій концепції, яка ґрунтується на моделюванні. Розроблена модель інвестиційної безпеки є динамічною, формується з урахуванням стимулюючого та дестимулюючого впливу ризиків, загроз та небезпек. Її прикладне значення полягає у доведенні складності, поліструктурності побудови моделі, взаємозв'язку і взаємозалежності

виокремлених її елементів, які відображають динамічність та підтверджують необхідність визначення показників-індикаторів для обґрунтування рівня інвестиційної безпеки, формування пріоритетних цілей інвестування на безпекоорієнтованих засадах у стратегічному вимірі.

Висновки і пропозиції. Запропонована концепція побудови моделі інвестиційної безпеки в Україні з виокремленням її основних елементів, які перебувають у тісному взаємозв'язку та динамічному стані, а сама модель віднесена до класу активних систем, які характеризуються дисгармонійним станом. Концептуальна модель інвестиційної безпеки України повинна формувати пріоритетну довгострокову ціль – забезпечення безпеки інвестиційних вкладень та активізацію інвестиційних процесів для забезпечення сталих темпів економічного зростання, покращення рівня життя населення та конкурентоспроможності національної економіки. Дана мета конкретизується в розрізі завдань реалізації завдань інвестиційної безпеки України, а саме: реалізація основних стратегічних напрямів розвитку інвестиційної привабливості на безпекоорієнтованих засадах в умовах мінімізації впливу ризиків та загроз. Важливе місце посідають принципи формування концептуальних засад, суб'єкти та об'єкти, джерела інвестування та формування сталого рівня інвестиційної безпеки у динамічному вимірі.

УДК 339.56
ГРНТИ 06.51.65

Список літератури:

1. ВВП +40% та 50 млрд. дол. США ПП до 2024 року: презентована стратегія економічного зростання. Міністерство розвитку економіки, торгівлі та сільського господарства України. Сайт. URL: me.gov.ua > News > Detail.
2. Калашников И. Б. Обеспечение инвестиционной безопасности – важнейшая функция государства. Информационная безопасность регионов. 2015. №4(21). С. 99-106.
3. Дерій Ж. В., Ткаленко С. І. Модель інвестиційної безпеки України в умовах євроінтеграції. Фінансові дослідження. 2018. № 2(5).
4. Бондарук Т. Г., Бондарук О. С. Інвестиційна безпека держави: стратегічні цілі та механізм забезпечення. Статистика України. 2019. С. 83–91.
5. Сіка Е., Ткаленко С., Любачівська Р. Модель інвестиційної безпеки економіки України в євроінтеграційному векторі розвитку. Міжнародна економічна політика. 2019. № 2(31). С. 101-119.
6. Сاینчук Н. В., Гаврилюк О. В., Голик І. І. Механізм державного регулювання залучення іноземних інвестицій в економіку України. Науковий вісник Ужгородського національного університету. 2020. Вип. 30. С. 144–149.
7. Мороз М. О. Методологічні засади формування системи забезпечення інвестиційної безпеки держави. Фінансовий простір. 2017. № 2 (26). С.40-49.

Pobirchenko Viktoriya. V.

PhD in Geography,

*Associate Professor of the Department of World Economy,
V.I. Vernadsky Crimean Federal University*

Shutaieva Elena. A.

PhD in Economics,

*Associate Professor of the Department of World Economy
V.I. Vernadsky Crimean Federal University*

FOREIGN TRADE OF RUSSIAN HIGH-TECH PRODUCTS: CURRENT STATE AND DYNAMICS OF MAIN INDICATORS

Побирченко Виктория Викторовна

*кандидат географических наук, доцент кафедры мировой экономики
Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского*

Шутаева Елена Алексеевна

*кандидат экономических наук, доцент кафедры мировой экономики
Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского*

ВНЕШНЯЯ ТОРГОВЛЯ РОССИИ ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНОЙ ПРОДУКЦИЕЙ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ДИНАМИКА ОСНОВНЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ

Summary. The paper examines the participation of Russia in the system of world economic relations based on the analysis of the main indicators of the development of foreign trade in high-tech products. The analysis revealed the features of the dynamics of Russian exports and imports of high-tech products.

Анотація. В роботі досліджується участь Росії в системі міжнародних зв'язків на основі аналізу основних показників розвитку зовнішньої торгівлі високотехнологічною продукцією.

Проведенный анализ позволил выявить особенности динамики российского экспорта и импорта высокотехнологичной продукцией.

Key words: foreign trade, high-tech products, knowledge-intensive industries, social and economic development.

Ключевые слова: внешняя торговля, высокотехнологичная продукция, наукоёмкие отрасли, социально-экономическое развитие.

Постановка проблемы. В начале XXI века глобальное соревнование между государствами-лидерами идет, прежде всего, в сфере высоких технологий. Россия в настоящее время заметно отстает от стран-лидеров в сфере экспорта высокотехнологической продукции. Применяемые в народном хозяйстве технологии скорее соответствуют индустриальной фазе развития, а экономика пока не достигла постиндустриального уровня.

События последних лет еще раз наглядно подтвердили уязвимость сырьевой ориентации национальной экономики, ее зависимость от внешних рисков. Падение в три раза мировых цен на нефть в 2014 г. вновь заставило вспомнить о «ресурсном проклятии», и в который раз с высоких трибун зазвучали призывы к переменам и переходу на модернизационный путь развития.

Наукоёмкие отрасли в настоящее время играют авангардную роль в развитии экономики и социальной сферы. В них материализуется основная часть результатов научных исследований и опытно-конструкторских разработок (НИОКР), они определяют спрос на научные исследования (а, следовательно, способствуют развитию науки), и именно они создают базу предложения материально-вещественных и информационных новшеств для других отраслей хозяйства. Размеры наукоёмкого сектора и масштабы использования высоких технологий характеризуют научно-технический и экономический потенциал стран мира. Безусловно, России жизненно необходим рост производства и экспорта именно инновационной, высокотехнологичной продукции.

Мировой рынок высокотехнологичной продукции, а также роль отдельных государств на нем, характеризуются показателем научно-технологической активности страны, а также долей этих стран в мировом производстве с применением высоких технологий. К отраслям высоких технологий относятся наукоёмкие отрасли экономики. В каждой отдельной стране уровень развития высокотехнологичного сектора определяется объемом экспорта высокотехнологичной продукции. В течение двух последних десятилетий сфера производства высокотехнологичной продукции является одним

из наиболее динамично развивающихся секторов мировой экономики.

Анализ последних исследований и публикаций. Основные направления, тенденции и перспективы развития мирового рынка высокотехнологичной продукции, вопросы внешней торговли России продукцией наукоёмких отраслей рассматриваются многими российскими авторами: Коночкина Т. В. [1], Коротков И. Г. [2], Кузнецова Г. В. [3], Макаров А.И. и Пахомов А.А. [6], Половченко М. А. [7], Сырцова О. Н. [10], Теслюк Л.М. [13], Якушев Н.О. [15] и др.

Выделение нерешенных ранее частей общей проблемы. Несмотря на наличие значительного количества исследований, посвящённых различным аспектам инновационного обновления российской экономики, вопросам позиционирования России на мировых и региональных рынках инновационных товаров, интеллектуальных услуг, технологий, существует необходимость более детального и всестороннего изучения основных показателей динамики и структуры внешней торговли России, в том числе внешней торговли высокотехнологичной продукцией, выявления возможных направлений дальнейшего развития и расширения внешней торговли России с учётом инновационного обновления российской экономики и современных трендов мирохозяйственного развития.

Цель статьи – статистический анализ состояния и динамики внешней торговли России высокотехнологичной продукцией, определение дальнейших перспектив ее развития.

Изложение основного материала. Важным показателем динамики развития производства высокотехнологичной продукции в России является доля высокотехнологичных и наукоёмких отраслей экономики в ВВП. Доля продукции высокотехнологичных и наукоёмких отраслей в ВВП составляет в среднем около 21%, такой показатель говорит о значимости производства высокотехнологичной продукции для экономики России. За последние 9 лет доля продукции высокотехнологичных и наукоёмких отраслей в ВВП выросла на 2%, составив в 2019 г. 21,6%. (см. рис. 1).

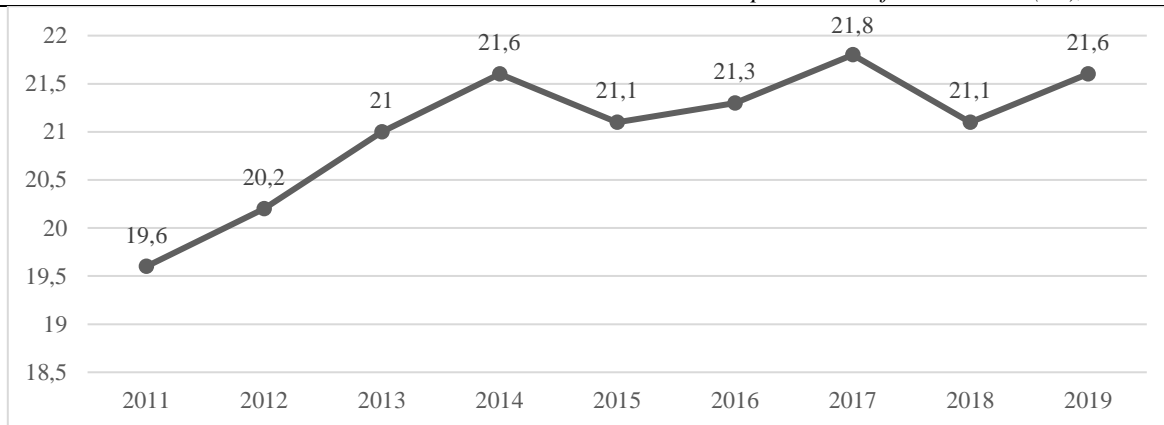

Рисунок 1 – Доля продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей в ВВП, 2011-2019 гг., %
Составлено авторами на основе [12]

В динамике наблюдается стремительный рост показателя к 2014 г. и резкое снижение его в 2015 г. и в 2018 г., такое снижение объясняется введением санкций против РФ и обострением экономических и валютных кризисов в стране, которые повлияли на экономическое развитие страны и возможность инвестирования государственного сектора в производство высокотехнологичной продукции.

Необходимо отметить, что статистические данные по экспорту и импорту высокотехнологичной продукции, предоставляемые государственным комитетом статистики, на основе которых строится исследование, в разные периоды имели различную методику расчета. Так в период с 2010-2014 г.г. перечень высокотехнологических товаров определялся в соответствии с международными рекомендациями ОЭСР [14].

В исследуемый период, с 2015-2018 г.г. перечень высокотехнологичных товаров,

определялся в соответствии с приказами Минпромторга «Об утверждении перечня высокотехнологичной продукции с учетом приоритетных направлений модернизации российской экономики» [8], в частности, в соответствии с приказом Минпромторга России от 23.06.2017 № 1993.

По этой причине, для корректного и при этом более полного изучения динамики внешней торговли России, нами была составлена Таблица 1, отображающая динамику экспорта и импорта РФ высокотехнологичной продукции в 2010-2014 г.г., основанная на перечне высокотехнологических товаров определенных в соответствии с международными рекомендациями ОЭСР. И также таблица 2, отображающая тот же показатель во временном диапазоне 2015-2018 г.г., базирующаяся на перечне высокотехнологических товаров определенном в соответствии с приказом Минпромторга России от 23.06.2017 № 1993 (то есть данная таблица является более актуальной).

Таблица 1

**Экспорт и импорт Российской Федерации высокотехнологической продукции
2010-2014 г.г., млн. долл. США**

	Экспорт					Импорт				
	2010	2011	2012	2013	2014	2010	2011	2012	2013	2014
Высокотехнологичная продукция - всего	13770	17164	16003	18624	19059	28639	38289	40309	39109	41191
из нее:										
товары авиакосмической промышленности	6079	7233	5981	7645	5927	4319	6589	5620	6631	8390
компьютерно-офисная техника	118	253	267	356	1773	6024	6572	7107	6071	6536
электроника и телекоммуникационное оборудование	854	1208	1094	1208	1600	10098	12552	12935	12326	13132
фармацевтическая	115	171	215	231	266	1616	3982	4222	4455	4238
прочие товары	6603	8299	8448	9185	8526	6581	8594	10424	9626	4597

Источник: составлено авторами на основе [14].

Именно по этой причине полноценное исследование динамики экспорта и импорта РФ за временной промежуток более 4-х лет невозможно. В различное время были использованы различные

подходы к определению высокотехнологичной продукции и, следовательно, перечню товарных групп, относящихся к данной категории. Данные в таблице 1 в целом свидетельствуют о

положительной динамике экспорта Россией высокотехнологичной продукции в 2010-2014 г.г.

В то же время, зависимость России от импорта данной продукции не уменьшалась, в указанный период объемы импорта также увеличивались. Это отображает коэффициент покрытия экспорта импортом, который в 2010 г. составлял 0,48, а к 2014 г. достигает значения 0,46. И сальдо внешнеторгового баланса, которое принимает отрицательные значения на протяжении всего исследуемого периода и неуклонно возрастает: -14869 млн. долл. США в 2010 г., и уже -22132 млн. долл. США в 2014 г.

В среднем за 2010-2014 г.г. большую часть в экспорте высокотехнологической продукции занимают товары авиакосмической промышленности (5927 млн. долл. США в 2014 г.) и прочие товары (8526 млн. долл. США в 2014 г.). В импорте высокотехнологичной продукции в среднем за три года преобладает электроника и телекоммуникационное оборудование (13132 млн. долл. США в 2014 г.).

Рынок высокотехнологичной продукции в РФ развит недостаточно для повышения

конкурентоспособности страны на внутреннем и международном рынках. В настоящее время Россия практически отсутствует на мировых рынках высокотехнологичной продукции, ее доля на них оценивается в 0,4% (10,18 млрд. долл. США). В рейтинге стран-экспортеров высокотехнологической продукции в 2016-2018 гг. Россия занимала 28 место [5, с. 96].

Сохранение конкурентных позиций России на мировых рынках высокотехнологичной продукции возможно достичь за счет увеличения уровня удельного веса в общемировом экспорте данных товаров, а также поиска новых стратегических партнеров. По оценкам экспертов, «для расширения доли на мировом рынке высоких технологий российский экспорт этой продукции должен расти на 15—20% в год и выйти на рубеж 2020 г. на уровень не ниже 60-100 млрд. долл. США» [4, с. 243].

Наиболее актуальные данные о состоянии внешней торговли России высокотехнологичной продукцией, согласно данным государственной службе статистики, представлены в таблице 2.

Таблица 2

Экспорт и импорт России высокотехнологичной продукции, 2015-2018 г.г., млн. долл. США

	Экспорт				Импорт			
	2015	2016	2017	2018	2015	2016	2017	2018
Высокотехнологичная продукция – всего	37793	35994	44503	49273	118080	122204	155584	160253
в процентах к соответствующему периоду предыдущего года	87,6	95,2	123,6	110,7	61,8	103,5	127,3	103,0
Доля высокотехнологичной продукции в общем объеме	11,0	12,6	12,5	11,0	64,6	67,0	68,3	67,2

Источник: составлено авторами на основе [7]

Внешнеторговый оборот России высокотехнологичной продукции за анализируемый период имеет тенденцию роста, при этом отмечается устойчивость отрицательного сальдо торгового баланса. Таким образом, Россия по-прежнему остается нетто-импортером в секторе высокотехнологичной продукции.

В 2016 г. доля высокотехнологичной продукции в общем объеме товарного экспорта России оставалась относительно низкой и составляла, как видно из таблицы 2, 12,6%. В качестве положительной тенденции следует отметить увеличение данного показателя на 1,6%, по сравнению с предыдущим. Тем не менее, в стоимостном выражении произошло сокращение экспорта на 4%, что может быть связано, в первую очередь, с санкциями западных партнеров России в сфере внешней торговли. При этом совокупный товарный экспорт страны уменьшился на 49,9% [11]. Таким образом, высокотехнологичный сектор экономики является менее уязвимым к внешнему

воздействию отрицательных факторов. Тем не менее, в 2017 г. произошел резкий скачок экспорта России, на 123,6%, в сравнении с предыдущим 2016 г. В стоимостном выражении произошел рост экспорта на 8 509 млн. долл. США. В 2018 г. темпы роста замедлились, однако продемонстрировали рост 110,7%. При этом доля высокотехнологичной продукции в общем объеме экспорта снизилась с 12,5% в 2017 г. к 11% в 2018 г. Данный показатель практически в 4 раза меньше оптимального значения [6]. В целом показатель доли высокотехнологичной продукции в товарном экспорте России ниже среднемирового значения в 1,5 раза, которое составляло в 2017 г. 20,9% [2].

В то же время объемы импорта Российской Федерацией высокотехнологичной продукции продолжают неуклонно расти, что является негативной тенденцией. Нами были рассчитаны основные показатели динамики экспорта России высокотехнологичной продукции в 2015-2018 гг. (см. табл. 3).

**Показатели динамики экспорта России высокотехнологичной продукции,
2015-2018 гг., млн. долл. США**

Год	млн долл. США	Абсолютный прирост, млн. долл. США		Темп роста, %		Темп прироста, %		Абсолютное значение 1% прироста (А)
		Цепной метод	Базисный метод	Цепной метод	Базисный метод	Цепной метод	Базисный метод	
2015	37793,0	-	-	-	-	-	-	-
2016	35994,0	-1799,0	-1799,0	95,2	95,2	-4,8	-4,8	377,9
2017	44503,0	8509,0	6710,0	123,6	117,8	23,6	17,8	359,9
2018	49273,0	4770,0	11480,0	110,7	130,4	10,7	30,4	445,0

Источник: рассчитано и составлено авторами на основе [9]

Согласно данным таблицы 3, в 2016 г. российский высокотехнологичный экспорт показывал отрицательную динамику роста: в абсолютных показателях произошло сокращение на 1799 млн. долл. США или на 4,8%. В то же время с 2017 года происходит значительный скачок прироста экспорта высокотехнологичной продукции на 23,6%. В абсолютных значениях произошел прирост на 8509 млн. долл. США. Далее темпы роста замедляются, однако сохраняют

положительную динамику: в 2018 г. Россия экспортировала на 4770 млн. долл. США или на 10,7% больше, чем за аналогичный период предыдущего года. В период 2015-2018 г.г. объем экспорта ежегодно увеличивался в среднем на 956,7 млн. долл. США

Импорт высокотехнологичной продукции России демонстрирует стабильный ежегодный рост (см. табл. 4).

Таблица 4

**Показатели динамики импорта России высокотехнологичной продукции в
2015-2018 г.г., млн. долл. США**

Год	млн долл. США	Абсолютный прирост, млн. долл. США		Темп роста, %		Темп прироста, %		Абсолютное значение 1% прироста (А)
		Цепной метод	Базисный метод	Цепной метод	Базисный метод	Цепной метод	Базисный метод	
2015	118080	-	-	-	-	-	-	-
2016	122204	4124,0	4124,0	103,5	103,5	3,5	3,5	1180,8
2017	155584	33380,0	37504,0	127,3	131,8	27,3	31,8	1222,0
2018	160253	4669,0	42173,0	103,0	135,7	3,0	35,7	1555,8

Источник: рассчитано и составлено авторами на основе [9].

В 2016 г. темпы роста данного показателя достигают 103,5%. Прирост в абсолютных показателях составил 4124 млн. долл. США. Наибольший скачок в динамике импорта произошел в 2017 г., на 3380 млн. долл. США в абсолютных значениях, цепным методом, или на 127,3%. В следующем 2018 г. темпы роста импорта замедляются, но, все же, остаются выше значений 2016 г. В целом за исследуемый период произошло увеличение импорта Россией высокотехнологичной продукцией на 42173 млн. долл. США, рассчитанное базисным методом.

Выводы и предложения. В настоящее время наблюдается сильная зависимость России от высокотехнологичной продукции, производящейся за рубежом. Наиболее отрицательным явлением выступает тенденция к увеличению объемов импорта. Так, средние темпы роста импорта высокотехнологичной продукции в России превышают средние темпы роста экспорта, 113,1% и 110,8%, соответственно. В 2018 г. темп роста

экспорта составлял 110,7% цепным методом и 130,4% базисным методом. В то же время темп роста импорта в 2018 г. составлял 103,0% цепным методом и 135,7% базисным методом. Это говорит о том, что зависимость России от импорта увеличивается, и это не покрывается за счет увеличения объемов экспорта. России обладает необходимым потенциалом для достижения лидерских позиций на мировом рынке высокотехнологичной продукции, однако нуждается в инвестициях и совершенствовании нормативно-правовой базы, регулирующей данную отрасль.

Увеличение затрат на НИОКР является жизненно необходимым для России, позволит оставаться конкурентоспособной на мировом рынке высокотехнологичной продукции, уменьшить внутреннюю зависимость от импорта, обеспечит наращивание собственного экспорта.

Переход высокотехнологичных отраслей и производств в «авангард» мировой экономики

становится одним из глобальных трендов, оказывающих непосредственное воздействие на развитие российской национальной инновационной системы. Кроме того, в условиях глобальной конкуренции текущего столетия достигнуть уровня высокоразвитых стран по таким критериям, как благосостояние и эффективность, не реализуя инновационные проекты по созданию высокотехнологичных производств, отвечающих современным требованиям по экологическим, техническим и социально-экономическим параметрам, не представляется возможным.

Список литературы:

1. Коночкина Т.В. Формирование производственной программы выпуска высокотехнологичной продукции. Автореф. дис. канд. экон. наук: 08.00.05. Челябинск: ЮжноУральский государственный университет. 2009. 26 с.
2. Коротков И.Г., Зубенко В.А. Россия на рынке высокотехнологичных и интеллектуальных услуг // Мир новой экономики. - 2017. - №3. - С. 14-23.
3. Кузнецова Г.В. Современное положение России на мировом рынке НИОКР // Российский внешнеэкономический вестник. - 2017. - №2. - С. 15-23.
4. Острякова А.Ф. Инновации как фактор устойчивого развития и экономической безопасности страны // Бизнес в законе. - 2015. - № 1. - С. 242 - 245.
5. Побирченко В.В. Мировой рынок высокотехнологичной продукции: общая характеристика, тенденции трансформации // Актуальные проблемы и перспективы развития экономики: тр. XIX Всероссийской с международным участием науч.-практ. конф. (Симферополь-Гурзуф, 15-17 октября, 2020 г.). – Симферополь: ИП Зуева Т.В., 2020. - С. 94-99.
6. Поддержка экспорта высокотехнологичной продукции и развитие инновационного сектора России / А.И. Макаров, А.А. Пахомов, О.В. Бирюкова — М. : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2014 - 214 с. — (Инновационная экономика: регулирование).
7. Половченко М.А. Позиции России на мировом рынке высокотехнологичных товаров // Вестник академии знаний. - 2018. - №4. - С. 355-360.
8. Приказ Министерства промышленности и торговли РФ от 23.06.2017 № 1993 “Об утверждении Перечня высокотехнологичной продукции с учетом приоритетных направлений модернизации российской экономики” // Российская газета.
9. Росстат Экспорт и импорт Российской Федерации высокотехнологичной продукции // Российский статистический ежегодник. М., 2019 – 708 с.
10. Сырцова О.Н. Причины, тенденции и проблемы реализации международных высокотехнологичных проектов // Экономика в промышленности. - 2017. - №3. - С. 283-291.
11. Спартак А.Н., Лихачев А.Е. Экспортный потенциал России в инновационных сегментах мирового рынка // Российский внешнеэкономический вестник. - 2017. - №10. - С. 3-23.
12. Статистические сборники ВШЭ: Индикаторы науки: 2019 // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» URL: <https://www.hse.ru/data/2019/05/07/1502498137/in2019.pdf>
13. Теслюк Л.М., Дукмасова Н.В., Пластинина Ю.В., Шамсудинов М.Е. Инновационное развитие экономики России в показателях товарного экспорта страны // Экономические отношения. – 2019. – Том 9. – № 4. – С. 2773-2792. doi: 10.18334/eo.9.4.41180
14. Экспорт и импорт Российской Федерации высокотехнологической продукции [Электронный ресурс] // gks.ru: сайт. – Режим доступа : https://www.gks.ru/bgd/regl/b14_13/IssWWW.exe/Stg/d04/26-17.htm
15. Якушев Н.О. Высокотехнологичный экспорт России и его территориальная специфика // Проблемы развития территорий. - 2017. - №3. - С. 62-77.

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Bogatyrov A.I.

*doctor of Law, associate professor of
the Department of state and law theory
Lviv University of trade and economics*

ORCID ID: <https://orcid.org/00000003-2707-8978>

Mykhailyk O.H.

*doctor of law, professor of
the Department of law enforcement and anti-corruption activities
Private Joint-Stock Company*

«Higher education institution «Interregional Academy of Personnel Management»

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0644-1494>

WORLD PRACTICE OF APPLYING PUNISHMENT IN THE FORM OF LIFE IMPRISONMENT

Богатирьов Андрій Іванович,

доктор юридичних наук,

доцент кафедри теорії держави та права

Львівського торговельно-економічного університету

ORCID ID: <https://orcid.org/00000003-2707-8978>

Михайлик Олександр Григорович

доктор юридичних наук,

професор кафедри правоохоронної та антикорупційної діяльності

ПрАТ «Вищий навчальний заклад

«Міжрегіональна Академія управління персоналом»

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0644-1494>

СВІТОВА ПРАКТИКА ЗАСТОСУВАННЯ ПОКАРАННЯ У ВИДІ ДОВІЧНОГО ПОЗБАВЛЕННЯ ВОЛІ

Summary. The content of the punishment in the form of life imprisonment was explored in the article. International normative legal acts and agreements regulating the procedure and conditions for fulfilling and serving the punishment in the form of life imprisonment, defining the rights and freedoms of persons convicted to this type of punishment and so on were described. The practice of decision-making by the European Court of human rights regarding convicted persons to life imprisonment in some European countries was analyzed in the article.

Анотація. У статті розкрито зміст покарання у виді довічного позбавлення волі. Досліджено міжнародні нормативно-правові акти та договори, що регулюють порядок та умов виконання та відбування покарання у виді довічного позбавлення волі, визначають права та свобод осіб, засуджених до такого виду покарання тощо. Проаналізовано практику прийняття рішень Європейським судом з прав людини стосовно засуджених до довічного позбавлення волі низки європейських країни.

Key words: life imprisonment, punishment, international, normative legal act, decision, European Court of human rights.

Ключові слова: довічне позбавлення волі, покарання, міжнародний, нормативно-правовий акт, рішення, Європейський суд з прав людини.

Problem statement. After the adoption of independence, Ukraine chose the European path of development, which provided for the humanization of many regulatory legal acts. The criminal and penal enforcement legislation of Ukraine was no exception. In 1999, the Constitutional Court of Ukraine recognized the death penalty as capital punishment as non-constitutional. In 2001, the new Criminal Code of Ukraine established life imprisonment as the highest penalty.

Analysis of recent research and publications. As an independent subject of consideration by scientists, the study of life imprisonment is sometimes highlighted in scientific works. Most often, this type of

punishment is considered together with imprisonment for a certain period of time and it is within the framework of criminal executive developments, and not criminal law Research. M.I. Bazhanov, I. G. Bogatyrev, S. Ya. Burda, A.M. Deinega, O. M. Juzha, V.V.Stashis, V. Ya. Tatsiy, P. S. Matyshevsky, M. I. Melnik, L. O. Mostepanyuk, B. A. Kiris, A. X. Stepanyuk, V. M. Trubnikov, M. I. Khavronyuk, O.V.Khoroshun, V. O. Chovgan, I. S. Yakovets and others were engaged in the study of this type of punishment in their scientific research. At the same time, Ukrainian scientists did not study the international experience of applying punishment in the

form of imprisonment, which was decisive when choosing the research topic.

The purpose of the article is to study international normative legal acts and agreements regulating the procedure and conditions for the execution and serving of punishment in the form of life imprisonment, determine the rights and freedoms of persons convicted to this type of punishment and analyze the practice of decision-making by the European Court of human rights in relation to convicted persons to life imprisonment in a number of European countries.

Research result. Life imprisonment as a type of criminal punishment is quite new for Ukraine, for further legislative development and expansion of the trend in the practice of its application, it is necessary to take into account the experience of foreign countries. In connection with the abolition of the death penalty, a more humane institution of life imprisonment was introduced in some states as an alternative. One of the fundamental acts which served as the basis for the introduction of this institution into the national legislation of many states was international acts of the United Nations (hereinafter referred to as the UN), the study of which gives an idea not only of global trends, but also of certain aspects of its application.

To protect the rights and freedoms of convicted persons, in 1955 the UN General Assembly adopted the minimum standard rules for the treatment of prisoners, which formulated general principles for the execution of punishment in the form of imprisonment [1]. In particular, they contain provisions that life prisoners must have the same set of rights as all convicted persons to imprisonment. Problems arising in the execution and serving of life imprisonment at the international level were first discussed by the VI UN Congress on crime prevention and treatment of offenders. The issue of the possibility of conditional early release of convicted persons to life imprisonment was discussed at the VIII UN Congress on crime prevention and treatment of offenders.

Unfortunately, today in Ukraine there is no other way for life prisoners to be released, except for act of pardon. Such process is difficult to perceive by society, and therefore, in addition to creating a mechanism for early release of life prisoners, it is worth conducting significant educational work, referring to the experience of other countries [2, p. 178].

The main international documents defining the rules for the treatment of prisoners convicted to life imprisonment are Resolution (76) 2 «On the treatment of prisoners serving long sentences» (1976); recommendation K (82) 17 «On the detention and treatment of dangerous prisoners» (1982); UN recommendations «On life imprisonment» (1995); recommendation N Rec (2003) 23 of the committee of Ministers of the Council of Europe to member states «On the implementation of the execution of the punishment of life imprisonment and other long terms of imprisonment by administrations of places of deprivation of liberty» and so on. The main idea of these documents is to treat a person convicted to life

imprisonment as a person, respecting his human dignity and to meet his needs for communication and socially useful contacts with the outside world.

UN Commission Resolution №1992/22 pointed out the ambiguity of the interpretation of the term «life imprisonment» in different UN member states. Thus, in some countries, it is possible to release a convicted person after the expiration of a certain period of imprisonment, in others one, a convicted person to the type of punishment under consideration cannot be released early, that is, an absolute type of life imprisonment is established. Considerable attention is paid to the condition of life convicted persons, their preparation for the procedure of liberation, return to society, conditions of serving their punishment and the interests of the victim when deciding on the conditional early release of convicted persons to life imprisonment. At the international level, conditions for the imposition of life imprisonment are established: persons over the age of 18 who have committed the most serious crimes, and if this is extremely necessary for the protection of society in countries where the death penalty has been abolished. This recommendation also contains an indication that the national authorities ensure that the possibility of conditional early release is available in their legislation [3, p. 37].

Article 9 of the Constitution of Ukraine establishes that existing international agreements, which are implemented by the Verkhovna Rada of Ukraine, are part of the national legislation of Ukraine and signing of international agreements which contradict the Constitution of Ukraine is possible only after making appropriate amendments to the Constitution of Ukraine [4]. Part 2 of art. 19 of The law of Ukraine «On international agreements of Ukraine» defines if an international agreement of Ukraine which has entered into force in accordance with the established procedure establishes other rules than those one provided for in the relevant act of legislation of Ukraine, then the rules of the international agreement are applied [5]. So all international agreements, rules, regulating the conditions and procedure for the execution and serving a punishment in the form of life imprisonment, ratified by the Verkhovna Rada of Ukraine, are part of the national legislation and are mandatory on the territory of Ukraine.

European convention for the protection of human rights and fundamental freedoms (hereinafter referred to as «the Convention») is the fundamental basis of the entire complex of international legal regulation in the field of human rights and freedoms, their legitimate interests and needs. The rights and freedoms provided for in the Convention cover the most important aspects of a person's life and have a civil, political, economic and social orientation. The main ones are the right to life, freedom, personal inviolability of the individual, free movement, freedom of thought, conscience, religion, expression of views, peaceful assembly and association, the right to start a family, respect for personal and family life, the right to a fair trial, the peaceful possession of property, the Prohibition of

discrimination, torture, slavery and forced labor and the inadmissibility of punishment without the law.

In addition to the Convention, Protocol № 6 was adopted prohibiting the use of the death penalty [6], obliging the member states of this Convention to abolish the death penalty in their legislation. Currently, the criminal legislation of 12 of the 47 member states of the Council of Europe provides for the death penalty, but it does not apply, life imprisonment as a pardon is imposed instead it or as an independent exceptional measure of punishment.

Due to Ukraine's accession to the Council of Europe, the jurisdiction of the European Court of human rights (hereinafter referred to as the ECHR) and its case law began to extend to its territory. Thus, the extension of the jurisdiction of the ECHR to the territory of Ukraine also made it possible to check national legislation and law enforcement practice for compliance with European principles of ensuring human rights and freedoms and their protection.

The legal positions of the ECHR have significant importance and significant relevance, as in some of them, constitutionally significant provisions were reflected, as a result of which changes were made to the legislation of Ukraine.

As an example, the case «Bigun v. Ukraine» (application №c30315/10) of 21 March 2019, in which the applicant repeatedly asked the colony administration to grant them permission for long-term visits with relatives, in particular, in 2006. Their petitions were dismissed on the grounds that Article 151 of the Criminal Executive Code of Ukraine did not provide for long visits for convicted persons to life imprisonment[7]. The ECHR ruled on the violation of art. 8 of the Convention, namely the right to respect for private and family life, because public authorities cannot interfere with the exercise of this right, except in cases where the interference is carried out in accordance with the law and is necessary in a democratic society in the interests of national and public security or the economic well-being of the country, for the Prevention of disorder or crime, for the protection of health or morals, or for the protection of the rights and freedoms of others[8]. Subsequently, in 2014, the legislator amended art. 151 Criminal Executive Code of Ukraine, allowing once a month a short-term meeting and once every three months a long-term meeting with close relatives (spouses, parents, children, adoptive parents, adopted children, siblings, grandparents, grandchildren) [9].

However, the ECHR, in its decision of June 30, 2015 in the case of «Khogoshenko v. Russia» (complaint №41418/04), explained in detail in which cases there is a violation of Article 8 of the Convention, in the legislative regulation of short-term and long-term visits of convicted persons to life imprisonment with their relatives and friends. In particular, in paragraph 124, the court noted that the state had an obligation to prevent the destruction of family relationship and to provide them with a reasonably good level of contact with families, visits organized as often as possible and in as normal an environment as possible. Any

unjustified bans on long visits were found not to strike a fair balance between the applicant's right to the protection of private and family life, on the one hand, and the aims invoked by the state, on the other hand. Establishing a limited number of visits of the convicted person with relatives is possible only if it is necessary taking into account the specifics of the crime committed, the personality of the convicted person, to ensure the safety of the Correctional Institution, to terminate the convicted person's relationship with other members of the criminal group [10].

Similar case in terms of further implementation in domestic legislation is the case «Belyaev and others v. Ukraine» (Application №34345/10 and 2 other applications)[11]. In particular, there was a violation of the Prohibition of discrimination (Article 14 of the convention), because although Article 151 of the Criminal Executive Code of Ukraine established equal rights for men and women convicted to imprisonment, article 18 and 139 gave women convicted to life imprisonment additional benefits, since women sentenced to life imprisonment served their sentences in medium-security colonies, they additionally, inter alia, were entitled to one long visit every six months. The law of Ukraine «On amendments to the Criminal executive code of Ukraine concerning the adaptation of the legal status of convicted persons to European standards» introduced article 151 Criminal Executive Code of Ukraine amendments granted all convicted persons to life imprisonment the right to one short-term visit every month and one long-term visit every three months, regardless of the type of correctional colony in which they were held or the security regime that was established for them.

Today, Ukraine is experiencing a legislative reform of the imposition of punishment in the form of life imprisonment against women. This is due to socio-psychological studies which have shown that female prisoners make up a small proportion of those serving punishment around the world. The majority of women convicted to life imprisonment for serious violent crimes committed them because they were subjected to violence themselves. As a rule, specific socio-demographic, socio-psychological and psychophysical properties of women are manifested in the peculiarities of their commission of crimes. In Ukraine, 23 women are serving of punishment in the form of life imprisonment [12].

Such ideas of the subject of the legislative initiative caused a mixed reaction among lawyers and the scientific community. In their opinion, it seems unjustified to abolish life imprisonment in relation to women who, during committing particularly serious crimes, may be guided by motives similar to men. Although such women are a minority, however, this position of scientists seems quite justified to us, so modern domestic legislation should be improved in accordance with European standards. In addition, such novels, in our opinion, are discriminatory against men and violate the provisions of the law of Ukraine «On ensuring equal rights and opportunities for women and men» [13].

However, the issue of discrimination in the implementation during life imprisonment was raised not only in Ukraine, in particular the issue of excluding women from the list of persons who may be assigned to the life imprisonment. Thus, the decision of the Grand Chamber of the ECHR in the case «Khamtokhu and Aksenchik v. Russia» analyzed the provisions of criminal legislation regarding the exclusion of women from the subject composition of the life imprisonment. The above-mentioned persons considered that they had been discriminated against on the basis of age and gender in determining the penalty of life imprisonment. Based their position on the fact that the measure of punishment in question should be excluded from the legislation due to its excessive severity and gender stereotypes are outdated. The ECHR pointed out that Article 5 of the Convention does not prohibit punishment in the form of life imprisonment, when it is directly provided for by state laws and stated that there is no violation by the Russian Federation of Article 5 in relation to Article 14 of the Convention in connection with the differentiation of types of criminal punishment. The court pointed out that the impossibility of assigning life imprisonment to women, minors and men over 65 years of age reflects the evolution of society in the field of penitentiary policy. The court did not rule out the development of a policy in favor of the abolition of life imprisonment in the future [14].

Among the decisions of the ECHR, a special place is occupied by questions about the presence or absence of a violation of Article 3 of the Convention. According to Article 3 of the Convention, no one may be subjected to torture or inhuman or degrading treatment or punishment. The issue of violation of Article 3 in case of life imprisonment arises when deciding on conditional early release. Thus, in Ukraine and in some other states, at the legislative level, there are requirements for reviewing the penalty in the form of deprivation of liberty after a certain period of time, if a correction of the convicted person took place, his further stay in correctional colonies does not make sense and does not meet the goals of criminal punishment. However, this does not apply to life imprisonment.

According to the legal position of the ECHR, every convicted person has the right to review the sentence, if such person follows certain conditions. At the same time, the ECHR in the concept of review includes not only conditional early release, but also the actual release of a person from places of deprivation of liberty. A violation of Article 3 of the Convention will occur if there is no mechanism in domestic legislation to review the criminal penalty of life imprisonment. By the ECHR decision in the case «T.P. and A.T. V. Hungary» found a violation of art. 3 of the Convention, despite the fact that Hungarian legislation provides for a pardon procedure after 40 years of the sentence actually served. Thus, the ECHR pointed out that 40 years is a long period of time, moreover, there are no guarantees for preserving this institution of clemency in the future, which in its totality leads to a humiliation

of the right of convicts to the prospect of release from prison [15].

In the case «Harakchev and Tolomov v. Bulgaria», one of the applicants was serving a punishment of life imprisonment without the right to conditional early release, the other with such a right. The first applicant pointed out that he was deprived of the prospect of release from the correctional facility, of the right of rehabilitation and was forced to spend his entire life in detention. The ECHR pointed out that the violation of Article 3 of the Convention exists due to the lack of clear conditions, guarantees of presidential clemency, examples in the practice of National Courts of Bulgaria of the release of convicted persons to life imprisonment without the right to conditional early release. However, the ECHR pointed to the reforms carried out in Bulgaria in 2012, which allow taking into account the applicant's punishment formally subject to review (reduction of the term) [16].

In the case "László Magyar v. Hungary" the applicant pointed out that he was deprived of the prospect of release, despite the fact that there was an institution of clemency in Hungary. The European Court of human rights ruled in this case that there is a violation of Article 3 of the Convention, because Hungarian law does not allow us to clearly determine under what conditions a convicted person will have the right to be released from prison. The ECHR called on Hungary to implement a number of reforms to streamline the legislative provisions on life imprisonment: fixing the legislative guarantee in each specific case to establish the justification, expediency of life imprisonment, as well as the right of convicts to know about the conditions, procedure for release from a correctional institution. The ECHR pointed out that within the framework of Article 3 of the Convention, in the case of reviewing a particular criminal case, criminal punishment, there is no question of automatic release of the convicted person [17].

The importance of introducing a mechanism for early liberation of convicted persons to life imprisonment is also discussed in the ECHR decision in the case «Petukhov V. Ukraine (№2)» (Application № 41216/13). Thus, the criteria and conditions for review enshrined in national law should be sufficiently clear and defined and reflect the relevant practice of the court. Certainty on this issue is not only a general requirement of the rule of law, but also underlies the rehabilitation process, which can be complicated if the procedure for reviewing the penalty and the prospects for release are unclear or uncertain. Consequently, convicts who have been sentenced to life imprisonment have the right from the very beginning to know what they must do in order for the issue of their early release to be considered and under what conditions [18].

Therefore, according to the legal position of the ECHR, in order to exclude a violation of Article 3 of the Convention, it is necessary not only to have a mechanism for reviewing punishment in domestic legislation, but also to have a real prospect of releasing a convicted person from prison under certain conditions. The form of revision of the criminal penalty

and its conditions are within the competence of each specific state. The position of the ECHR regarding the period after which the criminal penalty is subject to review is 25 years of the punishment actually served in a correctional institution.

Currently, the Verkhovna Rada Committee on law enforcement issues has considered the draft law of Ukraine «On amendments to the Code of administrative offenses of Ukraine, the Criminal Code of Ukraine and the Criminal Procedure Code of Ukraine concerning the implementation of decisions of the European Court of human rights» dated September 3, 2020 №4049, which proposes to implement the decisions of the ECHR, which have entered into force and their implementation is under the control of the Council of Ministers of the Council of Europe [19].

The draft law provides for a mechanism by which a person convicted to life imprisonment, after serving it for at least 10 years, gets the right, according to the appropriate procedure provided for in the draft law, based on the conclusions and analysis of the individual, to apply for the replacement of life imprisonment with a sentence in the form of imprisonment for a certain period, namely, for a minimum of 15 years. That is, a person convicted to life imprisonment will stay in places of deprivation of liberty for at least 25 years, as well as convicts who, as a result of a pardon, are released from serving their punishment after 25 years, and there were very few of them in Ukraine during Independence (16 people).

Conclusions and prospects. In conclusion, we want to note that the institution of execution and serving a punishment in the form of life imprisonment is relatively new and, unfortunately, given its severity, is not exemplary both in terms of legislative regulation and in terms of implementation in practice. That is why, in order to further improve the outlined institution, correct existing problems, we should turn to international standards for the treatment of persons convicted to life imprisonment, create appropriate conditions and the procedure for serving it.

References:

1. Мінімальні стандартні правила поводження з в'язнями : правила, прийняті Генеральною Асамблеєю ООН від 30 серпня 1955 р . URL: https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/995_212#Text (дата звернення: 25.03.2021)
2. Марчук В. Т. Проблеми кримінально-правової регламентації довічного позбавлення волі. Вісник Чернівецького факультету Національного університету «Одеська юридична академія». Вип. № 4. 2019. 184 с.
3. Кобец П. Н. Международный опыт и практика применения пожизненного лишения свободы. Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2008. № 5. С. 35–41.
4. Конституція України : Закон України від 28 черв. 1996 р. № 254к/96-ВР. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/254%D0%BA/96>

-%D0%B2%D1%80#Text (дата звернення: 25.03.2021)

5. Про міжнародні договори України : Закон України від 29 черв. 2004 р. № 1906-IV. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/1906-15#Text> (дата звернення: 25.03.2021)

6. Протокол № 6 до Конвенції про захист прав людини і основоположних свобод, який стосується скасування смертної кари : Міжнародний документ від 28 квіт. 1983 р. № 6. URL: https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/994_802#Text (дата звернення: 25.03.2021)

7. Справа «Бігун проти України» (Заява № 30315/10) : рішення Європейського суду з прав людини від 21 берез. 2019 р. URL: https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/974_d50#Text (дата звернення: 25.03.2021)

8. Про захист прав людини і основоположних свобод : Конвенція Ради Європи від 4 лист. 1950 р. (ратифіковано Законом України від 17 липня 1997 р. № 475/97-ВР). URL: https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/995_004#n54 (дата звернення: 25.03.2021)

9. Про внесення змін до Кримінально-виконавчого кодексу України щодо адаптації правового статусу засудженого до європейських стандартів : Закон України від 8 квіт. 2014 р. № 1186-VII. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/1186-18#n203> (дата звернення: 25.03.2021)

10. The Case of Khoroshenko v. Russia (App. № 41418/04) : decision of The European Court of Human Rights by 30 June 2015. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/fre#%7B%22itemid%22:%5B%2201-156006%22%5D%7D> (дата звернення: 25.03.2021)

11. Справа «Беляєв та інші проти України» (Заява № 34345/10 та 2 інші заяви) : рішення Європейського суду з прав людини від 6 черв. 2019 р. URL: https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/974_d89#Text (дата звернення: 25.03.2021)

12. Про внесення змін до деяких законодавчих актів України (щодо скасування довічного позбавлення волі для жінок) : проект Закону України від 20 червн. 2019 р. № 10392. URL: http://w1.cl.rada.gov.ua/pls/zweb2/webproc4_1?pf3511=66094 (дата звернення: 25.03.2021)

13. Про забезпечення рівних прав та можливостей жінок і чоловіків : Закон України від 8 верес. 2005 р. № 2866-IV. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/2866-15#Text> (дата звернення: 25.03.2021)

14. The Case of Khamtokhu and Aksenchik v. Russia (App. № 60367/08 and 961/11) : decision of The European Court of Human Rights by 13 May 2014. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/fre#%7B%22itemid%22:%5B%2201-144794%22%5D%7D> (дата звернення: 25.03.2021)

15. The Case of T.P. and A.T. v. Hungary (App. № 37871/14 and 73986/14) : decision of The European Court of Human Rights by 4 October 2016. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/rus#%7B%22tabview%22:%5B%22>

document%22],%22itemid%22:[%22001-166491%22]} (дата звернення: 25.03.2021)

16. The Case of Harakchiev and Tolumov v. Bulgaria (App. № 15018/11 and 61199/12): decision of The European Court of Human Rights by 8 July 2014. URL:

[https://hudoc.echr.coe.int/fre#%22itemid%22:\[%22001-145442%22\]}](https://hudoc.echr.coe.int/fre#%22itemid%22:[%22001-145442%22]}) (дата звернення: 25.03.2021)

17. The Case of László Magyar v. Hungary (App. № 73593/10): decision of The European Court of Human Rights by 20 May 2014. URL: [https://hudoc.echr.coe.int/fre#%22itemid%22:\[%22001-144109%22\]}](https://hudoc.echr.coe.int/fre#%22itemid%22:[%22001-144109%22]}) (дата звернення: 25.03.2021)

УДК 34
ГРНТ 10

18. Справа «Петухов проти України (№ 2)» (Заява № 41216/13) : рішення Європейського суду з прав людини від 12 берез. 2019 р. URL: https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/974_d98#Text (дата звернення: 25.03.2021)

Про внесення змін до Кодексу України про адміністративні правопорушення, Кримінального кодексу України та Кримінального процесуального кодексу України щодо виконання рішень Європейського суду з прав людини : проект Закону України від 3 верес. 2020 р. № 4049. URL: http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/zweb2/webproc4_1?pf3511=69827 (дата звернення: 25.03.2021)

Romanova I. V.

*Master's student of the 2nd year of the Law Institute
Tambov*

*State Technical University
+7 (960) 118-11-82*

Lavrik T. M.

*Candidate of Law, Associate Professor,
Head of the Department " Civil Law and Process»*

*Tambov State
Technical University»*

USE OF DIGITAL TECHNOLOGIES AT THE GENERAL MEETING OF THE COMPANY'S PARTICIPANTS

Романова И.В.

*магистрант 2-го курса юридического института
ФГБОУ «Тамбовский*

*государственный технический университет»
+7 (960) 118-11-82*

Лаврик Т.М.

*к.ю.н., доцент, зав. кафедрой « Гражданское право и процесс»
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный*

технический университет»

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА ОБЩЕМ СОБРАНИИ УЧАСТНИКОВ ОБЩЕСТВА

Annotation. The article deals with issues related to the exercise of the right to participate in the general meeting of participants (shareholders) of business companies through the use of digital technologies, aspects of the formation of the development of digital technologies and their role in law and economics, the impact on the formation of new subjects of legal regulation, including in the field of corporate relations. The article presents the norms of the Russian corporate legislation that provide for the possibility of voting at the general meeting using electronic means.

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с осуществлением права на участие в общем собрании участников (акционеров) хозяйственных обществ посредством использования цифровых технологий, аспекты формирования развития цифровых технологий и их роль в юриспруденции и экономике, влияние на формирование новых субъектов правового регулирования, в том числе в сфере корпоративных отношений. Представлены нормы российского корпоративного законодательства, обеспечивающие возможность осуществления голосования на общем собрании с применением электронных средств.

Keywords: digital technologies, corporation, general meeting of participants, electronic voting.

Ключевые слова: цифровые технологии, корпорация, общее собрание участников, электронное голосование.

Цифровые технологии развиваются и общества, внося свои изменения. Все чаще стремительно входят в различные сферы жизни используются термины «цифровизация»,

«цифровые продукты», которые влияют на повышение эффективности экономики и качества жизни общества. Цифровизация социальной и экономической жизни ставит перед законодателями задачу адаптации существующей правовой системы к новым реалиям.

Развитие технологий в целом и информационно-телекоммуникационной сети Интернет в частности стало серьезным вызовом для многих правовых институтов. К числу первоочередных мер, необходимых для обеспечения нормативного правового регулирования условиям стремительного технического прогресса и становления цифровой экономики, следует отнести разработку основных правовых институтов, обеспечивающих современный цифровой гражданский и торговый оборот, – в частности, конструирования позитивного регулирования цифровой продукции. **Целью данной работы является анализ реализации в практической деятельности института цифровых технологий в процедуре общего собрания участников общества.**

Развитие цифровизации создает предпосылки для изменения корпоративных отношений. Подобные технологии позволяют корпоративным участникам ускорить процессы работы, сократить издержки, минимизировать потери транзакций. Помимо перечисленных плюсов, данные технологии позволяют обеспечить снижение расходов связанных с реализацией прав корпоративными юридическими лицами.

Применение цифровых технологий в корпоративных отношениях ограничивается, установленными нормами корпоративного права. При этом внутренний порядок осуществления корпоративных действий с использованием цифровых технологий не может противоречить корпоративно-правовым нормам. Все чаще на практике организации готовы к внедрению передовых цифровых технологий, но они могут быть лишены такой возможности, в силу отсутствия правового регулирования [1].

Таким образом, одним из основных условий обеспечения возможности применения цифровых технологий является формирование и разработка нормативно-правового регулирования, которое бы позволило корпорациям самостоятельно определять возможность и цели использования технологий. То есть развитие корпоративного законодательства неразрывно связано с развитием цифровых технологий, которые требуют легализации их использования.

На сегодняшний день были внесены изменения в части расширения способов голосования акционеров на общем собрании за счет использования цифровых технологий в Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах». Так как, ранее, при проведении общих собраний акционеров в форме заочного голосования и общих собраний в обществах с числом акционеров, бюллетени для

голосования направлялись традиционным способом, а именно заказным письмом. Для обществ более 500 тыс. акционеров, был установлен иной порядок, если их устав предусматривал опубликование бланков бюллетеней для голосования в определенном печатном издании, доступном для всех акционеров общества (п. 3 ст. 60 Закона об Акционерных обществах) [2].

После изменений, внесенных в Закон № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» (далее – Закон об АО), появилась возможность отправления бюллетеня для голосования в виде электронного сообщения по адресу электронной почты лица, указанного в реестре акционеров общества, если такой способ предусмотрен уставом общества (пп. 3 п. 2 ст. 60 Закона об АО)[3]. Кроме того, появилось упоминание об «электронной форме» бюллетеня. Согласно п. 4 ст. 60 Закона об АО уставом общества может быть предусмотрено заполнение электронной формы бюллетеней лицом, имеющим право на участие в общем собрании акционеров, на сайте в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, адрес которого указан в сообщении о проведении общего собрания акционеров, в том числе и в ходе проведения общего собрания акционеров с фиксацией даты и времени заполнения, если они не реализовали свое право на участие в таком собрании иным способом, то есть акционеры получили возможность голосовать онлайн по вопросам повестки дня общего собрания.

В настоящее время в Госдуме рассматривается проект, предусматривающий внесение изменений в корпоративное законодательство, в том числе в части установления порядка проведения собраний[7]. Федеральным законом от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» допускается использование при проведении общего собрания акционеров в форме собрания (совместного присутствия акционеров для обсуждения вопросов повестки дня и принятия решений по вопросам, поставленным на голосование) информационных и коммуникационных технологий, позволяющих обеспечить без присутствия в месте проведения общего собрания акционеров возможность дистанционного участия в общем собрании акционеров, обсуждения вопросов повестки дня и принятия решений по вопросам, поставленным на голосование [4].

Законопроект № 1059849-7 «О внесении изменений в Федеральный закон «Об акционерных обществах» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» предоставляет возможность проведения общих собраний акционеров дистанционно, путем обсуждения вопросов повестки дня и принятия решений по вопросам, поставленным на голосование, с использованием информационных и коммуникационных технологий без определения места проведения. Акционеры могут также

использовать Единую систему идентификации и аутентификации (ЕСИА), им предоставляется возможность удаленного ознакомления с материалами и голосования [5].

В данном документе предусмотрены требования к информационным технологиям, с использованием которых могут проводиться собрания. Предусматривается отказ от направления бумажных бюллетеней для голосования и иных материалов. Участникам представлена возможность ознакомиться со всей информацией дистанционно. При этом должна вестись трансляция собрания, которая в дальнейшем приобщается к протоколу собрания. Законодатель наделяет нотариусов полномочиями удостоверения решения общего собрания акционеров, законопроектом предполагается предоставить нотариусам полномочия такого удостоверения с использованием цифровых технологий нотариата.

Таким образом, практика подтверждает заинтересованность компаний в применении дистанционных форм голосования акционеров. Например, уставы корпораций все чаще стали предусматривать использование цифровых продуктов, электронных средств на общем собрании. Особенно явно преимущества использования цифровых технологий проявляется по вопросам повестки дня [8], в связи с коронавирусной инфекцией, акционерным обществам разрешено проводить в 2020 г. общие собрания в форме заочного голосования, вне зависимости от повестки дня, в том числе годовые собрания. Таким образом, временно утрачивает силу запрет на принятие решения общего собрания акционеров путем заочного голосования по вопросам:

- избрания совета директоров (наблюдательного совета);
- об избрании ревизионной комиссии общества;
- об утверждении аудитора общества;
- об утверждении годового отчета, годовой бухгалтерской (финансовой) отчетности общества (п. 2 ст. 50, пп. 11 п. 1 ст. 48 Закона об АО).

Все указанные вопросы значимы для каждого акционерного общества. Такое решение общее собрание должно принимать ежегодно на годовом общем собрании участников акционерного общества. Электронное голосование позволило средним и мелким инвесторам извлекать свою волю, участвовать в собрании акционеров, что в итоге создает единое сообщество заинтересованных бенефициаров. Процесс ознакомления с информацией и материалами упрощается, так как нет никаких территориальных ограничений, тем самым акционеры получают возможность адекватной оценки объекта инвестирования. Все эти меры направлены на защиту интересов акционеров.

На основании вышеизложенного предлагается разработать нормы, регламентирующие безопасность инфраструктуры, способы

обеспечения доказательственной базы при совершении участником корпорации действий по голосованию в электронной форме, принципы экономической эффективности внедрения цифровых продуктов. Решение данных проблем позволит повысить эффективность использования цифровых технологий. Следует отметить, что в российском законодательстве некоторые действия в направлении создания правовых условий для применения цифровых технологий в корпоративных отношениях уже предприняты.

Например, в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 08.03.2018 №204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» была сформирована программа «Цифровая экономика». В рамках данной программы был урегулирован правовой статус «смарт-контрактов» и введено понятие цифровых прав, внесены изменения в отношении трудовых книжек, предусматривающие переход к электронным, упрощено получение нотариальных услуг путем цифровизации некоторых процедур, проводится эксперимент по внедрению кадрового документооборота, лицам которые занимаются внедрением цифровых инноваций представлена возможность применить их в условиях ограничений установленных нормативными актами путем разработки программы, где будет описано что и как организация собирается тестировать, обосновывая свои предложения, утверждена концепция развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года. Так же рассматривается вопрос об уточнении процедур идентификации, вопрос о переходе на электронный кадровый документооборот, вопрос о создании правовых основ для долговременного хранения документов.

Список литературы:

1. Загайнов Д. Электронный обмен информацией: законодательное регулирование, судебная практика и рекомендации, которыми не стоит пренебрегать // *National Business*. - №1. - 2017.
2. Колонтаевская И. Ф. Правовое регулирование корпоративных отношений в условиях цифровизации // *Вопросы российского и международного права*. -2019. -Т. 9. - № 10А. - С. 175—176.
3. Миловидов В.Д. Корпоративное управление 2.0: эволюция системы корпоративных отношений в информационном обществе // *Экономика*. 2017. № 4 (43). С. 171 – 189.
4. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации: Федеральный закон от 29.06.2015 № 210-ФЗ (ред. от 29.06.2015) // *Собрание Законодательства РФ*. - 2015. -№ 27. -Ст. 4001.

5. Письмо Банка России от 03.04.2020 № ИН-06-28/48 «Информационное письмо о проведении общих собраний акционеров в 2020 году» // URL: <http://base.garant.ru/73846410/#ixzz6LPvCjL9f>.

6. Положение Банка России от 16.11.2018 № 660-П "Об общих собраниях акционеров" // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_315800/.

7. Распоряжение Правительства РФ от 16.03.2020 № 635-п // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202003170002>.

8. Халин В. Г., Чернова Г. В. Цифровизация и ее влияние на российскую экономику и общество: преимущества, вызовы, угрозы и риски // *Управленческое консультирование*. -2018.- № 10. -С. 47.

#3(67), 2021 часть 3
Восточно Европейский научный журнал
(Санкт-Петербург, Россия)
Журнал зарегистрирован и издается в России
В журнале публикуются статьи по всем
научным направлениям.
Журнал издается на русском, английском и
польском языках.

Статьи принимаются до 30 числа каждого
месяца.
Периодичность: 12 номеров в год.
Формат - А4, цветная печать
Все статьи рецензируются
Бесплатный доступ к электронной версии
журнала.

Редакционная коллегия

Главный редактор - Адам Барчук

Миколай Вишневецки

Шимон Анджеевский

Доминик Маковски

Павел Левандовски

Ученый совет

Адам Новицки (Варшавский университет)

Михал Адамчик (Институт
международных отношений)

Питер Коэн (Принстонский университет)

Матеуш Яблоньски (Краковский
технологический университет имени
Тадеуша Костюшко)

Петр Михалак (Варшавский университет)

Ежи Чарнецкий (Ягеллонский университет)

Колуб Френнен (Тюбингенский
университет)

Бартош Высоцкий (Институт
международных отношений)

Патрик О'Коннелл (Париж IV Сорбонна)

Мацей Качмарчик (Варшавский
университет)

#3(67), 2021 part 3
Eastern European Scientific Journal
(St. Petersburg, Russia)
The journal is registered and published in Russia
The journal publishes articles on all scientific
areas.
The journal is published in Russian, English
and Polish.

Articles are accepted till the 30th day of each
month.
Periodicity: 12 issues per year.
Format - A4, color printing
All articles are reviewed
Free access to the electronic version of journal

Editorial

Editor-in-chief - Adam Barczuk

Mikolaj Wisniewski

Szymon Andrzejewski

Dominik Makowski

Pawel Lewandowski

Scientific council

Adam Nowicki (University of Warsaw)

Michal Adamczyk (Institute of International
Relations)

Peter Cohan (Princeton University)

Mateusz Jablonski (Tadeusz Kosciuszko
Cracow University of Technology)

Piotr Michalak (University of Warsaw)

Jerzy Czarnecki (Jagiellonian University)

Kolub Frennen (University of Tübingen)

Bartosz Wysocki (Institute of International
Relations)

Patrick O'Connell (Paris IV Sorbonne)

Maciej Kaczmarczyk (University of Warsaw)

Давид Ковалик (Краковский технологический университет им. Тадеуша Костюшко)

Питер Кларквуд (Университетский колледж Лондона)

Игорь Дзедзич (Польская академия наук)

Александр Климек (Польская академия наук)

Александр Роговский (Ягеллонский университет)

Кехан Шрайнер (Еврейский университет)

Бартош Мазуркевич (Краковский технологический университет им. Тадеуша Костюшко)

Энтони Маверик (Университет Бар-Илан)

Миколай Жуковский (Варшавский университет)

Матеуш Маршалек (Ягеллонский университет)

Шимон Матысяк (Польская академия наук)

Михал Невядомский (Институт международных отношений)

Главный редактор - Адам Барчук

1000 экземпляров.

Отпечатано в ООО «Логика+»

198320, Санкт-Петербург,

Город Красное Село,

ул. Геологическая,

д. 44, к. 1, литера А

«Восточно Европейский Научный Журнал»

Электронная почта: info@eesa-journal.com,

<https://eesa-journal.com/>

Dawid Kowalik (Kracow University of Technology named Tadeusz Kościuszko)

Peter Clarkwood (University College London)

Igor Dzedzic (Polish Academy of Sciences)

Alexander Klimek (Polish Academy of Sciences)

Alexander Rogowski (Jagiellonian University)

Kehan Schreiner (Hebrew University)

Bartosz Mazurkiewicz (Tadeusz Kościuszko Cracow University of Technology)

Anthony Maverick (Bar-Ilan University)

Mikołaj Żukowski (University of Warsaw)

Mateusz Marszałek (Jagiellonian University)

Szymon Matysiak (Polish Academy of Sciences)

Michał Niewiadomski (Institute of International Relations)

Editor in chief - Adam Barczuk

1000 copies.

Printed by Logika + LLC

198320, Region: St. Petersburg,

Locality: Krasnoe Selo Town,

Geologicheskaya 44 Street,

Building 1, Litera A

"East European Scientific Journal"

Email: info@eesa-journal.com,

<https://eesa-journal.com/>